

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

НИИ регионологии
ГОУВПО «Мордовский
государственный
университет
им. Н. П. Огарева»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

1/2011
(№ 74)

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические проблемы регионологии

- 4 **Л. С. Васильева, Б. О. Гомбоев.** «Регион»
в контексте географического и культу-
рологического анализа

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 16 **О. В. Бахлова.** Региональные полити-
ческие элиты в системе коммуникаций
федеративного государства
- 26 **Н. С. Шкурко.** Интерпретация социальной
памяти регионального сообщества в по-
литических мифах Якутии
- 40 **Е. Л. Аношкина.** Диспропорции развития
моноцентричного г. Пермь

Экономика региона

- 49 **О. Н. Владимирова.** Инструменты фи-
нансирования инновационной деятель-
ности в контексте «Стратегии социаль-
но-экономического развития Сибири до
2020 года»
- 57 **Е. Н. Мальченков.** Проблемы и перспек-
тивы развития инвестиционной деятель-
ности: региональный аспект
- 63 **А. В. Акишева.** Оценка финансовых по-
требностей реального сектора экономики
региона в банковских услугах.
- 74 **М. С. Мионов.** Инвестиционный марке-
тинг Волгоградской области
- 80 **Э. Р. Цулая.** Финансовый потенциал
местных бюджетов как фактор развития
социальной инфраструктуры села
- 84 **Л. И. Ерохина, А. С. Назаров.** Процесс
формирования региональных программ
развития предприятий сервиса
- 90 **Г. Н. Терякова.** Кредитная кооперация в
системе институтов финансового обеспе-
чения хозяйствующих субъектов сферы
малого бизнеса

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
С. М. ВДОВИН
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
В. А. ЮРЧЕНКОВ

- 95 **Н. В. Зубкова.** Формирование оперативно-производственных планов на предприятиях автомобильной промышленности
- 103 **Н. Н. Мелькина, Д. А. Щипанов.** Особенности формирования и функционирования деловых сетей производителей мороженого Приволжского федерального округа

Региональные проблемы науки и образования

- 110 **Об утверждении Методики оценки результативности деятельности научных организаций, подведомственных Министерству образования и науки Российской Федерации, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения**
- 115 **А. А. Балябина.** Роль малых инновационных предприятий при вузах в обеспечении энергосбережения в ЖКХ
- 120 **И. А. Васильев.** Состояние, проблемы и перспективы модернизации школьного образования в российских регионах

Социология региона

- 130 **А. К. Моисеев.** Межконфессиональные отношения в регионе: состояние, перспективы развития и пути решения проблем
- 138 **Т. В. Авдотькина.** Мотивы создания семьи и прогнозирование супружеских отношений
- 145 **В. В. Волков.** Положение студентов региона, не имеющих регистрации по месту учебы, как проблема бездомности
- 149 **Д. М. Борисов.** Сетевые ресурсы иностранной трудовой миграции в регионе
- 157 **О. Н. Тюлякова.** Медиапредпочтения студенческой молодежи региона

Социальное развитие региона

- 165 **К. Н. Коршунова.** Становление и развитие социальной защиты детства: некоторые региональные аспекты
- 176 **Н. А. Шерикбаева.** Виртуальная среда как ресурс идентичности для лиц с ограниченными возможностями

Народы России: возрождение и развитие

- 181 **А. Г. Степанов.** Этнические аспекты мировоззрения в системе социального познания
- 188 **Л. Ф. Богданова.** Роль политико-идеологического фактора в генезисе этнического сознания
- 196 **О. А. Богатова, Е. И. Долгаева.** Этнокультурная политика в регионе: интеграция институциональных факторов формирования межэтнических отношений

Информационное пространство региона

- 211 **О. В. Осипова.** Региональная информационная политика как инструмент политической коммуникации: социологическое измерение
- 216 **К. В. Дементьева.** Стимулирование внимания общественности к региональной прессе

Провинциальная культура

- 221 **Г. М. Агеева.** Воспоминания интеллигенции мордовского края как репрезентация провинциального менталитета
- 229 **Е. В. Лысова, Ф. В. Сычков:** язык цвета (выразительные возможности и специфика восприятия)
- 241 **А. Н. Руськин.** Заводское поселение Выкса в российском социокультурном пространстве
- 248 **Л. П. Князькова.** Растения в традиционной медицинской культуре мордвы

Л. С. ВАСИЛЬЕВА Б. О. ГОМБОЕВ

«РЕГИОН» В КОНТЕКСТЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

Ключевые слова: регион, пространство, ландшафт, культурный ландшафт, природный территориальный комплекс, район, территория

Key words: region, space, landscape, cultural landscape, nature territorial complex, district, territory

Научные изыскания последних лет в разных областях в полиэтнической Бурятии обнаруживают неоднозначное использование понятия «регион». Во многих работах оно выступает в качестве основного объекта исследования, служит базисом для функционирования природных и культурных систем и в то же время подменяется терминами «территория», «природно-территориальный комплекс», «район», «ландшафт», «пространство». Чаще всего специалисты рассматривают перечисленные понятия как синонимы и заменяют друг другом даже в тех случаях, когда использование одного из перечисленных терминов является неприемлемым.

ВАСИЛЬЕВА Людмила Самсоновна, ведущий инженер Байкальского института природопользования СО РАН, кандидат культурологии (г. Улан-Удэ).

ГОМБОЕВ Баир Октябрьевич, заместитель директора по науке Байкальского института природопользования СО РАН, доктор географических наук, доцент (г. Улан-Удэ).

В связи с этим есть необходимость выявления сущности базовой категории «регион» на основе сравнительного анализа ее применения в контексте географии и культурологических исследований.

Замещаемость слов «район», «ландшафт», «регион» и использование их в качестве синонимов обусловлено, на наш взгляд, их общим происхождением от латинского слова *regio* «район, область, страна». При его переводе и интерпретации на другие языки, во-первых, оно сохраняет свое исходное значение, во-вторых, обретает различную этимологию, в-третьих, в ходе эволюции научного и общественно-исторического развития наполняется различным смыслом и трансформируется в более емкие и базовые понятия для разных научных направлений.

Источником происхождения понятия «регион», помимо латинского *regio*, считают французское слово *region* (*regire*), также исходящее от латинского *regio* «править». Отсюда, по мнению Г. М. Бирженюка, берут начало закрепившиеся в русском языке слова «режиссура», «режим», «регулирование», т. е. слова, подразумевающие управляющее воздействие².

В современной физической географии регион — это значительная по размерам территория, обладающая некоторой общностью природных условий³; обобщенное название единиц физико-географического районирования любого таксономического ранга⁴. Кроме того, он также употребляется в тех случаях, когда одновременно рассматриваются или подразумеваются единицы разных рангов. Отметим, что в связи с генезисом концепции регионализма в географии, рассмотрения его в контексте культурного районирования Б. М. Ишмуратов отдает предпочтение категории «район»⁵. Он трактует район как глубокую, многокомпонентную и пространную цепочку причин и следствий, взаимных связей и взаимообусловленности предметов и явлений материального мира земной поверхности. Согласно экономической трактовке, под регионом подразумевается часть территории, где существует система связей между хозяйствующими субъектами; подсистема всего социально-экономического комплекса и воспроизводственного цикла страны; сложный территориально-экономический комплекс со своей структурой связи с внешней и внутренней средой⁶; объективное

пространственное образование, в основе которого лежит территориальный хозяйственный комплекс соответствующего таксономического ранга⁷.

Социально-политическая трактовка понятия «регион» показывает его в качестве социально-территориальной общности, т. е. совокупности социальных, экономических, политических факторов развития территории⁸. Культурный регион — это «пространство, необходимое и достаточное для осуществления и самопроизводства человеческой жизнедеятельности, имеющее культурный аспект, представляющий собой целостную ландшафтную систему (включающую взаимодействующие природно-географические, технико-производственные и информационно-коммуникативные компоненты), в которой осуществляется первичная ментальная самоидентификация и духовное самоопределение территориального сообщества»⁹.

Также регион используется в значении территориальной единицы государства, т. е. может совпадать с границами территории государства, охватывать территорию группы стран, имеющих сопредельные границы, обусловленные какой-либо общей характеристикой¹⁰; в России — общее название субъекта Федерации. В связи с этим регион в отечественной географии — это, скорее всего, показатель его уровня в планетарной системе взаимоотношений.

В качестве подтверждения этого аспекта понимания следует назвать традиционное обыденное восприятие и употребление слова «регион» в российском обществе как административно-территориальной единицы, шире — нескольких смежных административных единиц. Важнейшим следствием перехода России к рыночному типу хозяйства и открытой экономике стало вовлечение краев, областей, республик в сферу трансграничных товарообменных процессов. При этом процессы глобализации и урбанизации, геополитическая ситуация, научно-технический прогресс, разделение труда, конъюнктура рынка, удачный выбор покупателей произведенного продукта, поставщиков необходимых изделий, оборудования и т. д. из смежных регионов, из-за рубежа и другие проявления современной специфики регионов становятся элементарной частью управления региональным развитием.

Целесообразность переноса акцента в культурной географии на региональный уровень объясняется разными

факторами. Обосновывается это тем, что при господстве общих, глобальных тенденций в одних и тех же временных рамках развитие социокультурной, экономической и других сфер происходит неодинаково на различных территориях: в одних регионах наблюдается спад, в других — развитие. Считается, что именно на уровне региона возможен наиболее оптимальный вариант устойчивого развития и рационального природопользования в контексте общественно-природных отношений с учетом организационных, институциональных, материальных, человеческих и других ресурсов. Именно поэтому на региональном уровне есть объективная возможность осуществлять оценку эффективности организации территории, оказывать качественное управляющее воздействие на развитие общества и культурные процессы. По мнению Б. М. Ишмуратова, сложное переплетение внутрисоссийских тенденций и внешнеэкономических процессов, формирование новой и чреватой большими неожиданностями геополитической структуры мира делают наши регионы не только объектом, но и важнейшим субъектом выхода человечества к новому тысячелетию своей истории¹¹.

Специализация и состав природопользования, ландшафтно-зональная организованность природы как высшая, наиболее оптимальная форма устойчивого, взаимообусловленного функционирования всех компонентов географической оболочки соединяют в себе образец (идеал) и неизбежное нарушение соотношений их компонентов. Поэтому достижение их соответствия — необходимое условие устранения препятствий для прогресса, основная цель (задача, стратегия) интегрированного регионального развития¹². Здесь особый интерес представляет выявление закономерностей и типичных черт региональной культуры и природопользования как звена планетарной системы, выступающего в качестве материальной и духовной основы дифференциации национальных систем культурного районирования, реализации социально-экономических программ обновления технологических парадигм, сложных процессов структуризации этнолингвистических, социокультурных и международно-политических процессов наибольшей масштабности¹³.

Процесс становления теоретического и методологического подходов в исследовании вопросов регионализма наиболее последовательно и детально рассмотрен у М. В. Рагулиной. И возникновение, и развитие научного понимания

культурного района, по ее мнению, связаны с немецкой и французской географическими школами, которые в начале XX в. сформулировали основные положения региональной концепции. В основе концепции лежало выделение «малых географических единств», переходящих в более широкие общности, а также «наложение» природных, социальных и культурных феноменов в определенном ареале, т. е. ареальное распространение культуры¹⁴.

С 30-х гг. XX в. в американской региональной географии под влиянием пространственных (хорологических) концепций Р. Хартшон определил культурный район как ментальный конструкт, в основе которого лежит идея территориальной связи различных культурных проявлений¹⁵, т. е., по словам В. Н. Стрелецкого, он произвел районирование пространств, вмещающих культуру¹⁶. Позднее эта концепция сопровождалась внедрением позитивистской методологии, что позволило моделировать, графически и количественно выразить аспекты культурного районирования. Далее эта «конфигурация культуры» послужила для В. Зелински основой для формирования нового подхода в культурной географии: исследование вернакулярных районов — территорий, которые целостно воспринимаются местными жителями вне зависимости от административных границ¹⁷. Помимо пространственной специфики восприятия территории, исследования вернакулярных районов подвели к важнейшей теме — региональной идентичности¹⁸, которая стала узловым моментом для междисциплинарных связей, обеспечив приток в географию философских, психологических, филологических и других трактовок регионального самосознания человека и общества.

Философский плюрализм 80—90-х гг. XX в. привел к созданию новой платформы регионализма в культурной географии. Основная методологическая предпосылка коллективной работы «Открывая заново регион» (Allen, Massey, Cochrane, 1998) заключается в отказе от стремления изучать все доступные региональные грани и выделение трех приоритетных направлений: экономических процессов, социальных отношений и культуры¹⁹. По мнению М. В. Рагулиной, именно в культурном аспекте новая региональная география провозглашает подлинное «переоткрытие» региона. Этот подход, на ее взгляд, не является собственно

культурным районированием, но культура играет роль его организующего звена. Кроме того, названная схема нуждается в дополнении еще одним необходимым компонентом — природным блоком, что расширит границы ее практического применения²⁰.

В отечественной географии единственная попытка культурного районирования была предпринята в 1947 г. Р. М. Кабо, который предложил типологию хозяйственно-культурных зон и культурно-исторических районов²¹. Сейчас наблюдается усиление внимания специалистов разного профиля к этой проблеме (выделяются некие специфичные аспекты и компоненты, на основе которых определяются теоретические и методологические подходы в исследовании региона). Например, И. Н. Белобородова отмечает, что характеристики региональных и локальных вариантов культуры (районов) должны проводиться по многофакторной системе, включающей естественно-географические, историко-генетические, культурно-традиционные, этносоциальные, этноконфессиональные, политические факторы и факторы региональной идентификации²².

Одно из первых комплексных исследований по теории и практике российского регионализма было выполнено в 1994 г. С. Я. Суцим и А. Г. Дружининым. Единицей районирования ими признается «геоэтнокультурная система» (ГЭКС), рассматриваемая как «территориальная (географическая) целостность, локализованная в пределах определенного ареала и формируемая взаимодействием этнических общностей, антропогенезированных природных комплексов (ландшафтов) и особых форм пространственной организации общества (территориальных общественных систем) в процессе природопользования»²³.

Слово «ландшафт» появилось в IX в. в трудах монахов Фельдского монастыря в Германии. При переводе с латыни «Евангелической гармонии» богослова Татиана они заменили латинское regio «район, страна» на слово lantscaf, что означало «единая священная земля единой паствы (земля обетованная); территория, упорядоченная, согласно общегерманскому плану; форма, соответствующая содержанию, суть которой — благодать, нисходящая на „братьев и сестер во Христе”»²⁴. Это слово в дальнейшем трансформировалось в понятие, далекое от первоначального смысла.

В настоящее время ландшафт — одно из фундаментальных понятий географии. Дальнейшая разработка учения о ландшафте привела к формулировке представления (часто называемого региональным) о ландшафте как основной ступени в системе географических комплексов и целостной территориальной единице со строго ограниченным объемом и содержанием²⁵. Ландшафт есть территория, однородная по своему происхождению и истории развития, обладающая единым геологическим фундаментом, однотипным рельефом, общим климатом, единообразным сочетанием гидротермических условий, почв, биоценозов и закономерным набором морфологических частей — фаций, урочищ и местности²⁶. Другая распространенная трактовка в географии ландшафта связана с его определением как участка земли и его свойств, обусловленных взаимодействием рельефа, климата, геологической структуры, почв, растительного и животного мира и человеческой деятельности²⁷. В качестве существенного критерия выделяют его однородность и неделимость как в зональном, так и азональном аспектах. Отсюда каждый ландшафт является составной частью более сложных таксономических единиц физико-географического районирования. Ландшафт также рассматривается в рамках административно-территориального деления.

В связи с фундаментальностью понятия «ландшафт» существует много подходов в его исследовании и толковании. Одна точка зрения приравнивает ландшафт к окружающей среде, ее климатическим и географическим условиям, которая существует независимо от проживающих в ней людей и не подвергалась значительным изменениям человека²⁸. Другая точка зрения исходит из культурологической природы ландшафта и рассмотрения его как «системы способов репрезентации, структурирования и символизирования окружающей среды»²⁹. Т. Инголд трактует ландшафт как мир в том виде, в каком он известен и представляется его обитателям. Ландшафт в ее понимании — это образцы активности, трансформировавшиеся в пространственное расположение элементов; внешние формы моделей человеческой деятельности³⁰. М. В. Рагулина считает, что в физической географии интегративный потенциал природного ландшафтоведения давно и убедительно доказан³¹. Организующий принцип физико-географических подходов к трактовке по-

нятия «ландшафт» — деятельностный и системный. Такой характер методологии исследования стал стимулом для аналогичных поисков в культурном ландшафтоведении.

Во многом аналогично понятию «ландшафт» сегодня трактуется и словосочетание «природно-территориальный комплекс», под которым понимаются географический комплекс, геосистема, закономерное сочетание природных, географических компонентов (земной коры с присущим рельефом, воды, воздушных масс, почв, сообществ живых организмов), образующих целостную материальную систему³². Это одно из основных понятий физической географии, широко применяемое в ландшафтоведении и общем землеведении. Отсюда видно, что «ландшафт» и «природно-территориальный комплекс» близки по смыслу и практически равнозначны.

Другой наиболее распространенный и универсальный перевод *ragio* на русский язык как «район» относится к французскому *rayon* (буквальный перевод — «радиус, луч»). В настоящее время под районом понимается территориальная единица или территория, выделяющаяся по каким-либо признакам, особенностям; в России — название административно-территориальной единицы сельской местности и части больших городов с населением свыше 300 тыс. чел.³³

Термин «территория» происходит от латинского *territorius* и означает часть «земного шара с определенными границами»³⁴; земельное пространство, на которое распространяется юрисдикция государства или административная единица (территориальное образование) в его составе³⁵. На наш взгляд, рассмотрение территориальных аспектов допускает произвольное (по административным, зональным, комплексным и другим типам деления) выделение определенного участка земной поверхности, скрепленного пространственными связями (разнородных явлений, однородных объектов и других независимых переменных) для решения на нем определенных задач.

В то же время многие исследователи часто ассоциируют регион с категорией «пространство». Пространство — это фундаментальное понятие человеческого мышления, наряду со временем отображающее множественный характер существования мира, его неоднородность. Большое количество предметов, объектов, данных в человеческом восприятии одновременно формирует сложный пространственный об-

раз мира, являющийся необходимым условием ориентации любой человеческой деятельности. В широком понимании пространство выражает порядок расположения одновременно сосуществующих объектов, а время — последовательность существования сменяющих друг друга явлений. Время и пространство не отделяются от материи, движение является их сущностью. Поэтому материя, движение, время и пространство образуют единое целое.

Культурология, историческая география, психология, социология, лингвистика обнаруживают историко-культурную и социальную нагруженность понятия «пространство», возникшего и долго существовавшего как форма до- и вненаучного знания, как категория культуры наряду с другими культурными универсалиями. Теории пространства касаются фундаментальных измерений мира человека и выражают их в специфически нестрогих параметрах, таких как «верх» и «низ», «центр» и «окраина», «поверхность» и «глубина», «удаленность» и «близость», «опережение» и «отставание», фиксирующихся уже на уровне обыденного сознания. Они служат экспликацией того, в каких координатах и векторах описываются динамика и статика человеческого существования, конструируется его онтология³⁶.

Категория «пространство» широко применяется в культурологии. По мнению культурологов, оно формирует мир предметов, среду обитания и процессы «второй природы». Оно целиком выступает продуктом и сферой человеческой мысли и деятельности, отделяясь от специфики местной природы и обретая универсальный характер, приложимый к разным сообществам. Кроме того, различные системы, модели, страты и другие продукты социального жизнеобеспечения рассматриваются с точки зрения расположения их в пространстве (территориальная организация, размещение объектов и институтов и т. д.).

Так как в предметную область географии входит рассмотрение результатов человеческой деятельности и разума, детерминированных специфическими проявлениями местности, то очевидно широкое использование в этой науке хорологической (пространственной) концепции. По замечанию Б. М. Ишмуратова, предметная география идет к установлению общности и изоморфизма сетей и структур через признание дополнительности природных сил и про-

цессов, материально-предметной деятельности общества как факторов, дифференцирующих и формирующих конкретный облик (структуру и сети) географической оболочки или, шире, материального мира земной поверхности³⁷. География изучает жизнь или отношение людей с окружающей их природной средой в различных странах, районах, сравнивая их между собой в поисках лучшего опыта, в интересах их прочного будущего. Иными словами, география выявляет закономерную специфику культуры, обусловленную географическими проявлениями местности.

Из приведенных определений видно, что различие объекта и предмета исследования в естественных, гуманитарных и общественных науках, а также философское, идеологическое, мировоззренческое предпочтение, политическое устремление и эмоциональное различие исследователей и специалистов обуславливают разнообразие терминологических различий и специфики вкладываемого в них смысла. Если в естественных науках предпочтительнее использование категорий «район», «ландшафт», «природно-территориальный комплекс» в связи с их детерминированностью компонентов географической оболочки, то в гуманитарных и общественных науках наиболее широко употребляются категории «территория», «регион», «пространство». На наш взгляд, это связано с гибкостью исследуемых параметров и их «детерминированностью» человеком, обществом, т. е. любыми проявлениями и продуктами деятельности человеческого разума — «второй природы», пространственными факторами положения и связи. Сущность категории ландшафта в отличие от региона в пространственно-временной целостности свойств местности, т. е. укорененности и особенности явлений, состоит в отличии вещей и процессов одного места от свойств и особенностей предметов другого ландшафта. Специфика категории пространства заключается в изучении многообразных, преимущественно универсальных, процессов, явлений и продуктов социальной (человеческой) деятельности и «образов мира». Сущность категорий «территория» и «район» в отличие от региона заключается в универсальности и широте их значения. Взаимозаменяемость этих понятий обусловлена наличием общей характеристики в их трактовке как части земной поверхности, выделяемой по определенным границам и масштабам, а также общностью этимологического проис-

хождения и исходного значения этой категории. Основной спецификой категории «регион» являются территориальные особенности тех или иных объектов и процессов, стремление их «укоренения» с местоположением, выделение его границ на основе юридических, природно-хозяйственных, этнографических, культурных, административно-территориальных и других аспектов и признаков.

Таким образом, использование нами категории «регион» исходит из содержания этого понятия, указывающего на его масштаб и уровень в системе планетарных взаимоотношений. Данное понятие наряду с ландшафтом включает также территориальные и пространственно-временные аспекты, обладающие целостностью и взаимосвязанностью его составных частей, необходимых для исследования трансформации природной и культурной среды, т. е. объективной интеграции различных объектов исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Исследование трансформации природной и культурной среды в полиэтнических регионах с диверсифицированной структурой ландшафта и хозяйства» за № 09-02-062202 а/Т.

² См.: Бирженюк Г.М. Методологии и технологии региональной культурной политики: автореф. дисс. ... д-ра культурологии. СПб., 1999. С. 21.

³ См.: URL: wikipedia.org/wiki (дата обращения: 14.10.2010).

⁴ См.: Краткая географическая энциклопедия / гл. ред. А.А. Григорьев. Т. 3. М.: Сов. энцикл., 1962.

⁵ См.: Ишмуратов Б.М. География — теории, детерминизм и природопользование будущего // Региональное природопользование и фундаментальные проблемы географии будущего. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2001. С. 16—17.

⁶ См.: URL: wikipedia.org/wiki ...

⁷ См.: Государственно-территориальное устройство России: реформирование регионального уровня / под ред. В.И. Гришина, В.В. Кистанова. М.: Финансы и статистика, 2007. С. 15.

⁸ См.: URL: wikipedia.org/wiki ...

⁹ Савельев В.В. Методологические особенности регионального культурного проектирования // Культура региона: состояние, проблемы, перспективы. М., 1997. С. 7—11.

¹⁰ См.: Скиннер М., Редферн Д., Фармер Дж. География. А — Я: слов.-справ. / пер. с англ. К.С. Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. С. 335.

¹¹ См.: Ишмуратов Б.М. География — теории, детерминизм и природопользование будущего. С. 25.

¹² Там же. С. 28.

¹³ Там же. С. 29.

¹⁴ См.: Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск: Изд-во ин-та географии СО РАН, 2004. 171 с.

¹⁵ Там же. С. 61.

¹⁶ Цит. по: Там же.

¹⁷ Там же. С. 62.

¹⁸ Там же. С. 63.

¹⁹ Там же. С. 64.

²⁰ Там же. С. 65.

²¹ См.: Кабо Р.М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. 1947. № 5. С. 5—32.

²² См.: Белобородова И.Н. Региональная идентичность как фактор формирования социально-территориальной общности: этнокультурный подход к определению исследовательского поля // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: материалы семинара. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999. С. 208—232.

²³ Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.

²⁴ Тютюнник Ю.Г. О происхождении и первоначальном значении слова «ландшафт» // Изв. РАН. Сер. География. 2004. № 4. С. 116—122.

²⁵ См.: Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Изв. ИРГО. 1915. Т. 51. № 9. С. 463—475.

²⁶ См.: URL: wikipedia.org/wiki ...

²⁷ См.: Zonneveld I. The land unit — a fundamental concept in landscape ecology, and its applications // Landscape Ecology. 1989. Vol. 3. № 2. P. 67—86.

²⁸ См.: Crystal D. The Cambridge Encyclopedia. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 412.

²⁹ Daniels S. and Cosgrove D. Introduction: Iconography and Landscape. In The Iconography of Landscape. 1—10. 1988. P. 1.

³⁰ См.: Ingold T. The Temporality of the landscape // World Archaeology 25, 152—74. 1993. P. 156.

³¹ См.: Рагулина М.В. Культурная география ... С. 100.

³² См.: URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 18.10.2010).

³³ См.: Краткая географическая энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энцикл., 1964. С. 329.

³⁴ См.: Словарь русского языка: в 4 т. Т. IV. М., 1961.

³⁵ См.: Краткая географическая энциклопедия. Т. 4. С. 104.

³⁶ См.: URL: wikipedia.org/wiki ...

³⁷ См.: Ишмуратов Б.М. География — теории, детерминизм и природопользование будущего. С. 9.

Поступила 25.10.10.

О. В. БАХЛОВА

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИЙ ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА¹

Ключевые слова: власть, коммуникации, политический субъект, регион, статус, субсидиарность, унитарное государство, федеративное государство, элита

Key words: power, communication, political entity, region, status, subsidiarity, unitary state, federative state, elite

В любом государстве, независимо от формы его территориальной организации, наблюдается своеобразный политический парадокс. Он состоит в том, что положение региональных элит характеризуется дуализмом статуса. С одной стороны, их статус определяется политической зависимостью от центра (соответственно, региональные элиты должны быть ретрансляторами его политики), с другой — зависимостью от местной поддержки (таким образом, они обязаны выражать и защищать региональные интересы). Следовательно, их призвание в государстве заключается в активном участии в создании системы соединения частного группового (регионального) интереса с общегосударственным и системы обратной связи между групповым действием и общенациональной политической технологией, т. е. в координации региональных политических программ с общенациональными, с адаптацией последних к региональной специфике. Вследствие этого «прорыв» региональных элит в общегосударственную политику сочетается с «местническо-этнократическим» типом сознания и поведения.

В то же время те или иные принципы, реализуемые в территориальном устройстве государства, могут значительно

¹ БАХЛОВА Ольга Владимировна, профессор кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета, доктор политических наук.

ослабить эффект дуализма, сняв остроту дихотомии. С этой точки зрения необходимо проанализировать положение региональных политических элит в унитарном государстве и в сложноорганизованном (на примере федеративного).

Имея в виду региональные элиты унитарного государства, на наш взгляд, целесообразнее употреблять термин «местные элиты», поскольку понятие «регион» в нем имеет несколько иное значение, чем в федеративном государстве. Регион унитарного государства — это особая территориальная общность, которая обладает определенной культурно-исторической и (или) этнической самобытностью, относительной экономической самостоятельностью (специализацией) и, как правило, не пользуется политико-правовой самостоятельностью. Специфика политико-правового статуса отдельных регионов в некоторых унитарных государствах (Испания, Италия и др.) обусловлена по преимуществу этническим моментом, поэтому применительно к их политическим элитам можно использовать термин «этнократия». Опять же, в стратегии и тактике местных элит и этнократий находят свое отражение преобладание следования воле центра со стороны первых и почти безусловное доминирование среди вторых тенденций к суверенизации, в максимальной степени приближающейся к местничеству, «закрытости».

Можно выявить несколько статусных различий в положении региональных элит в разных по форме территориального устройства государствах: 1) в унитарном государстве имеется большая степень контроля за местными элитами со стороны центра (она варьируется в зависимости от степени децентрализации государства); 2) под местными элитами унитарного государства мы понимаем преимущественно местную администрацию и лидеров этнических организаций, движений регионального и местного уровней; 3) указанное обстоятельство существенно ограничивает возможности использования местными элитами унитарного государства собственных политических технологий, т. е. рамки и радиус их самостоятельного политического действия сравнительно узки. В своей политической деятельности местные элиты оперируют категориями регионального масштаба, рассчитанными на восприятие только региональным политическим сознанием; 4) как правило, у этих элитных группировок отсутствуют полномочия выработать альтернативные прог-

раммы развития государства; 5) значительно уменьшается дифференциация их статусов, поскольку центр признает легальным только единый национальный статус государственных функционеров². С другой стороны, населением соответствующего региона легитимным может считаться, например, статус выразителей «национальной идеи».

В итоге стратегии поведения местных элит в унитарном государстве отличаются значительной степенью схождения, «одинаковости», относительной «деполитизацией». Их статус в целом предполагает выполнение роли «статистов» центра, отношения с которым строятся по коммуникативной модели его доминирования. На практике происходит корректировка ситуации благодаря усилиям самих местных элит или же вследствие «мягкой» политики центра, ослабления его позиций.

Федеративное государство, по своей сути являющееся союзом, предполагает совершенно иные принципы взаимоотношений центральной (федеральной) и региональных элит. Исходя из указанного выше понимания федеративного государства, следует признать в качестве основной формулы, определяющей это взаимодействие, «плюрализм и дисперсность власти». Если в простом государстве, базирующемся на принципе нивелирования, предполагается прямая унитарная (вертикальная) связь, непосредственно соответствующая идеологии этатизма, то в федеративном государстве в качестве идеально-типической может считаться партиципативная модель, признающая обратное воздействие и со стороны «нижних горизонтов управления» (региональных властей)³.

На практике такая модель корректируется: 1) наличием (отсутствием) определенного уровня политической культуры, основанной на исторически сложившихся в данном обществе традициях самоорганизации и самоуправления, и уровнем стабильности в государстве. Соответственно, модель взаимодействия будет исходить либо из идеологии этатизма, либо из идеологии патернализма, либо из идеологии либерализма, либо из сочетания их отдельных элементов; 2) основанием федерализма, влияющим на симметричность и стабильность коммуникаций; 3) особенностями положения субъекта федерации (геополитическими, политико-правовыми, экономическими, историко-культурными), определяющими статус региональных элит, стратегию их поведения по отношению

к федеральному центру, набор тактических приемов; 4) действующей или внедряемой моделью федерализма.

Для осуществления типологизации моделей взаимодействия рассмотрим систему вертикальных («федеральная элита — региональные элиты» в контексте отношений «федеральный центр — регион (субъект федерации)») и горизонтальных («региональная элита — региональная элита» — взаимоотношения политических элит субъектов федерации) связей. Коммуникативная модель (по вертикали) образуется сочетанием определенных принципов взаимодействия федеральной и региональных элит и конкретных методов этого взаимодействия. При этом основным институтом взаимодействия в данном измерении будет выступать властная иерархическая вертикаль (федеральные власти — органы государственной власти и управления субъектов федерации, т. е. региональные власти).

Можно выделить несколько каналов вертикальных связей: 1) экономические: прежде всего, через механизмы бюджетного федерализма; 2) политические: через органы регионального представительства (например, Совет Федерации в РФ, Бундесрат в ФРГ и др.) — прямые контакты с федеральной элитой; через представителей федеральной власти в федеральных округах и субъектах федерации (например, полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах и федеральных инспекторов) — косвенные контакты; через участие в политических партиях и движениях федерального масштаба или вхождение в коалицию с ними (блок ХДС / ХСС в ФРГ); 3) персональные: через личные контакты, встречи.

Наиболее общими принципами коммуникации по вертикали можно считать принципы организации межуровневых отношений в федеративном государстве («сложноорганизованного единства», «множества в единстве», субсидиарности, законности и конституционности, верховенства федерального права). Спектр практических методов взаимоотношений центральной и региональных элит разнообразен. В реальной политической жизни это означает взаимодействие отстаивающих свои интересы сторон, которое приводит (или не приводит) к достижению соглашения. Отношениям, основанным на принципе господства-подчинения, соответствует использование методов командно-административного характера, когда центр

проводит жесткую централизаторскую политику, а субъекты федерации лишены самостоятельности и превращены в простых исполнителей его воли, всякое нарушение этой воли пресекается. Отношениям, основанным на признании фактической самостоятельности субъектов федерации и их политических элит, когда они самостоятельно исполняют собственную волю, а решения (интересы) центра учитываются в недостаточной степени либо вовсе не учитываются, соответствуют методы противостояния, конфронтации, что способствует развитию политической анархии и дестабилизации федеративной системы в целом⁴.

Положение региональной элиты в системе вертикальных связей выражается в ее статусе, который зависит от ряда условий: фактического потенциала региона, его места в системе бюджетного федерализма (дотационный регион или регион-донор); геополитического (стратегического) положения региона (приграничность, периферийность или, наоборот, приближенность к центру); социально-политической стабильности в регионе; политико-правового статуса субъекта в асимметричных федерациях (региональные элиты, обладающие статусом суверенитетом субъектов федерации, имеют лучшие позиции как политические акторы); признания населением региона (степени легитимации); авторитета представителей региональной элиты, особенно регионального лидера, и их способности конвертировать свой авторитет в политическую активность, участие в общегосударственных событиях; создания и актуализации на конкурсе общенациональных проектов региональной модели (программы) развития, что трансформирует региональную власть в идеологический центр федерального значения; реализуемой модели межуровневых отношений; отстаивания (лоббирования) интересов собственного региона перед федеральным центром и другими субъектами федерации; активности в поддержании и развитии горизонтальных контактов.

Возможна следующая дифференциация статусов в зависимости от стратегии поведения региональных элит по отношению к центру: 1) *статус «статистов»* федерального центра (проводников его политики, процессов общенационального уровня). Роль региональных элит при этом сводится к репродуцированию, заимствованию политических технологий из центра. Этот статус соответствует системе коммуникаций,

базирующейся на принципах одностороннего преимущества центра, подчинения региональной элиты федеральной. Подчинение центру происходит ввиду отсутствия возможностей проведения самостоятельной политики, необходимости укрепления своего положения в регионе из-за внутриэлитных разногласий и других факторов; 2) *статус «конформистов» («прагматиков»)*, трансформирующих и реализующих федеральную политику с учетом прагматичных соображений: региональные элиты проявляют лояльность центру в обмен на относительную свободу действий на территории соответствующего региона; 3) *статус «генераторов-реформаторов»*, предлагающих определенные новации (в экономической, политической и иных сферах) для использования их в других регионах и на территории всей федерации. Они лояльны федеративной системе, но не федеральной элите; 4) *статус «самтрапов»*, отказывающихся от бесперебойной трансляции идей и политики федеральной элиты на подконтрольные регионы и вырабатывающих собственные программы регионального развития. Они лояльны региональным, собственным корпоративным интересам и требуют особых отношений с центром, особого статуса в системе федеративных отношений.

Соответственно, статус региональной элиты отражает характер и степень трансляции воли федеральной элиты на регион, реализации федеральной политики и лояльность региональной элиты по отношению как к федеральной элите, так и федеральному центру в целом.

Участвуя в системе вертикальных связей, региональные элиты выполняют важные политические функции: реализация своего общего статуса политического субъекта — связи федерального центра и субъектов — продолжение властной вертикали; координация интересов политических элит; лоббирование региональных и собственных корпоративных интересов с воздействием на федеральный центр и федеральную элиту; стабилизация (или повышение) своего политико-правового статуса; содействие сохранению целостности общего коммуникативного, политико-правового пространства федерации.

Признавая самым важным фактором в концептуализации федеральной системы управления применение методов соглашения, следует определить несколько коммуникативных моделей (по вертикали):

— модель «взаимодействия», базирующаяся на достаточно высоком уровне сотрудничества центральной и региональных элит (главное условие — совпадение их интересов, что ведет к стабильности государства, политической поддержке друг друга, экономической выгоде и т. д., но не к установлению субсидиарной компетенции федерации и ее субъектов; как правило, в этом случае наличествует конкурирующая компетенция). Отсюда определяющий принцип взаимоотношений — прагматизм. Основными методами деятельности являются координация (согласование позиций, политических программ и стратегий) и торг (политический, экономический и др.). Стороны формально признают субъектность друг друга, хотя основным мотивом их взаимного позитивного поведения выступает цель максимизации выигрыша (поэтому такая стратегия, соответствующая теории игр с нулевой суммой, ограничена конкретными временными рамками, ситуацией стабильности-нестабильности; она более всего соответствует периоду трансформации). В условиях этой модели региональные элиты сохраняют прагматическую лояльность в основном федеральной элите (отчасти и федеративной системе);

— модель «соприсутствия», которую можно считать переходной (в ее основе лежат завершение периода трансформации и выработка определенных правил политической игры). Здесь прагматизм действий ввиду соображений собственной выгоды дополняется рационализацией стратегии, которая теперь в большей степени учитывает общегосударственные интересы и направлена на стабилизацию федеративных отношений и тактики (основными методами взаимоотношений становятся компромисс и договор). В таких условиях по-прежнему сохраняется принцип максимизации выигрыша, только переориентированного на лояльность федеральной системе;

— «субсидиарная» модель, исходящая из введения субсидиарной компетенции уровней власти в федерации. Участники вертикального взаимодействия признают равноправие, равноценность, значимость друг друга, решая соответствующие проблемы. Поэтому важнейшим здесь является принцип «решения проблемы» путем взаимодополняемости действий, а основным методом — диалог. Таким образом, предполагается активная партиципация федеральной и региональных

элит, их активное вовлечение в общегосударственный и региональный политические процессы. Прагматичная лояльность окончательно перетекает в рациональную лояльность федеральной системе. В идеале в результате происходит трансформация федеральной и региональной элит в политических акторов, способных «представить убедительный синтез групповых интересов с общенациональными и общецивилизационными ценностями»⁵.

В федеративном государстве система коммуникаций эффективно дополняется горизонтальными связями. С этой точки зрения наиболее удачным анализ горизонтальных связей региональных элит представляется с позиций теории кооперативного федерализма, которая исходит из признания горизонтальной кооперации, т. е. сотрудничества между однопорядковыми общностями, в том числе и между региональными элитами, как в конституционно-правовых рамках, так и на неправовом уровне.

Можно выделить несколько каналов горизонтальных коммуникаций региональных элит в федеративном государстве:

— через общегосударственный парламент (в первую очередь благодаря представительству в верхней палате — Сенат в США и пр.), когда осуществляется взаимодействие представителей верхнего уровня региональных политических элит (властных элит). Степень согласия, проявляющаяся в этом процессе, демонстрирует степень сплоченности, кооперации региональных элит по отношению к федеральному центру;

— через встречи представителей региональных властей (например, в ходе конференций ландесгауптманов в Австрии, заседаний ассоциаций губернаторов в США), проводящиеся с целью обсуждения различных вопросов и ускорения процессов согласования и принятия решений на федеральном уровне. Таким образом, их основная функция — не лоббирование, а координация позиций и действий;

— через участие в так называемых «партиях регионов», осуществляющих включение региональных элит в процесс предвыборной борьбы на федеральном уровне, что отражает их ориентацию на активное участие в «большой» политике (горизонтальная политическая кооперация);

— через различные межрегиональные объединения (ассоциации) (МАЭВ в РФ и др.), создание которых свидетельствует о развитии горизонтальной экономической кооперации. В то же время, помимо развития экономических связей, этот канал имеет важное функциональное значение в политической сфере (политическое взаимодействие, воздействие на высший уровень властной вертикали, корректировка или подтверждение своего статуса в системе вертикальных связей);

— через двусторонние соглашения субъектов федерации. Как правило, такие соглашения заключаются не только ради достижения конкретных экономических целей, но и для развития горизонтальной кооперации в целом (особую роль в этом процессе играют представители региональных властных элит при активном участии экономических элит).

Таким образом, процесс легализации региональной элиты как политического актора опосредуется участием определенного субъекта федерации (особое значение имеют конституционализация и законодательная институционализация на федеральном и региональном уровнях, формирующие правовые условия выборов региональных властей и их функционирования). Децентрализация процесса принятия решений определяет самостоятельность региональных властных элит в сфере компетенции соответствующего субъекта федерации. Разнообразие моделей федерализма позволяет говорить о дифференциации статусов региональных политических элит. Развитие контактов региональных элит осуществляется не только по линии властной вертикали, но и по горизонтали — в ходе так называемой «горизонтальной кооперации». Реализация принципа субсидиарности позволяет региональным политическим элитам не просто решать местные проблемы, но и выходить на федеральный уровень с альтернативными политическими программами, вырабатывать концепции регионального развития, играя роль регионального идеологического центра (в этом смысле необходимо отметить политизацию региональных политических элит в федеративном государстве). Наличие органа регионального представительства, развитие горизонтальной кооперации, политизация региональных элит дают им дополнительные гарантии сохранения политического статуса и защиты интересов перед федеральным центром. Следует

также отметить значительную степень самоопределения региональных элит и их включение в общегосударственный политический процесс как равноправных партнеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009—2010 годы). «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)» (проект № 2.1.3/1134).

² См.: Старцев Я.Ю. Политизация и деполитизация местной администрации: российские перспективы в свете европейского опыта // Политико-административная элита и государственная служба в системе властных отношений. Ростов н/Д: СКАГС, 1996. Вып. 1. С. 100.

³ См.: Магомедов А.К. Общество регионов // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 2. С. 47.

⁴ См.: Бахлов И.В. Современное федеративное государство (опыт методологии анализа федеративных отношений). Саранск, 1999. С. 52—54.

⁵ Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996. С. 352.

Поступила 10.06.10.

Н. С. ШКУРКО

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФАХ ЯКУТИИ

Ключевые слова: политическая мифология, идеологический конструкт, символическая элита, тенгрианство, курыкане, духовность, программа олонхо, вторая прародина человечества, этнорегиональные элиты

Key words: political mythology, ideological construct, symbol elite, Tengriism, qurikans, spirituality, olonkho programme, second ancestral home, ethno-regional elites

Кризис российской государственности рубежа XX—XXI вв. и «парад суверенитетов» регионов стимулировал новый подъем активного политического мифотворчества. В культуре XX в. политический миф выступает в качестве одной из важнейших философских категорий, а ремифологизация как действенная сила организует поведение человеческих масс, реализуется в общественных ритуалах: «в цивилизованном обществе... вытесненная из экономики наукой и техникой, иррациональность сосредотачивается на власти и становится ее стержнем». Политический миф трактуется как инструмент манипуляции общественным сознанием, как часть идеологии, регулирующая духовную жизнь общества¹.

Политические мифы, сконструированные профессионалами (представителями политической и символической элиты), существенно отличаются от архаических и религиозных, хотя основными объектами мифологизации остаются прошлое конкретного социума, сохраняющее актуальность для современников, а также реальные люди и события настоящего и недавнего прошлого. Используемые в качестве инструмента борьбы за влияние (поскольку за любым политическим

ШКУРКО Наталья Сергеевна, доцент кафедры культурологии Северо-восточного федерального университета, кандидат философских наук (г. Якутск).

мифом стоят конкретные интересы лиц или групп) мифы моделируют политическое пространство и время: задают ритм, масштаб и эмоциональную напряженность обстановки, а также «спрессовывают», низвергают социокультурные основы или, наоборот, демонстрируют «постоянство» времени и социальной памяти. «В критических ситуациях человек всегда обращается к отчаянным средствам. Наши сегодняшние политические мифы как раз и являются такими отчаянными средствами. Когда разум не оправдывает ожиданий, то всегда остается в качестве *utilio ratio* власть сверхъестественного и мистического»². Политический миф представляет, по мнению К. Флада, «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах»³. А. М. Цуладзе считает, что это «миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимации власти, осуществления политического господства»⁴. Мы понимаем политический миф как способ объяснения политической и социокультурной действительности, апеллирующий не только к разуму, но и эмоциям потребителей данного мифа.

Помимо политических мифов общероссийского уровня, к которым относится модернизированный вариант имперского мифа о «возрождающейся великой державе» с его преломлением на уровне субъектов Федерации, в регионах России функционируют собственные политические мифы, имеющие локальную адресность и «оформляющие» потребности местных (этнонациональных) политических элит.

В ходе исторического развития России на ее огромном пространстве оформились масштабные территориальные общности, выделяющиеся своей индивидуальностью в социально-экономическом и политическом облике — регионы. Население конкретных субъектов РФ (Урал, Якутия, Амурский край, Чукотка) регионально идентифицирует себя, причем эта идентификация носит, как правило, надэтнический характер и определяется не национальной, а территориальной принадлежностью, акцентирующей самобытные, социально значимые психологические и даже антропологические черты.

Широта спектра мифологических конструктов, созданных в регионах с различным профессиональным мастерством, объясняется влиянием нескольких факторов.

Во-первых, отказ от советской практики решения основных вопросов жизнедеятельности региона в Москве обусловил спонтанное формирование локальных сообществ и локальных идентичностей в регионах России. В национальных регионах до начала перестройки внутри социальной прослойки единой советской интеллигенции (людей в основном с едиными взглядами, поведенческими стереотипами, мифами) существовали искусственно «выращенные» национальные кадры как результат «коренизации» партийного аппарата, административных структур, системы высшего образования и науки, национальной культуры (обращалось внимание на создание условий для развития высокой культуры у нерусских народов). С распадом СССР начинается процесс формирования национальных элит республик, областей как «достаточно самостоятельных высших групп, занимающих относительно привилегированное положение и непосредственно формирующих этнополитические взгляды и идеологию народов республик»⁵. К середине 90-х гг. XX в. региональные элиты (в том числе этнополитические и этноэкономические) консолидировали в своем составе, кроме политических деятелей, административной интеллигенции и банкиров, представителей интеллектуальной, творческой и символической элиты (научных работников и преподавателей высшей школы, журналистов, бизнесменов, известных спортсменов, руководителей общественных организаций), претендующих на роль идеологических, интеллектуальных и творческих лидеров местного сообщества.

Во-вторых, в 90-е гг. XX в. в процессе формального демократического транзита региональным (и особенно этнорегиональным) политическим элитам правительством Б. Н. Ельцина в обмен на обеспечение электоральной поддержки и сохранение лояльности был дан карт-бланш. При слабом федеральном правительстве этнорегиональные элиты были заинтересованы в увеличении политического и символического капитала региона, от которого зависели и реальный объем власти, и степень воздействия на федеральный центр.

Якутия уже в начале 90-х г. XX в., следуя известной сентенции «берите столько суверенитета, сколько сможете удержать», лидировала среди регионов, построивших на своих территориях правовые системы, во многом противоре-

чащие федеральному законодательству. Главной движущей и мобилизующей силой суверенизации Якутии, Башкирии и др. стала собранная под риторикой суверенитета, возрождения национальной культуры и самобытности гуманитарная интеллигенция регионов, объединившая положения либерализма и этнонационализма и доказавшая свою аутентичность.

В-третьих, региональная автаркия с ее практикой непубличного осуществления общественно-политического процесса и ограничения коммуникационных потоков федерального и межрегионального уровня компенсировала недостаток информации на уровне локальных сообществ мифологическими конструкциями, для которых точность деталей менее важна, чем правдоподобие и соответствие уже сформированным фреймам массового сознания.

Мифологизация регионального политического пространства как результат целенаправленной работы историков, политиков, публицистов, представляющих определенные социальные слои и этнические группы, обеспечивала замену рациональных механизмов восприятия иррациональными. Конечно, подобная деятельность требовала «хронологической дистанции» (необходимо время, чтобы сконструированные постулаты и образы закрепились в массовом сознании) и не могла гарантировать идеальный результат. Так, практика российских регионов за 15—20 лет (Республика Саха (Якутия), Дальний Восток, Чечня, Белгородчина) свидетельствует, что результат культивирования политического мифа на уровне региона может быть противоположным запланированному. Мобилизация этнической, этноконфессиональной идентичности, предпринимаемая региональными элитами, может оказаться недостаточно сильной для внесения нового мифа в общественное сознание или, наоборот, выйти из-под контроля, заставив центр отреагировать на положение в регионе как определенную угрозу, вплоть до кадровых перестановок (чеченский конфликт как пример политического авантюризма локальных элит и несвоевременного принятия адекватных мер федеральными властями).

В-четвертых, следует отметить степень контроля региональными политическими элитами информационного пространства. Современные СМИ (особенно федеральные и региональные общественно-политические газеты), как доказала в своем исследовании Н. Р. Балынская, выступают с 2000 г.

как акторы политического процесса, обуславливающие как политическое поведение всех субъектов этого процесса, так и особенности развития политического процесса в регионах. Хотя в регионах в развитии медийного и информационного процесса востребованы традиционные роли СМИ, однако именно новая функция определяет уровень влияния региональных властей (или регионального сообщества) на протекание политического процесса в целом, выступая в качестве актора⁶. В Республике Саха (Якутия), где актуален вопрос о сохранении специфики региона культуры титульного этноса, политические вопросы неизбежно сталкиваются с национальной составляющей, что накладывает определенный отпечаток на выработку политических решений и обуславливает позицию региональных СМИ.

Порожденные перестройкой и распадом страны «молекулярные» изменения в сознании региональной интеллигенции привели к ее расколу по отношению к западной и русской культуре на неоязычников и культивизаторов, возникновению этнополитических и политизированных этнокультурных движений («Кут-Сюр», «Саха кэскилэ», «Саха омук», Республиканское ветеранское общество «Осуохай»), возглавлявшихся научными сотрудниками Института гуманитарных исследований СО РАН. Активное обсуждение этого процесса республиканскими СМИ, привлекающими в качестве экспертов знаковых в регионе личностей (общественных деятелей, мастеров искусства и др.), а также деятельность информационных порталов и сайтов (особенно якутоязычных) привели к созданию одного из самых мощных информационных пространств в Дальневосточном федеральном округе, закрепив за Якутском статус политизированного города.

В Республике Саха (Якутия) формирование региональной идеологии происходило целенаправленно, в расчете на повышение статусных позиций этнополитической и этнокультурной элиты в политико-управленческом и социокультурном контекстах в сфере «центр-периферийного» взаимодействия. В основном базовые мифологемы Якутии были созданы небольшой группой вузовской интеллигенции — членами Аналитического комитета при президенте республики. Со временем усилия региональных философов, историков, экономистов, филологов привели к постепенному обростанию

этнокультурных мифологем теоретическими и эмпирическими данными, прохождению через процесс «огосударствления» и оформлению как официальной идеологии. Одновременно происходил процесс этатизации этничности, в результате которого статус «коренного» народа стал идентичен статусу «государствообразующего».

Республиканскими изданиями в 1993—2007 гг. для населения республики, федерального центра и всего мира целенаправленно формировался образ Республики Саха как самостоятельного суверенного государственного объединения в составе РФ. В различных аспектах прорабатывалась идея, что республиканский суверенитет и государственность, насчитывающие почти 400 лет со времен легендарного Тыгына, являются «нашими» возрожденными и значимыми национально-республиканскими достижениями, которые в интересах народов Якутии, особенно народа Саха, необходимо «отстаивать», «укреплять», «наполнить истинным содержанием». Понадобилось 19 лет, чтобы вместо понятия «государственный суверенитет» в Конституции Республики Саха (Якутия) в мае 2009 г. появилась формулировка «государственность республики».

Создаваемая в регионе политическая мифология опирается на социальную память «титульной нации» и выполняет ряд функций, способствующих накоплению символического капитала региона и региональных акторов.

Во-первых, это легитимация существующего социального порядка, включая главное лицо региональной власти — президента, отстаивающего интересы различных групп населения региона, которые обладают массовостью и электоральным потенциалом. Позиционирование заботы и попечительства как определяющего компонента отношений «региональная власть — население» особенно эффективно в условиях малой численности экономически самостоятельного населения и людей с высоким уровнем дохода в социально-экономической структуре Якутии. Политико-культурная составляющая мифа заботы отражает патриархальный тип региональной политической культуры населения, ожидающего от власти решений социально значимых и частных проблем.

Созданные по профессионально проработанным технологиям политические мифы выступают эффективным механизмом конструирования реальности. Поэтому духовные

лидеры этнокультурных и этнонациональных движений с увлечением занимаются поиском предков, наиболее отвечающих запросам сложившейся этнополитической ситуации. Отсюда продуманное обращение к социальной памяти титульного этноса — сопоставление деятельности первого Президента Республики Саха (Якутия) с Тыгыном, могущественным тойоном хангаласских якутов⁷, заложившим после многочисленных побед над другими якутскими племенами в конце XVI — первой четверти XVII в., по мнению местных историков, основы якутской государственности. Отзвуки «славы» Тыгына сохранились в фольклоре центральных и самых отдаленных северных улусов.

Эпоха Президента Республики Саха (Якутия) М. Е. Николаева трактовалась представителями региональной элиты и региональными СМИ как десятилетие «радикального обновления строительства новой демократической Якутии», «расцвета науки, культуры и духовности республики», «ступательно-неуклонного дрейфа Якутии к «стабильности и благополучию» в рамках «циркумпольной цивилизации». Все его решения подавались как очередная победа в трудном деле соперничества-противостояния с федеральным центром во имя новой Якутии, высокообразованной и духовно богатой, в полной мере реализующей свой высокий человеческий потенциал⁸.

Со смертью Тыгына оказалась в забвении целая историческая эпоха, уступив место новой — в составе России. Уход М. Е. Николаева с поста Президента Республики Саха (Якутия) в 2001 г. стал поводом для создания серии локальных мифов о Якутии «золотого века»: период суверенитета и паритета с федеральным центром, экономическое благополучие, попытка создания «алмазного эмирата», возрождение традиционной культуры народа саха, культ высшего образования, здорового образа жизни и спорта.

В Республике Саха (Якутия) сложились две основные мифологемы:

1) *региональный лидер — хранитель, защитник своей земли*. Для построения конструкта используется «народный» характер происхождения первого лица или делается акцент на его тесные связи с представителями простого народа. Первый Президент Республики Саха (Якутия) М. Е. Николаев — выходец из семьи колхозников, получивший диплом

ветеринарного врача и сделавший карьеру в северных улусах. Второй Президент Республики Саха В. А. Штыров — сын адмирала, поэтому в СМИ республики особое внимание обращалось на детство в Верхоянском улусе, любовь к Северу и поэтапное восхождение от рядового инженера к руководству алмазным концерном «АЛРОСА» — бюджетообразующим предприятием региона.

Сюда же вписывается мифологема «всеприсутствия», разрабатываемая для демонстрации осведомленности первого лица о проблемах населения региона через проведение выездных заседаний, прямых эфиров, работу общественных приемных, снятие проштрафившихся чиновников, облет отдаленных территорий, оказание помощи при чрезвычайных ситуациях и технокатастрофах с неременной трансляцией результатов через СМИ;

2) *позиционирование региона, выделяющегося из соседних субъектов и (или) выполняющего государствообразующую сверхзадачу (основными критериями становятся экономические показатели и историческая традиция)*. Формированию этого мифа способствует ряд факторов. Прежде всего, это приграничное положение региона («Якутия — окно в Азию», «Якутия — перекресток культур», «главный участник торгово-экономической интеграции восточных территорий России в динамично развивающуюся экономику Азиатско-Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии»). Этот фактор может нести как позитивную, так и негативную тенденцию, если указывает на давление извне (в трех слабонаселенных северных провинциях КНР проживает более 120 млн чел., в то время как в Якутии — 0,948 млн чел., в том числе 52 % — это представители народа саха). Огромное значение имеют уникальные природные ресурсы⁹, древняя история, сохранение исторической преемственности и этнической идентичности до настоящего времени.

Язык и культура выступают важными политическими ресурсами, значимость которых в общественном мнении возрастает, если удается продемонстрировать их древние истоки. Поэтому проявляется особая забота о поддержании или даже об усилении их своеобразия, например, о сохранении чистоты родного языка или богатой фольклорной традиции¹⁰.

В этнических республиках (здесь Якутия не является исключением) преобладающей мифологемой-аргументом в пользу уникальности региона и необходимости большей экономической, культурной, политической автономии выступает приписывание титульному этносу истории настолько древней, насколько это могут обосновать представители этнической интеллигенции. Бренд «Якутия — вторая прародина человечества» строится на исторической загадке. В 140 км от Якутска по правому берегу р. Лены находится древнейшая стоянка человека Дириг-Юрях, возраст которой региональными специалистами определен в пределах 1,8—2,5 млн лет.

Благодаря СМИ, литературе и театру в массовом сознании представителей титульной нации закрепились мифологемы о родстве народа саха с легендарными курыканами, или монгольскими воинами Чингиз-Хана («Оэлун-учжин мать Чингис Хаана была родом из самых уважаемых людей среди племени олхонутов»). Самой последней по времени попыткой переосмыслить место народа саха в истории мировой цивилизации является «письмо Романа Дмитриева», автор которого (первый якутский чемпион Олимпийских игр 1972 г., имевший влиятельных друзей в эзотерических и политических кругах) обратился к Президенту РФ Д. А. Медведеву с законопроектом о включении тенгрианства как традиционной религии народа саха в список религий, рекомендованных к изучению в рамках предмета «Основы духовно-национальной культуры народов России». Сорок пять депутатов Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) поставили подписи под посланием своего коллеги, предлагая признать на уровне РФ в качестве традиционной якутской религии религиозно-политический конструкт, разработанный группой местных интеллектуалов, творчески интерпретировавших религиозные воззрения древних монголов и тюрков (IV—V тыс. до н. э.).

Даже наличие мощного пласта самобытного культурного наследия шаманизма, признанного и активно изучаемого уже триста лет зарубежными и российскими учеными, не остудило амбициозных желаний реанимировать пантюркистскую религию. Все божества патриархального пантеона народа саха, весьма подробно изученные в фольклоре, трактуются разработчиками этой концепции как ипостаси (аватары)

единого бога-творца Айыы (Тенгри). В каноны новой веры авторы заложили обоснование шаманских обрядов и ветхозаветный набор заповедей.

Споры о сущности и актуальности тенгрианства на страницах республиканских СМИ в 2009 г. «подогрели» художественный фильм «Тайна Чингис Хана». Мощный акцент на религию, забытую самими тюркскими народами и вовсе не известную европейской публике, обусловил провал «гимна тенгрианству» (при бюджете в 10 млн долл.) в российском прокате и теплый прием в «тюркских» республиках. Тема «наследия предков» обрела новый смысл и нового мессию — Чингис Хана, чья мать, по версии фильма, является представительницей благородного курыканского рода, а все недостойные деяния персонажей (от похищения отцом Чингис Хана чужой жены до казни побратима Джамухи) объяснялись служением воле Неба-Тенгри.

Попытки внедрить изучение тенгрианства в школах республики обусловлены переменами в содержании национально-регионального компонента, нежеланием региональных властей финансировать обучение по сокращенным предметам из регионального и школьного компонентов, ориентацией большинства семей среднеобеспеченных якутян исключительно на оплату дополнительных часов по необходимым для поступления в вуз предметам ЕГЭ. Таким образом, сокращение часов на общественно-гуманитарные дисциплины национально-регионального компонента, формирующие основы региональной идеологии, предполагается восполнить за счет «религии предков».

Попытка переписывания культурной истории региона с учетом сложившейся социально-политической конъюнктуры и связанных с ней интересов и ценностей¹¹ объясняется потребностью в идеологических дивидендах, связанных с вовлечением в орбиту интересов идеологически восприимчивой части населения — учащихся, пока вовсе не способных критически потреблять и интерпретировать предоставляемую им альтернативную историю.

Подчеркивание духовности, избранности регионального сообщества как одного из творцов уникальной «циркумпольной культуры» остается одним из действенных приемов формирования локальной политической мифологии в Якутии. Официальной идеологией региона в 90-е гг. XX в. стала

идеология «культивизации», предполагающая ускоренный подъем образования, науки и культуры народа саха, что должно было превратить якутов в одну из наиболее цивилизованных национальностей мира. Наверное, ни в одном субъекте Федерации в 90-е гг. XX в. не уделялось столько внимания и не выделялось средств развитию системы народного образования, поддержке учительства, обязательному получению молодежью полного среднего образования, выделению грантов для учебы якутских студентов за границей и др. Ведущим идеологом «культивизации» был легендарный писатель Д. К. Сивцев — Суорун Омоллоон, пропагандирующий идею приобщения якутов к европейской цивилизации через русскую светскую и православную культуру¹².

В культивизаторском проекте якутских властей большое значение имела «духовность» как способность сохранять, развивать и преумножать высокие идеалы культурного наследия предков, в том числе религии. Стратегическая установка заключалась в стремлении возродить национальную традицию, культуру, фольклор и самосознание титульного этноса и развивать неоязычество, так как идеи шаманизма совпали с курсом на суверенизацию региона и консолидацию титульного этноса. С этой целью в республике были созданы Министерство культуры и духовности Республики Саха (Якутия), Академия духовности для возрождения и дальнейшего совершенствования духовности народа Якутии, сохранения и обогащения его самобытной культуры, наращивания интеллектуального потенциала; проводились международные конференции по шаманизму; был объявлен национальным праздником Ысыах; принята программа «Возрождение и развитие олонхо до 2015 года». В качестве новой задачи Академией духовности в конце апреля 2010 г. продекларирована необходимость повышения уровня культурного и духовного сознания народа республики.

К популярным локальным политическим мифам, пропагандируемым в региональном медиапространстве, относятся «прорыв в мировое сообщество» в области индустриального производства, добычи сырьевых ресурсов, образования, туризма и др.; духовное, культурное возрождение народов Республики Саха (Якутия), включая «языковое строительство» титульного этноса, воспитание подрастающих поколений в традициях этнической культуры и духовности.

Немаловажным фактором формирования региональной мифологии является комплиментарное отношение к православной церкви региональной политической элиты. Такое отношение диктуется не столько ценностными установками первых лиц регионов, сколько попытками получить влиятельных политических союзников из федерального центра в условиях неустойчивого пакта с противоборствующими региональными элитными группировками. Так, представители региональной этнополитической элиты присутствовали на богослужении в Знаменской церкви во время визита в республику В. В. Путина, но не с меньшим энтузиазмом собирались в мечети на двух часовую встречу с полномочным представителем Президента РФ К. Исхакова во время его первого официального визита в Якутию.

Свой потенциал в полной мере не раскрыл «пакет» региональных мифов, объединенных темой «политическая экология». В республике, регионе с уникальными экосистемами и развитым традиционным культом матери-природы, все активнее используются «экологические» технологии борьбы за власть, апробированные в Иркутской области и на Урале. Например, «Общественный экологический центр Республики Саха (Якутия)» провел серию акций в районах работы нефтепровода ВСТО, протестуя против нанесения окружающей среде экологического ущерба. Конструкторы этого мифа полагают, что под экологическими лозунгами устойчивость регионального сообщества легче дестабилизировать, чем под «антипрезидентскими».

Таким образом, региональный политический миф, по нашему мнению, есть способ объяснения политической и социокультурной действительности в регионе, апеллирующий к разуму, эмоциям и социальной памяти населения конкретной территории. Для развития локальной политической мифологии достаточно весьма произвольно трактуемой исторической или социальной памяти, на основе которой региональными политтехнологами и представителями символической этнокультурной элиты выстраивается эффектная конструкция: проведение параллелей с эпизодами «славного прошлого этноса»; политическая реклама харизматических деятелей региональной истории и культуры, достижений предков в историко-культурном прогрессе; «обретение» тайных мест и знаний как реализация идеологии избранности.

Интерпретация социальной памяти регионального сообщества является питательной средой для амбициозных замыслов этнорегиональных политических группировок. Выбор версии региональной истории будет определяться не столько ее исторической достоверностью, сколько социальными, политическими и культурными интересами региональной элиты.

Необходимы транзитологические исследования, предполагающие анализ политических изменений переходного характера, связанных со становлением нового качественного состояния политической системы¹³. Современные региональные сообщества, несмотря на высокий технический уровень и информационную оснащенность, остаются объединениями людей, эмоционально взаимодействующих друг с другом и с окружающим миром в вопросах социального детерминизма, духовно-ценностных мотивов деятельности и смысла истории. Социальная память регионального сообщества (культура, история, духовные референты) представляет собой ценный политический ресурс, который эффективно «срабатывает», создавая объединяющий, «резонирующий» миф, отвечающий историческим представлениям и современным потребностям населения российских территорий и являющийся питательной средой для амбициозных замыслов и планов региональных политиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Топорков А.Л. Мифы и мифология XX века: традиции и восприятие. URL: www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm (дата обращения: 13.05.2010).

² Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Прогресс, 1998. С. 532.

³ Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 14.

⁴ Цуладзе А.М. Политическая мифология. М.: Эксмо, 2003. С. 38.

⁵ Малякин И. Российская региональная мифология: три возраста // Pro et Contra. Т. 5. Зима-2000. С. 110—111.

⁶ См.: Бальнская Н.Р. Специфика участия средств массовой информации в политическом процессе современной России: моногр. Екатеринбург: УрАГС, 2009. С. 84.

⁷ См.: Борисов А.А. Тыгын — человек, легенда, символ // ИЛИН. 1998. № 2—3. С. 25.

⁸ См.: История либерализма в Якутии: материалы науч.-практ. конф., 28 сент. 2004 г., г. Якутск / редколл.: А.Е. Аммосов, А.А. Борисов, В.Г. Ива-

нов (отв. ред.). Якутск: Ин-т гуманитар. исслед., полит. партия «Союз правых сил», Якут. регион. отд-ние, 2005. С. 57.

⁹ В Республике Якутия выявлено более 1 500 месторождений, включая 150 кимберлитовых трубок, 600 золотоносных, 44 оловянных и столько же каменноугольных, 34 нефтегазовых, 26 слюдяных и 7 железорудных. На долю республики приходятся 47 % разведанных запасов угля, 35 % запасов природного газа и нефти Восточной Сибири и Дальнего Востока, 22 % всех гидроресурсов России. Якутия обеспечивает на 100 % добычу в РФ сурьмы, на 98 % — алмазов, на 40 % — олова, на 15 % — золота и на 24 % — производство бриллиантов.

¹⁰ См.: Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Полис. 2004. № 5. С. 29.

¹¹ К концу XIX в. 98 % населения Якутии были православными благодаря подвижнической деятельности святого Иннокентия (Вениаминова), имели возможность слушать церковные службы и читать Евангелие на родном языке.

¹² См.: Сегень А.Ю. Просветитель Якутии // Русский дом. 2006. № 9. С. 86.

¹³ См.: Вайнштейн Г.И. Российский транзит и проблема типологического разнообразия «глобальной демократизации» // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна: Феникс+, 2001. С. 159.

Поступила 02.09.10.

Е. Л. АНОШКИНА

ДИСПРОПОРЦИИ РАЗВИТИЯ МОНОЦЕНТРИЧНОГО г. ПЕРМЬ¹

Ключевые слова: агломерация, плотность использования территории, пространственное планирование города

Key words: agglomeration, territory utilisation density, special city planning

В России постсоветского периода под влиянием социально-экономических и институциональных преобразований происходят изменения схемы расселения на уровне регионов, городов и районов, а также меняются принципы организации экономики, механизмы управления городским развитием, уклад жизни горожан. Кроме того, в условиях глобализации, повышения мобильности ресурсов и факторов производства становится другой модель конкуренции. Последняя имеет теперь не только отраслевой и микроэкономический, но и территориальный характер. В настоящее время изучению и регулированию этих процессов уделяется недостаточное внимание на уровне исследований и подготовки управленческих решений. Это способствует тому, что в результате стихийного характера вышеописанных процессов формируются диспропорции пространственного развития российских регионов и городов.

Как известно, одной из актуальных проблем современной России является истощение человеческого и трудового потенциала, что существенным образом оказывает влияние на перспективы социально-экономического развития страны. Что касается Пермского края, то можно отметить, что с 2000 по 2008 г. численность населения на его территории сократилась на 161 тыс. чел., или на 5,6 %. Таким образом, каждый год в Пермском крае население сокращается в среднем на 0,7 %,

АНОШКИНА Екатерина Львовна, директор Центра регионального развития, инноваций и управления Пермского государственного технического университета, доктор экономических наук.

что соответствует общероссийской тенденции высокой убыли населения. При появлении возможности самостоятельно выбирать места для жизни люди стали уезжать из города. Только за последние 10 лет из города уехало более 80 тыс. чел., при этом за 17 лет численность населения города в целом сократилась на 136 тыс. чел.

Депопуляция усиливает значимость качества населения (его мобильность, модернизация образа жизни, трудовые мотивации, повышение уровня образования и улучшение здоровья). Миграционная проблема в Перми носит не только количественный, но и качественный характер. В Пермь в основном приезжают люди из других территорий края, а сам город стал «донором населения» для других регионов². По данным социологического опроса, желание «жить в другом городе» в той или иной форме высказали 38 % респондентов в возрасте от 18 до 30 лет. При этом в ближайшие 2—3 года планируют переехать жить в другое место 7,8 % опрошенных в возрасте от 18 до 30 лет. Доля установок на жизнь в Перми среди молодежи год от года сокращается, что является тревожным сигналом для городского сообщества³. Данные социологических опросов показывают, что основные причины переезда в Пермь — это возможность трудоустройства, родственные связи и учеба (для молодого населения). Главными «минусами» города, формирующими «установку на отъезд», являются уровень благоустройства города, состояние транспортной инфраструктуры, безопасность.

В постоянно меняющейся и формирующей новые вызовы среде каждому региону, городу, муниципалитету нужен стратегический маркетинговый план, чтобы успешно конкурировать на глобальном рынке за мобильные ресурсы, особенно за жителей. В настоящее время города становятся все более ответственными за свой маркетинг. Органы управления городов, участвующих в глобальной конкуренции, должны проводить самостоятельные или сторонние исследования, искать внешние ресурсы для реализации своих целей, выстраивать осмысленные взаимоотношения с целевыми аудиториями и т. п.

В 2009 г. администрация Перми для разработки стратегического мастер-плана привлекла европейские проектные организации. Это, пожалуй, первый опыт в России, когда для стратегического планирования крупного города были привле-

чены исключительно европейские специалисты. В группу разработчиков входили KСАР Architects&Planners (Нидерланды, г. Роттердам), Bureau Alle Hosper (Нидерланды, г. Хаарлем), Poory Infra Oy (Финляндия, г. Хельсинки — Вантаа). Здесь нет смысла проводить анализ разработанного мастер-плана. Желаящие могут ознакомиться с целями, задачами и основными проектными решениями этого документа, обратившись к электронному ресурсу⁴. Остановимся на том, чего, по нашему мнению, нет в стратегическом мастер-плане.

Отметим, что его разработчики представили качественный анализ типологии застройки, уровня благоустройства, городского ландшафта и т. п., а также подготовили проектные решения, направленные на качественное преобразование градостроительной среды города. Однако, как мы считаем, в сферу внимания разработчиков не попали важные аспекты, которые необходимо учитывать в условиях продолжающихся демографических изменений, преобразований экономической и социальной сферы крупного российского города.

Практически единственным количественным показателем, используемым для обоснования проектных решений, является показатель плотности застройки территории. Он рассчитывается для кварталов или микрорайонов с определенным типом застройки и измеряется суммарной поэтажной площадью застройки наземной части зданий и сооружений в габаритах наружных стен, приходящейся на единицу территории (тыс. кв. м/га).

Проектные решения мастер-плана г. Перми направлены на повышение плотности застройки, в том числе в центральных районах города. Плотность застройки в центральных районах предлагается увеличить в среднем с 0,66 до 1,8 (для разных типов застройки могут быть отклонения от среднего значения). Существуют разные подходы к анализу плотности использования территории города, однако для полноценного градостроительного анализа необходимо учитывать, каким образом конкретная территория используется не только для жилищного строительства, но и для экономической деятельности и административных функций⁵.

Исходя из этих соображений, мы рассчитали коэффициент плотности использования территории с учетом размещения экономических, административных и социальных организаций, предприятий и учреждений. Был проведен

расчет комплексного показателя плотности использования территории как количество экономических и административных предприятий и организаций, расположенных на одном гектаре застроенной территории. Результаты расчета представлены на картограмме (рисунок). Анализ плотности использования территории города базируется на предположении, что территория считается плотно используемой, если общее количество предприятий и организаций на гектаре превышает 6. Определены территории в центральных районах города, которые относятся к плотно используемым (на картограмме они выделены темно-серым цветом). Как видно, большая часть центрального района города относится к плотно используемым территориям, здесь располагается большое количество экономических организаций и предприятий, а также административных зданий и социальных объектов. В ряде случаев плотность использования превышает пороговый уровень критерия более чем в четыре раза (на картограмме они выделены черным цветом).

Отметим, что в Перми из общего количества поездок по территории города только каждая вторая совершается на общественном транспорте, другая половина осуществляется с использованием личного автомобиля⁶. Таким образом, центр города в результате очень плотного использования испытывает значительные транспортные перегрузки. Здесь налицо высокая интенсивность автомобильного движения, многократное превышение нормативных значений выбросов загрязняющих веществ, загроможденность хаотично припаркованными автомобилями.

Во многом такая ситуация связана с неэффективными решениями муниципальной власти Перми, которые способствовали в течение последнего десятилетия вытеснению массового жилищного строительства на окраинные территории города. В центральных районах города из-за высоких административных барьеров в основном строилась коммерческая, офисная и торговая недвижимость. Многие горожане, переезжая в отдаленные районы города, продолжали ездить на работу в центр. Кроме того, они предпочитали устраивать своих детей в школы, расположенные в центре, чтобы обеспечить интеграцию детей в городскую социально-культурную среду.

Рисунок. Картграмма плотности использования территории центра г. Перми

С учетом концепции «маркетинга территории» для прогнозирования дальнейшего пространственного развития города мы должны рассмотреть предлагаемые решения с точки зрения потенциальных так называемых «покупателей территории»: покупателей жилья, предпринимателей и арендаторов коммерческой недвижимости. Обеспеченные горожане предпочитают комфортабельные загородные дома, а для финансирования массового строительства нужны новые государственные подходы к долгосрочному кредитованию. Таким образом, непонятно, на какую категорию жителей рассчитаны предложения по увеличению плотности застройки центра города.

Кроме того, если плотность застройки увеличивается в несколько раз в центральных районах города, то это может ухудшить условия ведения бизнеса и снизить потребительский потенциал территории, так как бизнес, который арендует площади в центре города, ориентирован на оказание деловых и сервисных услуг для жителей и предпринимателей не окружающих кварталов, а всего города. Увеличение плотности использования территории приведет к снижению ее транспортной доступности, так как в плотно используемых территориях транспортная доступность определяется наличием парковочных мест для индивидуального автотранспорта. Дефицит парковок в центре Перми замечен уже сейчас, а при массовой высотной застройке этого дефицита будет больше.

Таким образом, уплотнительная застройка в центральных районах города без учета экономического и административного использования территории может способствовать «расползанию города», так как у предпринимателей и покупателей жилья могут появиться стимулы для выбора альтернативных вариантов размещения, в том числе за пределами города. В то же время желающие в ближайшее время уехать из города главными причинами называют плохую экологию (38%), плохие условия для трудоустройства и карьеры (26%), отсутствие доступного жилья (20%)⁷.

Выявленные закономерности позволяют сделать вывод о том, что при стратегическом и пространственном планировании Перми в условиях депопуляции и повышения мобильности населения нельзя игнорировать социально-экономические аспекты, имеющие особенности в центре и периферийных

районах города. Необходимо новое осознание процессов и движущих сил развития городов, агломераций и регионов России для изучения и регулирования пространственной реструктуризации.

В этих целях Центром регионального развития, инноваций и управления Пермского государственного технического университета было проведено исследование характера и основных тенденций агломерационных процессов в ареале Перми. Рассматривались внешние эффекты агломерационных процессов, в том числе человеческий и социальный капитал сельских поселений в составе агломерации. Исследование включало анализ рекреационной и трудовой мобильности населения в составе агломерации, рынка земли и жилищного строительства, социальной интеграции, а также описание эффектов агломерационных процессов. Его результаты показывают, что агломерационные процессы проявляются в основном за счет роста рекреационной и трудовой мобильности населения, формирования общего рынка земли и недвижимости. В процессы рекреационной мобильности, связанной с отдыхом на дачах и загородных домах, по нашим данным, вовлечен каждый второй житель Перми. Анализ сезонной и недельной неравномерности интенсивности движения автотранспорта свидетельствует о достаточно высоких значениях маятниковой трудовой миграции. По нашим оценкам, около 10—12 % работающих приезжает на работу в Пермь из окрестных территорий.

Исследование рынка земли показало, что с 2003 по 2006 г. объемы продаж земельных участков в муниципальных районах Пермской агломерации увеличились в 29,7 раза. Площадь земельных участков под жилищное строительство в 2007 г. в муниципальных районах агломерации равна 360 га, что составляет 57 % от всей площади земельных участков под жилищное строительство в Пермском крае за тот же период. При этом набирает силу процесс отторжения земель под различного рода объекты, не связанные с сельским населением: жилье и дачи для горожан, а также промышленные, складские и торговые предприятия. Интересы сельского населения и вопросы модернизации социальной и инженерной инфраструктуры, которые дополнительно обременяют сельское поселение, игнорируются.

Сельская местность в составе агломерации изменяет свои социально-экономические функции и типологические призна-

ки, что приводит к социальной дезадаптации сельского населения, снижению уровня занятости, разрушению сложившейся системы разделения труда в регионе. Более того, ключевые показатели социальной адаптации населения существенно ниже, чем в Перми, и ниже, чем в среднем по краю⁸.

Таким образом, в Пермской агломерации происходят стихийные процессы, связанные с созданием единого рынка труда, рынка земли и недвижимости с вовлечением факторов производства в общий коммерческий оборот. Следовательно, положительные эффекты интеграции в рамках Пермской агломерации проявляются не в полной мере, а отрицательные эффекты могут привести к росту социальной напряженности и интенсификации депопуляции при отсутствии регулирования и институционального проектирования процессов интеграции.

Кроме того, проблемы диверсификации экономики современного города должны быть тесно связаны с развитием агломерации, ядром которой он является. В свою очередь агломерация должна развиваться по интенсивному пути, предполагающему выработку и реализацию механизмов деконцентрации социально-экономического развития. Одновременно должна решаться проблема ускоренного социально-экономического развития агломерационных подцентров во взаимосвязи с освобождением центра от непрофильных функций.

В целом по результатам исследования, а также исследований, выполняемых Центром регионального развития, инноваций и управления, можно сделать вывод о нерегулируемом характере процессов пространственной и социально-экономической реструктуризации в российских регионах и городах. Это приводит к однонаправленным миграционным потокам, усилению отсталости в отдаленных территориях; изменению баланса рабочих мест и мест размещения жилья между центром и периферией; повышению трудовой маятниковой мобильности населения и недостаточной организации транспортной системы города; формированию объединенного рынка труда и земли в агломерации при сохранении социально-экономической дезинтеграции; моноцентричной модели города и агломерации, что не соответствует схеме расселения и функционально-планировочной организации.

В заключение следует отметить, что регионы и города России нуждаются в применении европейских подходов к региональному планированию, основанных на концепции

устойчивого развития. В этих целях необходимо создание современной системы междисциплинарных исследований тенденций и закономерностей социально-экономического развития с учетом конкретных территориальных условий. Переход от стихийной интеграции к стратегическому развитию и планированию возможен с учетом закономерностей образования агломераций. Одними из важных ожидаемых результатов регулирования интеграции на местном уровне следует определить повышение уровня деловой активности и улучшение условий жизнедеятельности в агломерации, создание предпосылок развития в долгосрочной перспективе на основе полицентричной модели. Для этого необходимо создание институтов и инструментов сотрудничества в сфере социально-экономического и градостроительного планирования, экономических и культурных взаимодействий в агломерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 10-02-82203а/У «Внешние эффекты агломерационных процессов в условиях повышения мобильности экономических ресурсов».

² См.: Концепция стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Пермь до 2030 года. URL: http://www.gorod-perm.ru/upload/pages/9106/Koncepcija_Strategii_SER_Permi_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 11.03.2010).

³ См.: Отчет о проведении социологических исследований в г. Перми по проблемам и перспективам развития города. Пермский государственный университет. Пермь, 2009. С. 13.

⁴ Преобразование города. Стратегический Мастер-план. 2009. URL: <http://www.permgenplan.ru/content/view/10/14> (дата обращения: 21.01.2010).

⁵ См.: Giffinger R., Kalasek R., Binger B. Kleinräumige Wirtschaftsentwicklung im dicht genutzten Stadtgebiet von Wien. *Stadtentwicklung Wien*, 2004. 78 p.

⁶ См.: Комплексная транспортная схема г. Перми. Отчет о научно-исследовательской работе, 2008 / С.-Петерб. науч.-исслед. и проектный ин-т градостроительного проектирования. ЗАО «Петербургский НИПИград». 2008.

⁷ См.: Отчет о проведении социологических исследований в г. Перми ... С. 47.

⁸ См.: Аношкина Е.Л., Лещев И.Е. Внешние эффекты стихийного агломерационного процесса в условиях депопуляции населения // Проблемы современной экономики. 2009. № 4. С. 330—335.

Поступила 07.07.10.

О. Н. ВЛАДИМИРОВА

ИНСТРУМЕНТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ «СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ ДО 2020 ГОДА»

Ключевые слова: «Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года», бюджетное финансирование, внебюджетное финансирование, инвестиционный проект, целевая программа, государственно-частное партнерство

Key words: «Strategy for Social and Economic Development of Siberia till 2020», budget financing, non-budget financing, investment project, special purpose programme, state and private partnership

Основные ориентиры долгосрочного экономического развития 12 субъектов, входящих в состав Сибирского федерального округа (СФО), были сформулированы в «Стратегии экономического развития Сибири до 2020 года», актуальность и необходимость разработки которой обоснована рядом факторов. В связи с начавшимся в 2008 г. глобальным финансово-экономическим кризисом появились принципиально новые вызовы и угрозы. В силу этого многие разделы ранее принятой Стратегии устарели или не соответствуют текущей экономической и политической ситуации, а также отраслевым стратегиям и иным документам, принятым с 2002 по 2009 г. и определяющим приоритеты развития государства, пути, формы и сроки их реализации.

Редакция «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» была утверждена Распоряжением Правительства РФ от 5 июля 2010 г. № 1120-р. Стратегической целью развития Сибири является обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения Сибири на основе сбалансированной социально-экономической сис-

ВЛАДИМИРОВА Ольга Николаевна, профессор кафедры финансов и кредита Красноярского государственного торгово-экономического института, кандидат экономических наук.

темы инновационного типа, гарантирующей национальную безопасность, динамичное развитие экономики и реализацию национальных стратегических интересов России в мировом сообществе¹.

К 2016 г. предусмотрено достижение годовых темпов прироста ВРП на 5—5,3 %, инвестиций — на 9—12 %, заработной платы и душевых доходов населения — на 5,1—5,5 %. К 2021 г. планируется провести модернизацию экономики на инновационной основе, завершить реализацию основных проектов транспортного и энергетического строительства, крупных ресурсных проектов, добиться создания комфортной среды жизнедеятельности населения. По сравнению с 2008 г. (в ценах 2008 г.) ВРП увеличится в 1,6 раза, промышленное производство — в 1,45—1,55 раза, инвестиции — в 2,3 раза, заработная плата и среднедушевые доходы — в 1,8 раза. Доля инвестиций в валовом региональном продукте Сибири должна составить не менее 30 %, численность населения увеличится на 600—800 тыс. чел.² В результате должна быть сформирована социально-экономическая система инновационного типа, что априори предполагает инновационные подходы к ее построению.

Работа над проектом «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» продолжалась достаточно длительное время. В качестве позитивной «черты» следует отметить новаторский подход разработчиков: комплексность и полнота охвата значительного по территориальным параметрам СФО достигается за счет определения не только отраслевых приоритетов, но и выделения пространственных.

Реализация положений Стратегии базируется на инвестиционных проектах, которые представлены в приложении «Перечень первоочередных инвестиционных проектов в Сибирском федеральном округе». Анализ проектов отражает их направленность на решение первоочередных, нестратегических задач развития субъектов, входящих в состав СФО. Инновационная компонента предложенного варианта развития должна находить отражение в инновационном характере проектов. Долгосрочный период Стратегии и инновационная направляющая обосновывают, на наш взгляд, необходимость более четкого подхода к выделению группы инновационных проектов. В «Перечне первоочередных инвестиционных проектов в Сибирском федеральном округе» достаточно сложно

выделить из 27 заявленных проектов инновационные, так как только одна подгруппа «Инновационная сфера», включающая 3 проекта, отражает эту направленность. Также проблематичными и неясными видятся критерии отнесения проектов к категории инновационных.

Таким образом, возникает необходимость уточнения понятия «инновационный проект». Несмотря на значительное количество публикаций, посвященных инновационной деятельности, в России к настоящему времени не существует законодательно определенной трактовки этого термина, что влечет за собой наличие множества его определений в нормативно-правовых актах регионального уровня, зачастую противоречащих друг другу³. В данном случае под инновационным проектом мы будем считать систему взаимосвязанных целей и программ их достижения, представляющих собой совокупность мероприятий в различных сферах (научно-исследовательской, финансовой, коммерческой и др.), организованных и оформленных комплектом проектной документации и обеспечивающих эффективное решение научно-технической задачи, которая выражена в количественных показателях и приводит к инновации.

Успешное осуществление инвестиционного проекта во многом определяется наличием и полнотой финансовых ресурсов и выбором инструмента финансирования. В утвержденном документе в качестве основных механизмов реализации Стратегии указаны федеральные целевые программы, региональные и муниципальные программы, а также программы крупных компаний, направленные на комплексное развитие территории Сибири. Механизмом реализации Стратегии также является реализация крупнейших инвестиционных проектов, в том числе с использованием средств Инвестиционного фонда РФ.

В советский период в финансировании инновационной деятельности, ассоциировавшейся преимущественно с исследованиями и разработками, значительная доля приходилась на бюджет. До 2005 г. основной формой бюджетного финансирования исследований и разработок было базовое, когда средства выделялись научной организации в целом в зависимости от численности персонала и прошлогоднего уровня затрат, и их объем не зависел от результатов работы научной организации или вуза. Начиная с указанного вре-

мени, приоритет был отдан программному финансированию, распределяемому через федеральные целевые программы (ФЦП). Заказчиками ФЦП являются федеральные министерства, федеральные службы, федеральные агентства и государственные академии наук. Основные количественные и качественные параметры действовавших и запланированных ФЦП на период до 2012 г. представлены в таблице.

Таблица

Структура ФЦП на период до 2012 г., млн руб.⁴

Год	Количество программ	Количество подпрограмм	Объемы бюджетных ассигнований			
			ГКВ	НИОКР	Прочие нужды	Всего
2009	52	99	479818,3697	97559,3914	254349,2621	831727,0232
2010	53	99	483641,3806	104984,1870	152527,8629	741153,4305
2011	70	103	557524,1428	102929,0096	82050,8947	742504,0471
2012	37	63	374014,3138	75616,4131	62343,2310	511973,9579

В структурном разрезе в 2010 г. 30,4 % приходится на развитие транспортной инфраструктуры, 22,3 % — на развитие высоких технологий, 12,4 % — на развитие Дальнего Востока. Доли каждого из остальных направлений составляют менее 10 % (жилье — 8,5 %, село — 2,6 %, социальная инфраструктура — 7,6 %, развитие регионов — 3,6 %, безопасность — 9,9 %, развитие государственных институтов — 2,7 %). На среднесрочную перспективу в РФ предусматривается постепенное сокращение объемов бюджетного финансирования ФЦП.

В «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» для реализации инвестиционных проектов предполагается задействовать более пятнадцати ФЦП («Развитие транспортной системы России 2010—2015 годы», «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года», «Культура России (2006—2011)», «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006—2015 годы», «Социальное развитие села до 2012 года», «Дети России на 2007—2010 гг.» и др.).

По подсчетам Минфина РФ, 53 ФЦП не обеспечены расходами бюджета больше, чем на две трети. Ассигнования на ФЦП в 2009—2012 гг., согласно паспортам программ на 1 января 2009 г., должны составить 2,9 трлн руб., из которых

почти 2,1 трлн руб. не профинансированы⁵. Закономерным видится в этих условиях постановка вопроса о целесообразности выбора разработчиками Стратегии в качестве приоритетной формы финансирования целевых программ, если на данном этапе выявляется низкая эффективность инструмента. Кроме того, не учтены направленности и особенности подходов к формированию проекта федерального бюджета на 2011 г., ориентированные на отказ от программно-целевого финансирования. Стратегия, являясь долгосрочным программным документом, на наш взгляд, должна содержать широкий перечень инструментов ее реализации, без выделения актуальных на данный момент.

Финансирование части проектов предполагается осуществлять за счет средств бюджетов субъектов Федерации посредством реализации региональных целевых программ. Рассматривая этот инструмент как возможный механизм финансирования инновационных проектов, на наш взгляд, необходимо акцентировать внимание на двух аспектах: законодательном ограничении участия региональных бюджетов в софинансировании проектов других уровней и дефицитном характере региональных бюджетов большинства субъектов, не только входящих в состав СФО, но и России. Возникает опасение, что, несмотря на стратегическую необходимость инновационного варианта как основы для дальнейшего роста и развития экономики, многие регионы предпочтут «закрывать» текущие проблемы для обеспечения социальной стабильности.

Региональные программы не могут быть реализованы, кроме как через госфинансирование программы — инструмент для реализации целей государства на территориях, сокращение финансирования в 2—3 раза будет де-факто означать отказ от них. Перебросить затраты на сами регионы или бизнес не получится. «Уже сейчас мандаты регионов и инвесторов недофинансируются, потому что объемы софинансирования были завышены, чтобы добиться федерального финансирования»⁶.

Еще одна разновидность целевых программ — ведомственные целевые программы (ВЦП).

В Красноярском крае перечень ведомственных целевых программ содержит 16 наименований, среди которых следует назвать «Развитие общего и профессионального образования

Красноярского края», «Развитие деятельности по заготовке и переработке древесины на период 2010—2012 гг.», «Развитие строительной отрасли Красноярского края на период 2010—2012 гг.» и др.⁷ Текстовый анализ их направленности показал, что, как и в случае с региональными целевыми программами, ВЦП преимущественно ориентируется на выполнение социальных, а не инновационных задач.

Резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым отметить, что потенциал целевых программ для финансирования инновационного развития в рамках «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» на рассматриваемый период определен не совсем корректно. В ней подчеркивается, что условием ее успешной реализации является комплексное, системное и синхронное взаимодействие государства, бизнеса и общества на принципах государственно-частного партнерства (ГЧП) в реализации ключевых инвестиционных проектов. Обращение к правоприменительной практике и экономической литературе свидетельствует об отсутствии отдельного законодательного обеспечения этого направления, что формирует основу для достаточно широкой трактовки данного понятия. В частности, ГЧП рассматривается как институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации общественно значимых инвестиционных проектов в широком спектре сфер деятельности: от развития стратегически важных отраслей промышленности и научно-исследовательских и конструкторских работ до обеспечения общественных услуг⁸.

В Российской Федерации на современном этапе четко прослеживается тенденция увеличения государственного и бюджетного финансирования ГЧП инновационной направленности. В СФО также есть позитивный опыт применения ГЧП как инструмента финансирования инвестиционных проектов. Для реализации проекта «Комплексное развитие Нижнего Приангарья» создано ОАО «Корпорация развития Красноярского края» с уставным капиталом 120 млн руб. Оно учреждено в равных долях администрацией Красноярского края, ОАО «ГидроОГК», Внешэкономбанком и ООО «Базовый элемент», где частный бизнес имеет возможность участвовать в капитале самой корпорации и в реализуемых с ее участием отраслевых проектах. Каждый бюджетный рубль,

вкладываемый администрацией края в корпорацию, должен дать 3 руб. прибыли за счет частных финансовых инвесторов корпорации, а потом еще — от 3 до 5 руб. за счет средств частных промышленников, которые инвестируют средства в конкретные отраслевые проекты корпорации.

Основная цель реализации проекта «Комплексное развитие Нижнего Приангарья» — создание на основе принципов ГЧП условий для формирования в Восточной Сибири на территории Красноярского края нового крупного промышленного района, основанного на богатейшем природно-ресурсном потенциале, электроэнергии Богучанской ГЭС и мероприятиях по развитию транспортной инфраструктуры, необходимой для реализации крупных инвестиционных проектов. В то же время отмечается дисбаланс территориального плана: приоритетно проекты, финансируемые на принципах ГЧП, реализуются в европейской части страны (Сочи, Санкт-Петербург и др.).

Текстуальный анализ показывает, что в «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» не найдена в полной мере отражения возможность применения других инструментов финансирования, успешно используемых в мировой практике (микрофинансирование, проектное финансирование и др.), хотя в России уже созданы условия для их развития.

Результаты исследования показывают необходимость интеграции федерации и регионов по совершенствованию нормативно-правового поля как фактора, способствующего интенсификации инновационного развития.

Целесообразным видится внесение ряда предложений, направленных на повышение эффективности финансового механизма реализации «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года»: перечень инвестиционных проектов необходимо расширить проектами инновационной направленности с выделением их в отдельную группу, что позволит более четко акцентировать инновационное развитие; согласовать с федеральными органами государственной власти методические и методологические подходы к формированию и функционированию финансового механизма инновационной деятельности; Стратегия должна быть дополнена разделом, отражающим потенциал различных форм финансирования; рекомендовать субъектам СФО разработать

региональные и ведомственные инновационные программы как формы финансирования инновационных проектов с их отражением в перечне инвестиционных проектов; детализировать условия использования ГЧП для реализации предлагаемых проектов с уточнением участия государства; рассмотреть возможности привлечения прямых иностранных инвестиций как одних из важнейших составляющих процессов глобализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Распоряжение Правительства РФ от 5 июля 2010 г. № 1120-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года». URL: www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php (дата обращения: 10.09.2010).

² Там же.

³ См.: Попова Е.В. О концепции Федерального закона «О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской Федерации» // Инновации. 2010. № 2. С. 3—10.

⁴ См.: Федеральные целевые программы России. URL: www.programs-gov.ru (дата обращения: 01.10.2010).

⁵ См.: Новости федеральных целевых программ России. URL: <http://fcp.vpk.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/News/View/2010/2231> (дата обращения: 03.10.2010).

⁶ Там же.

⁷ См.: Официальный портал: Красноярский край. URL: <http://www.krskstate.ru/econom/socialeconomic/celprogram> (дата обращения: 15.10.2010).

⁸ См.: Инновационная деятельность. Термины инновационного менеджмента и смежных областей (от А до Я): толковый слов. 2-е изд., доп. / отв. ред. В.И. Суслов. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008. С. 224.

Поступила 14.01.11.

Е. Н. МАЛЬЧЕНКОВ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: инвестиции, экономический рост, стабилизация, доход, эффективность, производство, собственность, основной капитал, финансирование, спрос и предложение

Key words: investments, economic growth, stabilisation, revenue, efficiency, production, property, fixed capital, financing, demand and production

Активизация инвестиционной деятельности является основой обеспечения экономической стабилизации, устойчивого экономического роста региона посредством обновления изношенных основных фондов реального сектора экономики, привлечения капиталов в хозяйственную систему, снижения финансовых рисков. Создание новых предприятий, внедрение и использование передового оборудования, организация современных технологических процессов обеспечивают переход на качественно новый уровень воспроизводства предметов и средств труда и производственного взаимодействия. Сформировавшийся на этой основе благоприятный экономический климат способствует повышению деловой активности, реализации стремления инвесторов к вложению капитала в предпринимательскую сферу, обуславливая их вполне закономерное ожидание получения прибыли после завершения своего инвестиционного проекта.

Участники инвестиционной деятельности осуществляют вложение капитала в создание и функционирование предприятий для увеличения масштабов производства, объемов выпускаемой продукции и ее реализации на соответствующих товарных рынках, пополнения производственных и непроизводственных ресурсов. Более того, инвестиции предполагают эффективность вложений, которая понимается нами как результативность инвестиционной системы, выражающейся в отношении конечных полезных результатов ее

МАЛЬЧЕНКОВ Евгений Николаевич, преподаватель кафедры общенаучных дисциплин Ковылкинского филиала Мордовского государственного университета.

функционирования к затраченным ресурсам. Это состояние инвестиционного процесса, при котором объем инвестиций в реализацию модернизации производства адекватен конечному результату модернизации¹.

Инвестиционная деятельность является частью системы экономических процессов. Она способна не только оказывать влияние на другие составные части этой системы, но и находиться под влиянием некоторых из них. От характера воздействия экономических механизмов на инвестиционную деятельность, степени развития ее инфраструктуры зависят активизация и эффективность осуществления инвестиций. Это предполагает создание благоприятного экономического климата, в основе которого лежат условия, характерные для текущего состояния экономической системы региона и проявляющиеся в абсолютных крайних и средних значениях эффективности вложения денежных и других средств, определяемой сложившимися отношениями субъектов инвестиционной деятельности².

Экономический климат формируется при активном участии государства. Оно определяет внешнюю и внутреннюю политику; вводит налоги; устанавливает процентные ставки, меняя их в зависимости от экономической ситуации и сдерживая их рост специальными экономическими методами; воздействует на уровень собираемых налогов; создает законодательную базу и т. д. Совокупность факторов и условий экономического климата влияет на состояние инвестиционной активности и инвестиционной привлекательности страны, региона, отрасли. Это определяет их инвестиционную привлекательность, под которой мы понимаем совокупность объективных и субъективных признаков, средств, возможностей и ограничений, обуславливающих интенсивность привлечения инвестиций в капитал соответствующих экономических систем. Необходимость государственного вмешательства в экономические процессы вытекает из самой природы современных рыночных отношений³.

Инвестиции обладают свойством движения туда, где их использование дает больший эффект (доход, прибыль, рентабельность капитала и т. д.). В связи с этим следует не только обеспечить размеры необходимых инвестиций, но и эффективность их использования и возврата, что возможно при наличии благоприятного инвестиционного климата. По-

следний предполагает экономический рост за счет создания условий для увеличения капитала общества (приобретение машин, оборудования; модернизация и строительство зданий, инженерных сооружений и т. п.), повышения производственного потенциала экономики.

Современные реалии предполагают реализацию инвестиционной модели роста экономики регионов, ориентирующейся на создание новых производственных мощностей, обновление основного капитала, привлечение новой квалифицированной рабочей силы, что требует масштабных инвестиций. Мировой финансовый кризис отрицательно сказался на динамике инвестиций в основной капитал. Например, в Республике Мордовия инвестиции в основной капитал (и в процентах к предыдущему году) в 2008 г. составили 39 254,1 млн руб. (117,2 %), а в 2009 г. — 32 582,9 млн руб., или 78,6 %⁴. Инвестиции в основной капитал по видам основных фондов в 2008—2009 гг. составили здания (кроме жилых) и сооружения — 1 561,8 млн руб. (39,8 % к итогу); машины, оборудование, транспортные средства — 17 962,7 млн руб. (45,8 %), 10 644,8 млн руб. (32,7 %), 13 249,5 млн руб. (40,7 %) соответственно⁵. Инвестиции в основной капитал по формам собственности в 2008—2009 гг. составили: государственная — 7 290,8 млн руб. (18,6 % к итогу) и 6 021,5 млн руб. (18,5 %), муниципальная — 1 094,5 млн руб. (2,8 %) и 903,3 млн руб. (2,8 %), частная — 17 325,3 млн руб. (44,1 %) и 15 072,2 (46,3 %), смешанная российская — 8 393,0 млн руб. (21,4 %) и 8 826,6 млн руб. (27,1 %), совместная российская и иностранная — 5 129,6 млн руб. (13,1 %) и 1 738,4 млн руб. (5,3 %), общественных объединений — 7,5 млн руб. (0,0 %) и 7,2 млн руб. (0,0 %), потребительской кооперации — 8,7 млн руб. (0,0 %) и 5,7 млн руб. (0,0 %), иностранная — 4,7 млн руб. (0,0 %) и 8,0 млн руб. (0,0 %) соответственно⁵.

Кризисные условия в экономике страны при любом уровне развития рыночных отношений предъявляют более высокие требования к государству, его способности противостоять складывающимся негативным обстоятельствам. Анализ ситуации, сложившейся в российской экономике, приводит к выводу «о невозможности обеспечения решения приоритетных задач инвестиционного развития на основе саморегулирования рынка, т. к. он характеризуется недостаточной степенью

сформированности»⁶. Однако разработка и реализация активной государственной инвестиционной политики способна, на наш взгляд, стать одним из важнейших и эффективных средств преодоления экономических проблем.

Инвестиционная политика трактуется сейчас как составная часть экономической политики, проводимой государством и предприятиями в виде установления структуры и масштабов инвестиций, направлений их использования, источников получения с учетом необходимости обновления основных средств и повышения их технического уровня⁷. Государственная инвестиционная политика представляет собой систему регулирующего воздействия федеральными органами государственной власти, призванную способствовать расширенному общественному воспроизводству⁸. Необходимо при этом отметить, что в современных условиях существенно повышается значение социальных инвестиций, особенно инвестиций в человеческий капитал. Выделяют также отраслевую, региональную и инвестиционную политику отдельных хозяйствующих субъектов. Все они находятся в тесной взаимосвязи, но основной является государственная, так как именно она определяет правила игры в инвестиционном процессе и способствует активизации инвестиционной деятельности на всех уровнях.

Реализуемая государственная инвестиционная политика в России и ее регионах на современном этапе в целом, на наш взгляд, не отвечает ни мировым тенденциям развития экономики, ни внутренним потребностям страны. Подтверждают это сокращение производственного потенциала, усиление внешней зависимости. В магазине производственных товаров мы с трудом найдем или вовсе не найдем отечественную продукцию. Следовательно, необходимо менять инвестиционную политику. Однако по вопросу «Какую роль должно играть государство в российской экономике?» до сих пор нет согласия. Любой доминирующей позиции в отношении степени вмешательства государства в рыночные процессы характерна однобокость. Особенно это проявляется, когда роль конкурентной политики необоснованно завышается и противопоставляется промышленной. Отношения взаимного исключения между ними, характерные для традиционной неоклассической теории, не вполне соответствуют современному этапу развития экономической науки и практики.

В современных условиях России необходима такая государственная инвестиционная политика, которая в стратегическом плане будет способствовать формированию внутренних механизмов, стимулирующих рост эффективности производства, а также повышать заинтересованность хозяйствующих субъектов в результативной инвестиционной деятельности, что в итоге приведет к увеличению конкурентоспособности экономики страны и ее регионов. Промышленная политика должна быть направлена на решение тактических задач, установление приоритетов и создание преференций отдельным агентам, институтам и сегментам рынка для устранения негативных проявлений различных деформаций рынка, его неполноты и несовершенства.

Реализации такой политики препятствует то, что в российской экономике наблюдается отрыв важнейших макроэкономических регуляторов от процессов, протекающих в инвестиционной сфере экономики, в том числе и зависимость инвестиций от динамики ссудного процента. Дело в том, что в рыночной экономике снижение ставки рефинансирования удешевляет кредит и способствует увеличению инвестиций, а в России этой закономерности не прослеживается. Более того, наблюдается обратная тенденция. Мордовия в этом отношении не является исключением. Накопление ресурсов в различных государственных резервах, ставшее возможным не благодаря развитию материального производства, а росту мировых цен на нефть и газ, снизило денежное предложение и не стимулировало денежный спрос, необходимый для реализации факторов инвестиционного экономического роста. Использование «стерилизованных» денежных ресурсов для покупки иностранных ценных бумаг означает предоставление кредитов зарубежным заемщикам в ущерб национальным. Это существенно снизило инвестиционный потенциал России, а отдельных ее регионов, не имеющих сырьевой и значительной производственной базы, приблизило к нулю.

Основными источниками наблюдавшегося в России в докризисный период экономического роста были не эффективные инвестиции, а увеличение загрузки имеющихся производственных мощностей (потенциал их в основном уже исчерпан), вовлечение в производственный процесс ранее подготовленных трудовых ресурсов, усиление тенденции импортозамещения. Так, увеличение инвестиционного спроса

привело к росту спроса на импортные машины и оборудование по сравнению с отечественной промышленностью. Например, в 2000—2004 гг. доля машин и оборудования в импорте выросла почти на 10 % (с 36,3 до 45,7 %), а доля машиностроения в промышленной продукции — менее чем на 2 % (с 20,5 до 22,2 %)⁹.

Это позволяет говорить о том, что в России наблюдается восстановительный, а не инвестиционный рост. Однако восстановительная модель роста имеет тенденцию к замедлению, так как неинвестиционные факторы роста можно рассматривать как временные. Такой рост не требует больших капиталовложений, поэтому значительное время было преобладание сберегающей государственной политики, а не инвестиционной. Акцент следует сделать, по нашему мнению, на инвестиционной модели роста, ориентирующейся не на вовлечение старых, а на создание новых производственных мощностей, обновление основного капитала, привлечение новой квалифицированной рабочей силы. Для этого требуются масштабные инвестиции и активная государственная инвестиционная политика, что отчасти успешно реализуется в Мордовии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мальченков Е.Н. Эффективность инвестиционной деятельности в регионе // Регионоведение. 2010. № 3. С. 75—82.

² См.: Фактиев А.М. Экономические отношения формирования инвестиционного климата // Экон. науки. 2008. № 3. С. 114—117.

³ См.: Коротятник А.В. Инвестиционная политика: теоретические основы и мотивационный механизм. СПб., 2003. С. 4.

⁴ Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2010. С. 397.

⁵ Там же. С. 398.

⁶ Сергеев И.В. Организация и финансирование инвестиций. М.: Экономика, 2001. С. 76.

⁷ См.: Райзберг Б.А. Современный экономический словарь. М.: Экономика, 1997. С. 123.

⁸ См.: Сахончик Е.Д. Организационно-экономические факторы совершенствования инвестиционной деятельности в промышленности России. М.: Финансы и статистика, 2005. С. 211.

⁹ См.: Мельникова Л.В. Движение региональных инвестиций: диффузия роста или углубление неравенства // ЭКО. 2006. № 1. С. 35.

Поступила 28.12.10.

А. В. АКИШЕВА

ОЦЕНКА ФИНАНСОВЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА В БАНКОВСКИХ УСЛУГАХ¹

Ключевые слова: взаимодействие реального и банковского секторов, финансовая потребность реального сектора экономики в банковских услугах

Key words: interaction of regional and banking sector, financial demand of the real sector of economy in banking services

Благодаря взаимодействию кредитно-финансовых институтов с промышленными предприятиями достигаются стратегические цели, связанные в первую очередь с модернизацией национальной экономики. Скорость технологического обновления производства, темпы наращивания выпуска конкурентоспособной продукции во многом зависят от степени соответствия инвестиционных возможностей банков необходимым объемам финансирования. Необходимость усиления взаимодействия банковского и реального секторов экономики обуславливается, с одной стороны, возрастающей ролью финансового посредничества в экономике, осуществляемого банками для межсекторного «перелива» капитала, с другой — недостаточно эффективным состоянием этого взаимодействия в современных условиях.

С целью объективного выявления проблем взаимодействия реального сектора экономики с финансовой системой следует произвести оценку финансовых потребностей предприятий в рыночных условиях, которые должны удовлетворять банки для бесперебойной работы рыночного механизма.

Банковский капитал призван удовлетворять потребности в расчетах, финансировании и размещении свободных денежных средств предприятий. В случае полного удовлетворения имеющихся у предприятий финансовых потребностей

АКИШЕВА Алеся Викторовна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

банковский капитал активно участвует в финансировании экономики, четко выполняя свои функции и тем самым оказывая существенное влияние на процессы развития промышленных отраслей экономики.

Выделив три группы финансовых потребностей предприятий реального сектора экономики, а также учитывая направления движения денежных средств, необходимо четко установить источники формирования финансовых потребностей. Для достижения поставленной цели нами используется метод экономико-математического моделирования с соответственным построением экономико-математической модели расчета емкости финансовых потребностей.

Потребности предприятий в расчетных услугах отражают денежный поток по операционной деятельности (например, взаиморасчеты с поставщиками и покупателями, налоговыми органами, персоналом). Денежный поток по операционной деятельности можно разделить на две составляющие: приток и отток денежных средств. Приток денежных средств определяется объемом реализованной продукции и услуг (выручка предприятий), которая зависит от объема произведенной продукции и услуг, изменения запасов готовой продукции на складах (при этом также учитываются товары отгруженные, находящиеся в пути) и изменения размера дебиторской задолженности покупателей и заказчиков, а также по векселям контрагентов, принятых в оплату за поставленные товары / услуги, но вовсе не оплаченных. При этом увеличение запасов и дебиторской задолженности сокращает приток денежных средств, и наоборот. Приток денежных средств от реализации продукции / услуг или выручка от реализации (ПДС) рассчитывается следующим образом:

$$ПДС = ОП - ИЗ - ИДЗ, \quad (1)$$

где *ОП* — объем производства товаров и услуг, руб.; *ИЗ* — изменение запасов готовой продукции на складе (разница между остатками на конец и начало рассматриваемого периода), руб.; *ИДЗ* — изменение дебиторской задолженности покупателей и заказчиков, а также векселя к получению (объем реализации в товарный кредит) — разница между остатками на конец и начало рассматриваемого периода, руб.

Отток денежных средств включает выплаты поставщикам за комплектующие для производственного процесса, собственные текущие расходы, заработную плату персонала, а также налоговые платежи в бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды, которые зависят от себестоимости продукции / услуг (закупка сырья, материалов, затраты на оплату труда, отчисления на социальные нужды и пр.), коммерческих и управленческих расходов и налоговых отчислений с доходов и прибыли. Сумма оттока денежных средств по основной деятельности (ОДС) определяется по следующей формуле:

$$ОДС = СП + КР + УР + НД, \quad (2)$$

где *СП* — себестоимость реализованной продукции / услуг, руб.; *КР* — коммерческие расходы, руб.; *УР* — управленческие расходы, руб.; *НД* — сумма налогов, уплачиваемых с доходов и прибыли, руб.

Рассмотрим динамику всех этих составляющих на примере данных Республики Мордовия (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика потребности предприятий реального сектора Республики Мордовия в расчетах, млн руб.²

Показатель	2004 г.	2005 г.	Темпы роста, %	2006 г.	Темпы роста, %	2007 г.	Темпы роста, %	2008 г.	Темпы роста, %
Производство товаров и услуг ³	54597,1	63245,3	115,84	76321,4	120,67	102032,4	133,6	116981,9	114,65
Изменение запасов готовой продукции на складе и товаров, отгруженных в пути	813,7	1247,9	153,37	499,0	39,99	606,6	121,55	2809,7	463,19
Изменение дебиторской задолженности покупателей и заказчиков, а также векселей к получению	1832,6	2619,0	142,91	1600,3	61,10	4827,7	301,67	5298,8	109,76
Приток денежных средств	51950,8	59378,4	114,30	74222,1	125,00	96598,1	130,15	108873,4	112,71
Себестоимость продукции	49418,6	67375,2	136,34	81563,6	121,06	100825,5	123,62	104504,1	103,65
Коммерческие расходы	2859,8	3140,3	109,81	4089,3	130,22	5824,9	142,44	5267,1	90,42
Управленческие расходы		1631,9		1934,9	118,57	2643,7	136,63	3347,9	126,64
Налоги с доходов и прибыли	1025,1	722,7	70,50	1304,3	180,48	2814,5	215,79	2983,5	106,00
Отток денежных средств	53303,4	72870,0	136,71	88892,1	121,9	112108,7	126,12	116102,6	103,56

Проанализировав данные табл. 1, можно сделать вывод, что в исследуемом периоде (2004—2008 гг.) потребности предприятий реального сектора в расчетных услугах растут. Об этом свидетельствуют высокие темпы роста поступлений (среднее значение — 120,5 %) и выплат (122,1 %), опережающие рост цен по секторам экономики за этот же период (114 % — в промышленном производстве, 128,9 % — в капитальном строительстве, 123,6 % — по грузовым перевозкам) и рост потребительских цен (123,1 %).

Потребность предприятий в финансировании отражает движение денежных средств, связанное с привлечением дополнительного капитала (акционерного или паевого), долгосрочных и краткосрочных кредитов и займов, а также с получением бюджетных инвестиций, выплатой дивидендов собственникам. Так как финансирование делится на текущее и капитальное, то целесообразно разделить потребность в финансировании оборотных средств (активов) и потребность в инвестициях в основной капитал.

Политика финансирования оборотных активов опирается на анализ и оптимизацию состава финансовых источников оборотных средств предприятий и их объема для наиболее эффективного использования собственного капитала и соблюдения финансовой устойчивости. Потребность предприятий в финансировании оборотных активов (ОТФ) может быть определена формулой (3), предлагаемой И. А. Бланком⁴.

$$ОТФ = З + ДЗ - КЗ, \quad (3)$$

где *ОТФ* — средний объем текущего финансирования оборотных активов предприятий в рассматриваемом периоде, руб.; *З* — средняя сумма запасов товарно-материальных ценностей в составе оборотных активов предприятий в рассматриваемом периоде, руб.; *ДЗ* и *КЗ* — средние суммы, соответственно, дебиторской и кредиторской задолженности предприятий в рассматриваемом периоде, руб.

Таким образом, чтобы оценить динамику потребностей предприятий в текущем финансировании, необходимо изучить тенденции изменения средней суммы запасов и нетто-кредиторской задолженности (разница между кредиторской и дебиторской задолженностями). Уровень потребностей предприятий в текущем финансировании оборотных активов (рабочего капитала) оценивается с помощью ко-

эффициента текущего финансирования оборотных активов предприятий (*КТф*):

$$КТф = ОТФ / ОА, \quad (4)$$

где *КТф* — коэффициент текущего финансирования оборотных активов предприятий в рассматриваемом периоде; *ОТФ* — средний объем текущего финансирования оборотных активов в рассматриваемом периоде, руб.; *ОА* — средняя сумма оборотных активов предприятий в рассматриваемом периоде, руб.

Проведем оценку потребности предприятий реального сектора в финансировании оборотных активов на примере Республики Мордовия (табл. 2).

Таблица 2

Характеристика потребности предприятий реального сектора Республики Мордовия в финансировании оборотных активов, млн руб.⁵

Показатель	2004 г.	2005 г.	Темпы роста, %	2006 г.	Темпы роста, %	2007 г.	Темпы роста, %	2008 г.	Темпы роста, %
Средняя сумма запасов товарно-материальных ценностей ⁶	10456,4	13662,6	130,66	16073,5	117,65	19759,9	122,94	23234,2	117,60
Средняя сумма дебиторской задолженности	11044,1	17172,7	155,50	19812,4	115,37	27372,1	138,16	33039,9	120,71
Средняя сумма кредиторской задолженности	16640,1	18878,9	113,45	20617,3	109,2	27778,6	134,73	32178,5	115,84
Средний объем необходимого текущего финансирования оборотных активов (ОТФ)	4860,5	11956,3	Рост на 7095,82 млн руб.	15268,6	127,70	19353,5	Рост на 4084,98 млн руб.	24095,6	124,5
Средняя сумма оборотных активов	23584,8	38667,3	163,95	43714,7	113,05	56040,1	128,20	66617,0	118,87
Коэффициент потребности в текущем финансировании оборотных активов ($K_{тф}$), %	20,6 п.п.	30,9 п.п.	Рост на 10,3	34,9 п.п.	Рост на 4,0	34,5 п.п.	Снижение на 0,4 п.п.	36,2 п.п.	Рост на 1,7 п.п.

Положительное значение объема необходимого текущего финансирования оборотных активов с 2004 по 2008 г. свидетельствует о недостаточности обеспечения текущей деятельности в основном за счет кредиторской задолженности, т. е. потребность предприятий в привлечении допол-

нительных средств существует, а с периодичностью в два года появляется тенденция к существенному возрастанию потребности в текущем финансировании предприятий реального сектора экономики Мордовии.

Потребность предприятий в финансировании основных средств (в долгосрочных инвестиционных вложениях) определяется на основании анализа степени их изношенности и необходимости обновления, а также зависит от наличия планов по расширению производства с учетом фонда накопления, т. е. прибыли. Основными показателями в данном случае являются коэффициенты износа основных средств, выбытия основных средств, обновления основных средств. Следует отметить, что единая система расчета потребности в обновлении основных средств в российской практике отсутствует. Поэтому целесообразно провести анализ потребности предприятий в финансировании основных средств (в долгосрочных инвестиционных вложениях) на основе анализа состояния реального сектора экономики на этапе развития.

Анализ технической оснащенности производства в стране свидетельствовал о ее крайне низком уровне. Одной из главных причин низкого уровня технической оснащенности производства в России является незначительная степень обновления основных фондов при высоком коэффициенте их износа и малом коэффициенте выбытия основных средств.

По данным Банка России, на 1 января 2009 г. в РФ в структуре инвестиций в основной капитал предприятий и организаций всех форм собственности доля банковских кредитов составила 11,1 %⁷. В развитых странах с использованием банковских ссуд финансируется свыше 50 % инвестиционных проектов⁸. Если учитывать, что оборудование в возрасте свыше 5 лет уже является морально устаревшим и неспособным производить конкурентоспособную продукцию, то практически более 95 % оборудования в промышленности является морально устаревшим. Этот факт негативно отражается на качественной характеристике реального сектора экономики.

Анализ технической оснащенности производства в Мордовии свидетельствует о ее низком уровне (табл. 3). В целом по Мордовии степень износа основных средств предприятий к 2009 г. достигла 53,7 % из-за роста темпов износа в

строительстве (46,0 %), здравоохранении (45,5 %), торговле и общественном питании (73,4 %). Среди предприятий реального сектора экономики на 1 января 2009 г. наибольшая степень износа основных средств оказалась в химической и нефтехимической промышленности (69,3 %), производстве резиновых и пластмассовых изделий (63,9 %), электроэнергетике (54,1 %). Коэффициент обновления в 2008 г. составил 10,0 %, коэффициент выбытия — 0,3 %. При таком соотношении показателей степени износа основных фондов по отраслям экономики, их обновления и выбытия нельзя ожидать производства конкурентоспособной продукции на этих машинах и оборудовании, обеспечить модернизацию производственной базы и структурную перестройку экономики. Поэтому в республике промышленная политика уже несколько лет предусматривает повышение эффективности и конкурентоспособности промышленного производства на основе продолжающейся модернизации, развития инновационного технологического потенциала, проведения активной маркетинговой и кадровой политики.

Наиболее приоритетными направлениями инвестиционной деятельности являются производство кабельно-проводниковой продукции, полупроводниковых приборов и силовой преобразовательной техники; развитие вагоностроения, светотехники, цементного производства, пищевых перерабатывающих производств; освоение выпуска новых видов строительных изделий и материалов. Особое значение для экономики республики имеет формирующийся технопарк в области высоких технологий федерального значения, создаваемый в республике по решению Правительства РФ.

На основе проанализированного состояния реального сектора экономики на этапе развития можно сделать вывод о том, что потребность в обновлении основных средств не просто существует, а она огромна.

Потребность предприятий в размещении свободных денежных средств отражает денежный поток по инвестиционной деятельности с целью эффективного использования свободных денежных средств и увеличения потенциала предприятия. Инвестиционная деятельность предприятий может осуществляться как в направлении внутреннего инвестирования (пополнение материальных и нематериальных активов), так и внешнего инвестирования (приобретение ак-

ций и других доходных видов фондовых, а также денежных инструментов). Этот выбор инвестирования определяется соотношением уровня рентабельности собственных проектов и уровней доходности финансовых инструментов с учетом степени риска финансовых потерь.

Таблица 3

**Основные фонды организации по видам
экономической деятельности⁹ на 1 января 2009 г.¹⁰**

Показатель	По балансовой стоимости, млн руб.	По остаточной стоимости, млн руб.	Степень износа, %	Коэффициент обновления, %	Коэффициент выбытия, %
Все основные фонды	157 176	72774	53,7	10,0	0,3
В том числе:					
— сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	15148	11432	24,5	25,5	0,8
— рыболовство, рыбководство	47	30	37,3	0,0	0,0
— добыча полезных ископаемых	1	1	43,0	0,0	0,0
— обрабатывающие производства	32085	21873	31,8	25,8	1,0
— производство и распределение электроэнергии, газа и воды	8693	4799	44,8	5,0	0,2
— строительство	1790	966	46,0	14,9	1,6
— оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования ¹¹	81298	21625	73,4	0,5	0,0
— гостиницы и рестораны	196	141	28,0	8,0	0,6
— транспорт и связь	13294	8529	35,8	12,8	0,5
— финансовая деятельность	2301	1755	23,7	21,3	0,6
— операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1807	1293	28,4	15,0	0,1
— здравоохранение и предоставление социальных услуг	151	82	45,5	1,8	0,5
— предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	365	248	32,1	4,8	3,0

Большинство инвесторов использует совокупность финансовых инструментов, формируя так называемый «инвестиционный портфель». Нынешнее состояние финансового рынка заставляет быстро и адекватно реагировать на его изменения, поэтому роль управления инвестиционным портфелем существенно становится более значимой и заключается в нахождении той грани между ликвидностью, доходностью и рискованностью, которая позволила бы выбрать оптимальную

структуру портфеля. Этой цели служат различные стратегические модели управления инвестиционным портфелем. Однако все они базируются на концепции «эффективного портфеля» (обеспечение наивысшего уровня доходности при заданном уровне риска или наименьшего уровня риска при заданном уровне доходности)¹². Таким образом, при любом из заданных параметров инвестор должен исходить из принципа максимально эффективного сочетания уровней риска и доходности.

Потребность предприятий в инвестиционной деятельности определяется объемом свободных денежных средств, имеющихся у предприятий, по которым может удовлетворяться эта потребность в размещении средств (ПРС). Ее можно оценить, располагая сведениями об остатках денежных средств на начало периода, о выручке (нетто) от продажи продукции / услуг, себестоимости реализованной продукции / услуг, коммерческих и управленческих расходах, а также сумме налогов, уплачиваемых предприятием с доходов и прибыли.

Таким образом, ПРС будет рассчитываться по следующей формуле:

$$ПРС = ОДС_n + (В_p - С_c) - К_p - У_p - Н, \quad (5)$$

где $ОДС_n$ — остаток денежных средств (касса, расчетные счета, валютные счета и прочие денежные средства) на начало периода, руб.; $В_p$ — выручка (нетто) от продажи продукции / услуг в рассматриваемом периоде за вычетом налога на добавленную стоимость, акцизов и аналогичных обязательных платежей; $С_c$ — себестоимость реализованной продукции / услуг в рассматриваемом периоде, руб.; $К_p$ — коммерческие расходы в рассматриваемом периоде, руб.; $У_p$ — управленческие расходы в рассматриваемом периоде, руб.; $Н$ — сумма налогов, уплачиваемых с доходов и прибыли в рассматриваемом периоде, руб.

Из табл. 4 видно, что потребность в размещении свободных денежных средств с 2004 по 2008 г. имела тенденцию постоянного роста. В 2007 г. происходит резкое увеличение потребности, что в большей мере является отражением роста рентабельности продаж, масштабов деятельности предприятий (прямым подтверждением активизации промышленности республики и, соответственно, положительных экономических

результатов предприятий стал рост депозитов юридических лиц в самостоятельных коммерческих банках РМ). В 2008 г. наблюдается небольшое изменение в потребности, которое объясняется ухудшением финансового положения некоторых организаций РМ и кризисным состоянием российской экономики в целом.

Таблица 4

Характеристика потребности предприятий реального сектора Республики Мордовия в размещении свободных денежных средств, млн руб.¹³

Показатель	2004 г.	2005 г.	Темпы роста, %	2006 г.	Темпы роста, %	2007 г.	Темпы роста, %	2008 г.	Темпы роста, %
Остаток денежных средств на начало года	854,9	4010,9	469,16	3414,4	85,12	2252,8	65,98	2321,5	103,05
Выручка (нетто) от продажи продукции / услуг за вычетом налога на добавленную стоимость, акцизов и аналогичных обязательных платежей	55080,4	74954,2	136,08	93155,3	124,28	122458,3	131,46	127518,4	104,13
Себестоимость продукции	49891,9	67375,2	135,04	81563,6	121,06	100825,5	123,62	104504,1	103,65
Коммерческие расходы	1643,6	3140,3	191,06	4089,4	130,22	5824,9	142,44	5267,1	90,4
Управленческие расходы	1239,2	1631,9	131,69	1934,9	118,57	2643,7	136,63	3347,9	126,64
Налоги с доходов и прибыли	676,7	722,7	106,79	1304,3	180,48	2814,5	215,79	2983,5	106,00
Потребность в размещении свободных денежных средств (ПРС)	2483,9	6095,1	245,40	7677,5	125,96	12602,4	164,15	13737,3	109,00

Однако проблема размещения свободных денежных средств предприятий с точки зрения эффективного перераспределения средств между контрагентами может заключаться в отсутствии выгодных банковских инструментов с достаточным уровнем доходности и низким уровнем риска. Поэтому мы считаем, что для повышения влияния банковского капитала на развитие реальной экономики самим коммерческим банкам необходимо на основе этой экономико-математической модели расчета емкости потребностей предприятий иметь представление о масштабах потребностей и готовность к качественному их удовлетворению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых — кандидатов наук МК-1706.2009.6.

² По данным консолидированного бухгалтерского баланса и отчета о прибылях и убытках крупных и средних предприятий Республики Мордовия (сведения Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия) на период с 1 января 2005 г. по 1 января 2009 г.

³ Показатель «Производство товаров и услуг» с 2005 г. не рассчитывается Комитетом государственной статистики Республики Мордовия, в связи с этим в расчетах он заменен суммарным значением показателей «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности» и «Продукция сельского хозяйства».

⁴ См.: Бланк И.А. Управление капиталом: моногр. Эльга, 2004. С. 372—373.

⁵ По данным консолидированного бухгалтерского баланса и отчета ...

⁶ В данном примере средняя сумма рассчитана между показателями на начало и конец отчетного периода.

⁷ См.: Годовой отчет Центрального банка России за 2008 год. URL: http://www.cbr.ru/publ/God/ar_2008.pdf (дата обращения: 24.09.2010).

⁸ См.: Кроливецкая В.Э., Тихомирова Е.В. Банки в системе инвестиционного финансирования реального сектора экономики России // Деньги и кредит. 2008. № 11. С. 25.

⁹ См.: Коммерческие организации без субъектов малого предпринимательства.

¹⁰ См.: Материалы Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия.

¹¹ С основными фондами предприятий и организаций ОАО «Газпром», расположенных на территории Республики Мордовия.

¹² См.: Чернов В.А. Инвестиционная стратегия: учеб. пособие для студентов вузов. ЮНИТИ: UNITY, 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). С. 90.

¹³ По данным консолидированного бухгалтерского баланса и отчета ...

Поступила 06.12.10.

М. С. МИРОНОВ

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ МАРКЕТИНГ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: инвестиционный маркетинг, Волгоградская область, Южный федеральный округ, инвестиционная привлекательность, иностранные инвестиции, мировой финансовый кризис, инструменты поддержки инвесторов, областной реестр инвестиционных проектов, нормативные акты поддержки инвесторов

Key words: investment marketing, the Volgograd Region, the Southern Federal District, investment attractiveness, foreign investments, world financial crisis, instruments for support of investors, regional register of investment projects, normative acts for support of investors

Волгоградская область является одним из наиболее динамично развивающихся промышленно-аграрных регионов Южного федерального округа РФ (ЮФО), вполне привлекательных для отечественных и иностранных инвесторов¹. Активным инвестиционным маркетингом в Волгоградской области занимается негосударственное предприятие «Агентство инвестиций и развития Волгоградской области» (далее — Агентство). В частности, оно отслеживает инвестиционные намерения крупнейших российских и зарубежных компаний, стараясь создать условия, стимулирующие потенциального инвестора реализовать проект на территории Волгоградской области.

Для привлечения инвесторов Агентство сформировало каталог инвестиционных площадок для размещения производственных предприятий. Создание инфраструктуры инновационного развития области также входит в перечень задач Агентства. Для достижения этой цели в 2007 г. подписано соглашение о сотрудничестве с Российской ассоциацией венчурного инвестирования. Это позволило создать новые источники финансирования инновационных проектов, по-

МИРОНОВ Максим Сергеевич, соискатель кафедры экономической теории и экономической политики Волгоградского государственного университета.

высить уровень их подготовки, а также создать объекты инновационной инфраструктуры, такие как бизнес-инкубаторы, коучинг-центры, технопарки и др. Был сформирован Каталог инновационных проектов области.

Приоритетными задачами Агентства являются формирование инвестиционных предложений для потенциальных инвесторов от имени Волгоградской области; поиск оптимальных инвестиционных площадок для локализации проектов на территории Волгоградской области, а также подбор потенциальных партнеров из числа предприятий региона; организация эффективного взаимодействия с органами государственной власти Волгоградской области; урегулирование вопросов инженерного обеспечения будущих сооружений и коммуникаций; содействие максимально быстрому прохождению необходимых бюрократических процедур и оформлению разрешительных документов и т. д. В настоящее время проектный портфель Агентства превысил 1 250 млн долл. Приоритетными направлениями деятельности Агентства стали привлечение инвесторов в индустриальные проекты, проекты в области сельского хозяйства и содействие развитию внутреннего туризма Волгоградской области².

К составляющим инвестиционного потенциала Волгоградской области относятся трудовая и инновационный (оцениваются выше среднего уровня по регионам России), а также потребительский, производственный, финансовый, инвестиционный, природно-ресурсный (рассматриваются на среднем уровне среди регионов России) и инфраструктурный (находится стабильно ниже среднероссийского уровня) потенциалы.

Одной из сильных сторон экономики Волгоградской области являются производственные ресурсы. По объемным показателям (среднегодовая численность занятых в экономике, ВРП, стоимость основных фондов, объем промышленной продукции) область входит в тройку наиболее крупных регионов ЮФО.

Вектором инвестиционного развития Волгоградской области стало увеличение отдачи от промышленности региона (большой потенциал при недостаточно интенсивном использовании ресурсов)³. В 2008 г. инвестиции в основной капитал за счет всех источников финансирования выросли до 82,7 млрд руб.⁴ Ежегодные темпы прироста инвестиций в

основной капитал за последние годы составляют 35—55 %. По этому показателю среди субъектов ЮФО Волгоградская область уступает лишь Краснодарскому краю и Ростовской области. Основные объемы инвестиций направляются на развитие обрабатывающих производств, транспорта и связи. Рост инвестиционной привлекательности Волгоградской области, позитивные тенденции экономической и финансовой стабильности подтверждаются российскими и международными рейтинговыми агентствами⁵.

В Волгоградской области зарегистрировано свыше 440 предприятий с иностранными инвестициями. Регион осуществляет инвестиционное сотрудничество с 77 странами мира. Основными видами деятельности предприятий с иностранными инвестициями являются добыча и переработка углеводородов; производство изделий из черных и цветных металлов, продуктов переработки пищевой промышленности; оптовая торговля; производство мебели, пиломатериалов, одежды; проведение строительно-монтажных и научно-исследовательских работ; связь. По оценке администрации области, наиболее инвестиционно привлекательными отраслями являются топливно-энергетическая, металлургическая, химическая и нефтехимическая, пищевая промышленность, а также машиностроение, туризм и активный отдых⁶.

По данным Минэкономразвития России, иностранные инвесторы отмечают несколько основных причин, препятствующих развитию инвестиционной деятельности в России: бюрократические препоны, финансовая непрозрачность отчетности и операций юридических лиц, отсутствие независимых судов, неразвитость фондового рынка. Эти негативные факторы характерны и для инвестиционного процесса Волгоградской области. Также большое влияние на состояние инвестиционного климата в области оказывают последствия приватизации и реструктуризации крупных предприятий. Вхождение этих предприятий в общероссийские холдинги выводит проблему увеличения инвестиций из поля компетенции руководства области, а частая смена собственников повышает инвестиционный риск и делает предприятия непривлекательными для основных инвесторов⁷.

В условиях финансового кризиса Волгоградская область сумела сохранить свою инвестиционную привлекательность. В 2009 г. ведущее Международное рейтинговое агентство

Standard&Poor's присвоило области долгосрочный кредитный рейтинг по международной шкале «BB-» (стабильный).

На территории региона продолжают реализовываться крупные, социально значимые для области инвестиционные проекты. В то же время в сложившейся сложной финансовой ситуации в регионе, как в целом и в РФ, наблюдается тенденция снижения объема привлеченных инвестиций (в основной капитал) за счет всех источников финансирования в экономику Волгоградской области. За январь — июнь 2009 г. он составил 23,9 млрд руб., а в целом в 2009 г. — 68,2 млрд руб., что составляет 82,5 % от уровня предыдущего года. В 2008 г. объем привлеченных инвестиций составил 82,7 млрд руб.⁸

В Волгоградской области сформировались определенные инструменты финансовой и нефинансовой поддержки инвесторов. Наиболее распространенным инструментом региональной инвестиционной политики стали налоговые льготы, причем их стандартный пакет является не преимуществом в инвестиционной привлекательности региона, а необходимым условием привлечения инвестиций. В связи с этим все большее значение приобретают другие элементы инфраструктуры поддержки инвесторов. Представление государственных гарантий нередко применяется региональными властями в качестве одной из мер по привлечению и стимулированию инвестиций. В Волгоградской области условия представления государственных гарантий устанавливаются Законом Волгоградской области «О государственных гарантиях Волгоградской области» от 28 апреля 2007 г. № 1455-ОД. Согласно этому закону, государственные гарантии по инвестиционным проектам представляются юридическим лицам, инвестиционные проекты которых включены в областной реестр инвестиционных проектов. Таким образом, для получения государственных гарантий необходимо соответствовать требованиям включения в реестр⁹.

Основными нормативными актами области, направленными на оказание эффективной поддержки инвесторам в процессе осуществления инвестиционных проектов, являются законы Волгоградской области «Об инвестиционной деятельности в Волгоградской области» от 14 февраля 2002 г. № 668-ОД, «О международных связях и внешнеэкономической деятельности Волгоградской области» от 4 декабря 2002 г. № 762-ОД,

«Об инновационной деятельности в Волгоградской области» от 22 июня 2004 г. № 925-ОД, «О залоговом фонде Волгоградской области» от 9 января 2007 г. № 1409-ОД. Помимо перечисленных нормативных актов, администрацией региона ведется активная работа по формированию законодательства о создании особых экономических зон регионального уровня.

Ключевые муниципальные нормативные акты в сфере поддержки инвестиционной деятельности — это Постановление Волгоградской городской думы «О Положении об инвестиционной деятельности в Волгограде» от 12 июля 1996 г. № 11/66, постановления Волгоградского городского совета народных депутатов «О Положении о местных налогах на территории Волгограда, введении системы налогообложения в виде единого налога на вмененный доход, установлении и введении местных налогов на территории Волгограда» от 23 ноября 2005 г. № 24/464 и «Об утверждении Порядка предоставления муниципальных гарантий Волгограда» от 3 ноября 2004 г. № 8/128, Постановление администрации г. Волгограда «Об инвестиционном совете Волгограда» от 5 июля 2001 г. № 769.

Муниципальные правовые акты в сфере поддержки инвестиционного процесса на территории г. Волгограда формируют выгодные финансовые условия для потенциальных инвесторов, заинтересованных в реализации девелоперских проектов. При этом следует отметить активность администраций Волгограда и Волгоградской городской думы, которые своевременно реагируют на рыночные изменения и оперативно корректируют муниципальное законодательство¹⁰.

По состоянию на 1 июня 2009 г. областной Реестр инвестиционных проектов Волгоградской области включал в себя 51 инвестиционный проект, из них реализованы 6. Реализованные инвестиционные проекты позволили создать новые рабочие места, повысить заработную плату работникам предприятий, создать конкурентоспособную на внешнем и внутреннем рынках продукцию, улучшить экологическую обстановку, а также увеличить отчисление налогов в бюджет и внебюджетные фонды Волгоградской области¹¹.

Однако в Волгоградской области нет полноценной инфраструктуры поддержки инвесторов. Существующая налоговая политика не предлагает возможности для эффективной конкуренции в сфере снижения налоговой нагрузки с ре-

гионами — потенциальными конкурентами Волгоградской области. Отсутствуют зоны специальных режимов. Не используется потенциал создания региональных инвестиционных фондов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Волгоградская область. Цифры и факты (по материалам отчетов структурных подразделений администрации Волгоградской области об итогах работы за 2007 год). Волгоград: Издатель, 2008. 246 с.

² См.: Агентство инвестиций и развития Волгоградской области. URL: <http://www.airvo.ru/about> (дата обращения: 21.12.2009).

³ См.: Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области (2008—2025 гг.) / под ред. О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2008. С. 279.

⁴ См.: Отдел пресс-службы и информации. Волгоградская область сохраняет инвестиционную привлекательность. URL: http://www.volganet.ru/irj/servlet/prt/portal/prtroot/pcd!3aportal_content!2fNews!2fnews_print_form?guid=/guid/50e6ae93-ced1-2c10-db86-c99dba964f7f&print=true (дата обращения: 03.01.2010).

⁵ См.: Инвестиционная привлекательность региона. URL: <http://www.airvo.ru/invest> (дата обращения: 24.12.2009).

⁶ См.: Максютя Н.К. Инвестиции. URL: <http://invest.bujet.ru/article/54544.php> (дата обращения: 20.12.2009).

⁷ См.: Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области ... С. 280.

⁸ См.: Информация об инвестиционной деятельности в Волгоградской области и тенденциях на перспективу (по материалам администрации Волгоградской области). 2009.

⁹ См.: Концепция повышения инвестиционной привлекательности Волгоградской области (по материалам «Агентства инвестиций и развития Волгоградской области»). 2009.

¹⁰ См.: Анализ законодательного регулирования инвестиционно-градо-строительной деятельности в Волгограде, выработка рекомендаций по его совершенствованию. URL: <http://invest.volgadmin.ru/grad/doc/507.html> (дата обращения: 28.12.2009).

¹¹ См.: Комитет экономики. Отчет о реализованных инвестиционных проектах. URL: http://www.volganet.ru/irj/avo.html?NavigationTarget=ROLES://portal_content/OIV/KE/news_print_form&guid=/guid/f00e0759-1578-2c10-358a-f06e5e1d3d4c (дата обращения: 11.12.2009).

Поступила 03.03.10.

Э. Р. ЦУЛАЯ

ФИНАНСОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛА

Ключевые слова: местный бюджет, социальная инфраструктура, налоговые доходы, доходная база, собственные средства

Key words: local budget, social infrastructure, tax revenues, revenue base, own funds

Без сильной финансовой поддержки, направленной на улучшение условий труда и жизни сельского населения, невозможна реализация социальных программ в аграрном секторе. В этом отношении особую значимость приобретают вопросы формирования финансовых ресурсов местных бюджетов. Российская Федерация ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления и довольно быстро реализовала ее положение о том, что «осуществление публичных полномочий, как правило, должно преимущественно возлагаться на органы власти, наиболее близкие к гражданам»¹. Это положение нашло отражение в Бюджетном кодексе РФ и Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Однако не стоит забывать о том, что «финансовые ресурсы органов местного самоуправления должны быть соразмерны полномочиям, предоставленным им Конституцией или законом»².

Первоначально количество вопросов местного значения для поселения составляло 22, муниципального района — 20, городского округа — 27. Однако внесенные изменения в Федеральный закон № 131-ФЗ увеличили количество вопросов местного значения для поселения до 33, муниципального района — до 28, городского округа — до 37. В проигрышном положении оказались объекты социальной инфраструктуры

ЦУЛАЯ Эка Ревазиевна, аспирант кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета.

сельских поселений, так как в сложившихся условиях они полностью стали зависеть от финансовых ресурсов муниципальных образований. Реальность такова, что на поддержание инфраструктурных объектов сельских поселений приходится изыскивать средства из дефицитных местных бюджетов. Только, по официальным данным, 9 из 22 муниципальных районов Республики Мордовия в 2009 г. были дефицитными (с учетом уже полученной ими финансовой помощи)³.

Достаточность доходной базы местных бюджетов — одна из главных проблем бюджетной системы России. Децентрализация системы государственного управления, делегирование полномочий и ответственности в социальной сфере на муниципальный уровень требуют, с одной стороны, четкого разделения функциональных обязанностей между различными уровнями власти, с другой — установления реального соответствия между их ответственностью и величиной материально-финансовых инструментов, которыми они располагают, что далеко не всегда соблюдается на практике.

Существующая система распределения средств привела к тому, что только крупнейшие учреждения социальной инфраструктуры могут рассчитывать на финансирование из федерального бюджета. Располагаются такие объекты на территории городских округов и поселений. Объект социальной инфраструктуры, функционирующий на территории сельского поселения, может быть профинансирован за счет федеральных средств только в случае направления адресной инвестиционной помощи, наличия межбюджетных трансфертов или при попадании под сферу реализации соответствующей целевой программы. Ни первое, ни второе, ни третье не дает ему гарантированной стабильной финансовой базы развития.

В такой ситуации возникает проблема наличия у объектов, находящихся в худшем состоянии, меньших средств для своего восстановления, чем у крупных, оснащенных оборудованием, расходными материалами и кадрами. Последние требуют больших вливаний для поддержки своего существования, однако оборудованию необходим хотя бы изначальный импульс для возрождения, который не может быть дан без привлечения средств государственного бюджета. Получается, что районы и сектора, которые больше всего нуждаются в развитии материальной базы и во вложении

ях в объекты социальной инфраструктуры, меньше других имеют возможность это сделать.

Проведенные специалистами исследования подтверждают тот факт, что средств большинства муниципальных образований не хватает на развитие своего экономического потенциала. Особенно это касается сельских территорий. Средства, предусмотренные в местных бюджетах на реализацию программ социально-экономического развития муниципальных образований, являются незначительными либо отсутствуют, хотя, по данным института ЕВРОГРАД, у примерно 70 % муниципальных образований есть документы стратегического характера⁴. Таким образом, можно констатировать, что у абсолютного большинства муниципальных образований региона нет четко сформированных ориентиров развития и обоснованного алгоритма действий по решению стоящих перед ними задач.

В сложившейся ситуации примечателен тот факт, что доля собственных финансовых ресурсов в большинстве сельских администраций колеблется в пределах 5—7 %. В Мордовии этот показатель лишь в некоторых муниципальных районах доходит до 15—20 % (ГО Саранск является исключением, для него этот показатель составляет более 50 %). Но даже с учетом вышесказанного за счет собственных средств местные бюджеты не имеют возможности покрыть свои обязательства финансовыми ресурсами. По оценкам специалистов, для обеспечения организационной и финансовой самостоятельности органов местной власти доля расходов, финансируемых за счет собственных средств, должна составлять порядка 75 %. В сельских поселениях Мордовии этот показатель в 10—15 раз ниже этого норматива. Уровнем самостоятельности, соответствующим общемировым стандартам, не обладает ни одно муниципальное образование региона.

Обращаясь к вопросу формирования собственных налоговых доходов муниципальными районами республики, стоит привести следующие данные. Сохранившиеся на местном уровне налог на имущество физических лиц и земельный налог дают не более 10 % налоговых доходов муниципальных бюджетов, а общая сумма их доходов составляет 3 %. На долю доходов от федеральных и региональных налогов и сборов, поступающих по нормативам в местные бюджеты, приходится 80 % налоговых доходов этих бюджетов.

При этом часто расходы местных бюджетов растут более быстрыми темпами, чем доходы.

Следует еще раз акцентировать внимание на том, что даже с учетом поступлений от налогов и сборов, закрепленных за вышестоящими уровнями бюджетной системы, налоговые доходы в регионе образуют не более 15 % средств местных бюджетов. Основная часть финансовых ресурсов формируется за счет межбюджетных трансфертов. При этом весомая доля финансовых средств из федерального бюджета проходит через бюджеты субъектов Федерации транзитом до местных бюджетов. Характеризуя этот процесс, эксперты указывают на его непрозрачность и субъективность⁵.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует отсутствие у муниципальных образований достаточности собственных финансовых ресурсов для развития социальной инфраструктуры. Вопросы финансовой обеспеченности объектов социальной инфраструктуры села необходимо рассматривать с точки зрения увеличения доходов местных бюджетов, что может быть осуществлено за счет совершенствования налогового администрирования на местном уровне, перераспределения средств в пользу депрессивных сельских территорий, закрепления новых видов поступлений за местными бюджетами, а также реформирования местных налогов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Европейская хартия местного самоуправления (Страсбург, 15.10.1985). Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 11 апреля 1998 г. № 55-ФЗ. П. 3. Ст. 4.

² Там же. П. 2. Ст. 9.

³ Здесь и далее приведены данные Министерства финансов Республики Мордовия.

⁴ См.: Барамзин С.В. Проблемы бюджетной обеспеченности сельских поселений // Финансы и кредит. 2010. № 6. С. 63—66.

⁵ См.: Урман Н.А. Межбюджетные трансферты муниципальным образованиям // ЭКО. 2010. № 4. С. 137—145.

Поступила 23.12.10.

Л. И. ЕРОХИНА,
А. С. НАЗАРОВ

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ СЕРВИСА

Ключевые слова: региональная программа развития, сфера сервиса, разработка программы развития, классификация сервисной деятельности

Key words: regional development programme, service sphere, development programme elaboration, service activities classification

Использование программного метода в экономике распространено достаточно широко. Программирование является второй ступенью в процедуре стратегического планирования. Оно базируется на прогнозных разработках и предназначено для составления проектов целевых комплексных программ. Программный метод с точки зрения управления экономикой позволяет обеспечить максимально эффективное распределение ресурсов и достижение поставленных целей. С позиции государственного управления можно говорить о создании целевых программ, направленных на поддержку и развитие определенной сферы, а также о комплексных программах, направленных на развитие территории. В сфере регионального планирования максимальный опыт накоплен у регионов, находящихся в особых экономических или географических условиях. Такое положение обусловлено в основном необходимостью решения конкретных задач, стоящих перед регионом.

До момента создания собственно программы необходимо собрать историко-культурное, географическое и экономическое портфолио региона. Дело в том, что любые преобразования, составляющие сущность программы, должны опираться на исторические предпосылки развития региона. В связи с этим необходима оценка исходного состояния экономического развития региона. Несмотря на очевидность этого положения, вопрос оценки имеющегося потенциала

ЕРОХИНА Лидия Ивановна, ректор Поволжского государственного университета сервиса, доктор экономических наук, профессор (г. Тольятти).

НАЗАРОВ Александр Сергеевич, аспирант Поволжского государственного университета сервиса (г. Тольятти).

требует значительной научной проработки, поскольку на данном этапе закладывается принципиальная реализуемость мероприятий программы. Более того, необходимо использовать показатели, которые полноценно раскрывают сущность протекающих в регионе процессов и которые впоследствии можно использовать в качестве показателей, оценивающих эффективность реализации программы.

Эта проблема носит более острый характер, когда речь идет о формировании специализированных программ развития предприятий сферы сервиса в регионе. В российской практике проблемам сферы сервиса на региональном уровне не уделяется должного внимания, следовательно, отсутствует полноценная и принятая научным сообществом методология оценки состояния сферы сервиса в регионе. Более того, зачастую сфера сервиса рассматривается как вспомогательная, вторичная по отношению к экономике, что отражается на подходах к социальному программированию в этой области. Развитие сферы услуг в лучшем случае рассматривается в комплексных экономических программах региона, а в большинстве случаев игнорируется. Однако, с нашей точки зрения, в процессе выработки программы развития региона вопросы развития предприятий сферы сервиса должны рассматриваться в первую очередь, поскольку они напрямую связаны с обеспечением качества жизни населения региона. В этих условиях формирование региональной программы развития предприятий сферы сервиса становится локомотивом развития остальных сфер экономики региона. Программа является не просто отраслевой программой развития, а представляет собой стратегический документ переориентации экономики в рамках постиндустриального общества и формирования достойного уровня жизни населения региона.

Такие вопросы требуют решения на методологическом уровне и должны найти отражение в процессе формирования программ развития и управления регионом. Необходимо учитывать еще один немаловажный фактор развития современного общества — способность к созданию и поглощению новых знаний, что находит отражение в инновационной деятельности региона. Следовательно, при формировании программы развития следует включить анализ инновационного потенциала региона, оценка которого в настоящее время проводится в большинстве случаев формально и не отражает его реального влияния на экономику региона.

Следующий этап — формирование концепции программы развития региона. В связи с тем, что программа является важнейшим звеном, интегрирующим интересы различных политических и экономических сил региона, необходимо обеспечение публичности в процессе обсуждения ее концепции для постоянного ее совершенствования. В случае разработки программы, носящей системный основополагающий для всего региона характер, целесообразно включать в процесс ее выработки все заинтересованные стороны.

Любая программа есть «рамочный» документ, ограничивающий реализацию тех или иных мероприятий вне параметров утвержденных проектов. Этот этап очень сложен с позиции определения набора необходимых проектов и критериев, по которым они должны анализироваться. С теоретической стороны эта проблема слабо проработана, поэтому представляется целесообразной реализация автоматизированной системы мониторинга, которая позволяет проанализировать потенциал проекта и его возможный результат с точки зрения развития экономики сервиса в регионе. Более того, в системе должен быть учтен фактор использования инновационного потенциала региона и возможного его приращения. В настоящее время формирование теоретического обоснования составляющих этой системы представляет перспективную область исследований.

После выбора перечня приоритетных проектов осуществляется последовательность их реализации и оптимизации денежных потоков. Далее следуют определение механизмов управления программой, мониторинг ее реализации и внесение соответствующих корректив. Очевидно, что с учетом специфики сферы сервиса необходимо вносить существенные коррективы в действующие алгоритмы разработки и реализации региональных программ развития.

Рассматривая вопрос о разработке региональной стратегии развития предприятий сферы сервиса, следует учитывать имманентное свойство услуги — неотделимость от источника. Соответственно, сфера обслуживания имеет естественную, региональную сегментацию, что требует при разработке проектов выработки механизмов поддержки региональной сферы сервиса. Принципиально важным представляется рассмотрение эффективности реализации программы не только через динамику экономических процессов, но и через

удовлетворенность населения качеством жизни в регионе. Естественно, такой подход повышает субъективность восприятия услуги.

В рамках разработки программы развития предприятий сферы сервиса в регионе необходимо детально остановиться на понятии «сервисное предприятие» и его трактовке. В рамках комплексного развития сервиса в регионе принципиально неверным будет сужение круга предприятий бытового обслуживания и деловых услуг. Современный сервис — понятие чрезвычайно широкое, представляет в самом широком понимании действие, которое совершается одной стороной для другой, имеет нематериальный характер и не приводит к возникновению права собственности на что бы то ни было. В связи с этим, рассматривая практический аспект формирования программы развития предприятий сферы сервиса в регионе, необходимо относить к таковым все предприятия, которые так или иначе оказывают услуги. Более того, для повышения эффективности управления реализацией программы в масштабах региона надлежит пересмотреть традиционный подход к классификации предприятий и провести анализ с позиции возможности осуществления сервисной деятельности.

В связи с этим предлагается классификация объектов сервиса, которые необходимо, на наш взгляд, рассматривать в рамках региональной программы развития: 1) *промышленные площадки*, которые следует рассматривать в рамках широко распространяемой практики аутсорсинга, фактически относящейся к сервисной деятельности; 2) *сервис*, сопровождающий промышленные площадки. Очевидно, что действующие объекты материальной инфраструктуры не смогут самостоятельно стать аутсорсинговыми центрами, вокруг которых создается пояс инжинирингового, юридического, бухгалтерского, организационного и т. д. сопровождения; 3) *системообразующий сервис*. В связи с тем, что современная экономика услугоцентрична, необходимо формирование предприятий сервисного ядра региона, которые будут разрабатывать новые услуги, удовлетворяющие потребности населения региона и создавать основу развития остальной экономической инфраструктуры, обеспечивать приток инвестиций на территорию региона; 4) *бытовой сервис*. Эти предприятия призваны обеспечить удовлетворение базовых

потребностей населения региона, а также бытовые условия, формирующие качество жизни.

Предложенная классификация предприятий региона позволяет изменить структуру региональной экономики и в качестве основы программы использовать проекты, направленные на стимулирование системообразующего сервиса, который обеспечивает развитие остальных видов сервиса и промышленных площадок. Следовательно, одной из важнейших задач в процессе формирования региональной программы развития является определение наиболее эффективного соотношения представленных элементов сервисной инфраструктуры.

Целесообразным в этом контексте представляется модификация процесса разработки программы с учетом специфики сервисной деятельности путем включения предложенной классификации сервисных предприятий. В данном случае критерием для отбора проектов становится влияние результатов деятельности каждого из них. Более того, данный подход обеспечивает комплексное развитие региона, поскольку в предлагаемом подходе сервисная деятельность обеспечивает развитие остальных отраслей и предприятий.

Повышением качества экспертизы проектов программы обеспечивается эффективность программы регионального развития, которая должна выражаться также в оптимизации управления реализации программы в течение всего срока ее планирования. В связи с этим процесс разработки самой программы развития региона должен быть усовершенствован.

При существующей логике формирования программы необходимо, как было сказано выше, внедрить автоматизированную систему мониторинга, позволяющую существенно повысить качество процесса разработки и реализации программы. Этот процесс цикличен, что обуславливает необходимость регулярного мониторинга. В основу автоматизированного процесса мониторинга должна быть положена авторская классификация объектов сервисной инфраструктуры, а также набор индикаторов, отражающих качество жизни населения региона (объективные показатели и субъективное восприятие).

Управление реализацией проектов посредством корректировки основных параметров с учетом данных мониторинга также следует осуществлять с помощью автоматизированной

системы. Предполагается, что это должна быть не просто компьютерная программа, моделирующая экономические процессы на основе заданных параметров, она должна обеспечивать поддержку принятия управленческих решений.

Содержание, алгоритмы и модели, используемые в рамках предлагаемой автоматизированной системы, являются перспективным направлением дальнейших исследований. В настоящее время можно сформулировать ряд основополагающих принципов, по которым будут осуществляться исследование и проектирование автоматизированной системы комплексного управления программой развития региона: 1) *принцип непрерывности* (использование системы не должно носить дискретный характер, мониторинг основных параметров осуществляется непрерывно); 2) *принцип комплексности критериев мониторинга* (критерии, по которым будет осуществляться мониторинг, должны отражать структурное соотношение элементов сервисной инфраструктуры, согласно предложенной классификации. Кроме того, критерии должны отражать качество жизни населения региона); 3) *принцип единства качественной и количественной оценки проектов программы*, находящий отражение в едином комплексе автоматизированной оценки проектов и экспертной оценки; 4) *принцип выбора стратегического направления* (система должна иметь возможность перенастройки в зависимости от выбранного направления стратегического развития сервиса региона. В качестве базового стратегического приоритета логичным представляется наращивание предприятий системообразующего сервиса); 5) *принцип пропорциональности* (система должна обеспечивать поддержку заранее определенного соотношения элементов сервисной инфраструктуры, что найдет отражение в формировании системы оценок конкретных проектов).

Соблюдение этих принципов необходимо для создания эффективной автоматизированной системы управления процессом формирования региональной программы развития предприятий сферы сервиса.

Поступила 29.06.10.

Г. Н. ТЕРЯКОВА

**КРЕДИТНАЯ КООПЕРАЦИЯ
В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТОВ
ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ
СФЕРЫ МАЛОГО БИЗНЕСА**

Ключевые слова: кредитование, малый бизнес, финансирование, предприниматели, финансовый потенциал, банковский риск

Key words: crediting, small business, financing, entrepreneurs, financial potential, banking risk

Проблема кредитования малого бизнеса остается нерешенной на протяжении длительного времени. Потребность в кредитах предприятий этого сектора в 2009 г. оценивалась Минэкономразвития суммой в 1,5 трлн руб., тогда как реально было выдано кредитов на сумму не более 450 млрд руб., т. е. порядка 30 %¹ от необходимого объема. Нельзя не заметить одно противоречие: с одной стороны, предприниматели нуждаются в источниках финансирования, с другой стороны, по данным опросов, проведенных нами среди субъектов малого бизнеса Оренбургского региона, лишь 12 % из них регулярно пользуются банковскими кредитами.

У представителей банков есть на это свои аргументы. Для получения кредита деятельность предприятия должна быть прозрачной. В среде малого бизнеса на этот шаг готовы решиться немногие предприятия. Таким образом, низкая легитимность бизнеса, фигурирующая в бухгалтерских отчетах, становится основанием для отказа в получении кредита. Однако более высокая прибыль сопряжена с увеличением налогового бремени. Получается замкнутый круг. Для тех предпринимателей, которые хотят из него выбраться, банкиры приводят следующий аргумент: повы-

ТЕРЯКОВА Галина Николаевна, преподаватель кафедры кредитных и страховых дисциплин Бузулукского финансово-экономического колледжа — филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

шение легитимности бизнеса на 25—30 % дает предприятиям возможность воспользоваться кредитными инструментами, выгода от которых уже через небольшой период времени покроет увеличившуюся налоговую нагрузку².

Предприниматели оперируют иными данными. Согласно полученным результатам исследования, проведенного нами в рамках изучения финансового потенциала предпринимателей Оренбургского региона, 36 % представителей малого бизнеса не берут кредит по причине высоких процентных ставок. Привести среднее значение ставки по кредитованию малого бизнеса достаточно сложно. В зависимости от вида кредитного инструмента, суммы кредита, периода времени, на который он предоставляется, залогового обеспечения, а также валюты, в которой выдается кредит, процентная ставка может меняться от 10 до 19 % годовых³. Другой причиной не слишком высокой популярности кредитов в среде малого и среднего бизнеса, которую назвали около 22 % предпринимателей, являются требования банка по предоставлению поручителей. Порядка четверти всех предпринимателей не прибегают к использованию кредитных инструментов из-за необходимости предоставления залога⁴.

По оценкам экспертов, более 80 % банков разработало свои программы кредитования малого бизнеса. При этом слабым местом этих программ является отсутствие универсальной системы оценки кредитоспособности субъектов предпринимательства. Выдача банками кредитов начинающим предпринимателям затруднена требованиями Центробанка. Кредиты этим целевым группам относятся к числу наиболее рискованных, что влечет за собой создание максимальных резервов и неоправданное увеличение стоимости микрокредитов. Для минимизации банковских рисков и повышения уровня эффективности использования всей совокупности финансовых ресурсов, направляемых на развитие хозяйствующих субъектов, необходимо развивать микрофинансирование как институт поддержки начинающих предпринимателей и самозанятости граждан. Важные поставщики финансовых ресурсов для субъектов малого бизнеса — кредитные кооперативы, деятельность которых особенно развита в Канаде, где кредитные кооперативы и народные кассы являются вторым после коммерческих банков источником финансирования малых предприятий⁵.

В связи с этим следует отметить факт существования «конфликта целей», который вынуждены решать в процессе своей работы кредитные кооперативы: с одной стороны, они являются финансовыми учреждениями, ответственными за свою рентабельность, с другой — у них нет ориентации на получение прибыли. Данный «конфликт целей», а также выполнение кредитными кооперативами функции по поддержке малого бизнеса обуславливают необходимость оценки результатов их работы не только на основе финансовых показателей деятельности, но и с точки зрения оказываемого воздействия на экономику, которое проявляется в изменении основных показателей, характеризующих развитие сферы малого бизнеса в стране. Показателями оценки деятельности кредитных кооперативов в сфере поддержки кредитования малых предприятий могут быть общее количество малых предприятий, рост объемов оборота, количество новых рабочих мест, рост объема инвестиций в инновационные сферы экономики.

Основными преимуществами кредитных кооперативов для предприятий малого бизнеса являются некоммерческий характер деятельности и упор на взаимное доверие и ответственность. Приоритет отдается оценке качества владельца бизнеса и реализуемости проекта, а не обеспечению. Благодаря этим фактам у кооператива есть возможность выдавать кредит по ставке ниже банковской. Максимальная сумма займа и процент за пользование зависят от индивидуального рейтинга заемщика. Если пайщик не в состоянии вовремя вернуть кредит, то кооператив своим решением вправе приостановить начисление и выплату процентов, не применять штрафных санкций⁶.

Таким образом, кредитные кооперативы способны решить ряд важных и сложных задач в сфере кредитования малого предпринимательства. Это связано с преимуществами, которые имеют кредитные кооперативы: демократический стиль управления кредитным кооперативом (один пайщик — один голос); приемлемые требования по обеспечению займов, так как кредитный кооператив объединяет людей, хорошо знающих друг друга; высокая степень финансовой защищенности кредитного кооператива, поскольку высокорентабельному и достаточно рискованному вложению средств кредитный кооператив предпочитает среднерентабельные, но надежные операции; более низкий процент по займам пайщикам и бо-

лее стабильный процент по сбережениям за счет того, что кредитный кооператив не стремится к извлечению прибыли; малые сроки рассмотрения заявки на заем. Кроме того, предприниматели, вступившие в кредитный кооператив, в процессе участия в нем приобретают кредитную историю. С помощью такого сотрудничества возможно решение производственных, финансово-инвестиционных и иных проблем.

Однако следует отметить, что кооперативы обладают достаточным потенциалом для решения более глобальных задач. Кредитные кооперативы за счет объединения своих ресурсов могут создать вертикально интегрированные структуры для концентрации инвестиций на региональных или общероссийском уровнях для их последующего перераспределения в пользу значительных и долгосрочных проектов.

Кооперативы первого уровня (районные, городские) являются основой системы, в которой они имеют независимость и самостоятельно решают вопросы, касающиеся внутрихозяйственной деятельности. Однако у них всегда есть финансовая поддержка со стороны регионального кооператива второго уровня, который обеспечивает их при необходимости заемными средствами. Основные задачи кооперативов второго уровня — концентрация средств кооперативов первого уровня, создание резервного и страхового фонда, перераспределение финансовых потоков между кооперативами различных организационно-правовых форм, устранение разрывов ликвидности между кредитными кооперативами, а также разработка единых нормативов и правил деятельности для всей системы⁷.

Банки, даже если и созданы кооперативами, являются коммерческими организациями, которые должны заботиться об увеличении своего капитала за счет максимизации прибыли и снижения рискованности операций, а не о том, чтобы кредитовать своих акционеров (пайщиков). Кроме того, банковское законодательство ограничивает выдачу банками кредитов своим акционерам. Поэтому консолидаторами и перераспределителями ресурсов кредитных кооперативов на местах должны быть не коммерческие банки, а кредитные кооперативы более высокого уровня.

Помимо помощи в формировании финансовых ресурсов малых предприятий, кооперация могла бы содействовать становлению малого предпринимательства как класса, способного отстаивать свои интересы, и тем самым стать

фактором решения комплекса накопившихся проблем административного давления, коррупции, недостаточной правовой защищенности. Этому способствуют сами ценности и принципы кооперативного движения⁶.

Для придания импульса кооперативному движению целесообразно предоставление налоговых льгот для привлечения малых предприятий в кредитные кооперативы; субсидирование процентной ставки по банковским займам, привлекаемым кредитными кооперативами для увеличения объемов кредитования его членов; распространение действия фондов гарантий по кредитам на кредитные продукты кооперативов; предоставление центрами или фондами поддержки малого бизнеса, действующими в различных регионах России, информации из юридической, финансовой, управленческой областей, что необходимо предпринимателям для создания кредитного кооператива.

Таким образом, в результате многостороннего партнерства между федеральными, региональными и муниципальными органами власти, частным капиталом и малыми предприятиями могут сложиться эффективные структуры поддержки кредитования малого бизнеса, основанные, в частности, на деятельности гарантийных и кооперативных механизмов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мониторинг состояния малого бизнеса. URL: <http://www.opora35.ru/news> (дата обращения: 10.11.2010).

² См.: Проект. Жизненный цикл малого предприятия, раунд 1 и раунд 2. URL: <http://www.nisse.ru> (дата обращения: 11.11.2010).

³ См.: Быков П.Ю., Леонов О.А. и др. Стратегия развития малого бизнеса в кризисный период: экономический атлас. URL: <http://www.finistconsult.ru> (дата обращения: 03.11.2010).

⁴ См.: Смирнов М.А., Шестоперов О.М., Шестоперов А.М., Шамрай А.А. Кредитование малого предпринимательства. Аналитическая записка. URL: www.nisse.ru (дата обращения: 11.11.2010).

⁵ См.: Ефремов Л.Р. Жилье в рассрочку: ссудно-сберегательная касса. 2010. URL: <http://www.credits.ru> (дата обращения: 02.11.2010).

⁶ См.: Федеральный закон от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.11.2010).

⁷ Там же.

⁸ См.: Норов А.В. Малому бизнесу поможет кооператив. URL: <http://www.orema.ru> (дата обращения: 14.11.2010).

Поступила 13.12.10.

Н. В. ЗУБКОВА

ФОРМИРОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПЛАНОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ключевые слова: автомобильная промышленность, производство, подготовка производства, планирование, оперативно-производственное планирование, нормы и нормативы

Key words: automobile industry, production, production preparation, planning, operative production planning, norms and standards

Основой экономики любого развитого государства и его регионов являются крупные предприятия, корпорации и компании, активно сотрудничающие с предприятиями малого и среднего бизнеса. В Самарской области к таким предприятиям относятся «АВТОВАЗ», «Куйбышевазот», «Самароэнерго», «Тольяттиазот» и др. В современных экономических условиях только крупный капитал способен обеспечить применение новейших технологий и обусловленную ими высокую эффективность хозяйствования. Поэтому для регионов выгодно иметь стабильно работающее крупное предприятие, образующее вокруг себя отраслевой кластер. Есть несколько отраслей, которые можно отнести к крупным: строительство, транспорт, пищевая промышленность и машиностроение.

Одна из крупнейших отраслей машиностроения — автомобильная промышленность, которая может взять «сырой товар», довести его до высочайшего уровня переработки и отдать покупателю. Это позволяет развивать экономику региона и страны в целом. Автомобильная промышленность вбирает в себя десятки других отраслей, проявляя тем самым интеграционные процессы в ней. Поэтому управление предприятиями, относящимися к автомобильной промышленности, в

ЗУБКОВА Наталья Викторовна, старший преподаватель кафедры экономической и управленческой подготовки Тольяттинского государственного университета.

современных условиях требует системного решения проблем и напрямую зависит от качества планирования, обеспечивающего принятие оптимальных управленческих решений.

Создание эффективного механизма управления в автомобильной промышленности невозможно без четкой организации планирования и, прежде всего, оперативно-производственного планирования, поскольку оно обеспечивает реализацию планов при определенной тактике и стратегии. Зависимость качества планов от множества факторов доказывает сложность выбора оптимального направления развития оперативно-производственного планирования и его особенностей на предприятиях автомобильной промышленности. Опыт зарубежных фирм и российских предприятий показывает, что недооценка оперативно-производственного планирования, игнорирование, некомпетентное или ограниченное его осуществление приводят к неоправданным экономическим потерям. Таким образом, оперативно-производственное планирование создает упорядоченность и пропорциональность развития в достижении цели и позволяет сократить перемены в движении предметов труда по отдельным стадиям производства и воспроизводства; обеспечить равномерность и комплектность загрузки оборудования и площадей; четко реагировать на любые отклонения, возникающие в ходе производственного процесса, и тем самым создать предпосылки для ритмичной и эффективной работы предприятия и его подразделений с минимальными затратами.

Основу оперативно-производственного планирования на предприятиях автомобильной промышленности составляет программа производства или объем готовой продукции, планируемый к производству. Для этого проводят подготовку производства, обеспечивающую формирование и ведение конструкторско-технологической нормативной базы предприятия, предназначенной для использования в конструкторских, технологических службах предприятия, а также в службах нормирования трудовых и материальных ресурсов и в отделах главного механика. Подготовка производства обеспечивает формирование и ведение номенклатуры деталей и сборочных единиц, которые изготавливаются на предприятии; ведение справочников материалов и покупных комплектующих изделий, инструмента, оборудования и т. д.; создание конструкторских спецификаций на сборку изделий; создание

технологических процессов изготовления деталей и сборочных единиц; нормирование расхода основных и вспомогательных материалов на детали и сборочные единицы; ведение базы данных пооперационных трудовых нормативов.

Таким образом, подготовка производства позволяет получить сводные расчеты по стоимости основных и вспомогательных материалов для деталей и изделий, расчету норм времени и расценок на изготовление изделий, калькуляции нормативной себестоимости изделия и спецификации-расцеховки для сборочных единиц. Сводными расчетами материальных и трудовых затрат на изделие пользуются все подразделения предприятия, связанные с производством и обеспечением ресурсами.

В автомобильной промышленности в процессе подготовки производства применяют различные методы плановых работ, которые по характеру подразделяются на три последовательно выполняемых блока: объемное планирование, календарное и текущее (оперативное) планирование. Основная задача объемного планирования — распределение выполняемых работ по подразделениям и плановым периодам с учетом загрузки оборудования и площадей. Календарное планирование предполагает определение сроков начала и окончания работ в цехах и сроков передачи их продукции другим цехам, при необходимости — с корректировкой результатов объемных расчетов. Оно осуществляется как для предприятия в целом, так и для отдельных его цехов. В качестве планового периода при календарных расчетах чаще всего выбирается месяц или квартал. Задача текущего (оперативного) планирования состоит в разработке конкретных производственных заданий по номенклатуре работ и исполнителей на короткие плановые периоды (декаду, неделю, сутки, рабочую смену и час).

Оперативно-производственное планирование на предприятиях автомобильной промышленности рассматривается как многоуровневая, структурируемая на разные блоки и стадии плановая работа. Различают три уровня оперативно-производственного планирования: заводской (межцеховой), цеховой и участковой.

Оперативно-производственное планирование на предприятиях автомобильной промышленности осуществляет производственно-диспетчерский отдел (ПДО), возглавляемый

начальником производства. Структура этого отдела и его количественный состав определяются структурой предприятия, объемом производства, номенклатурой выпускаемых изделий, численностью промышленно-производственного персонала. ПДО является самостоятельным структурным подразделением предприятия и подчиняется заместителю директора по производству (начальнику производства). В некоторых случаях в производственно-диспетчерских отделах создаются бюро по планированию отдельных производств: механосборочного, металлургического, сварочного и т. д.

На уровне предприятия центральный производственно-диспетчерский отдел решает совокупность задач межцехового оперативно-производственного планирования, располагая для этого рядом бюро: сводного планирования и технико-экономических расчетов, календарного планирования цехов, оперативной подготовки производства, календарно-плановых норм, заказов и др. и группами диспетчерования. Объектом межцехового оперативно-производственного планирования являются цеха основного производства. Цели — слаженная, ритмичная работа в цехах основного производства, а также их бесперебойное снабжение ресурсами и услугами вспомогательных цехов и служб предприятия. Предметом межцехового планирования служат производственно-хозяйственные связи между цехами основного производства, а исходными данными — показатели плана производства и реализации продукции предприятия.

На внутрицеховом уровне производственно-диспетчерское бюро (ПДБ) цеха, имея группы планирования и диспетчерования, осуществляет планирование и регулирование деятельности участков, бригад, линий и т. д. На уровне участков их начальники, старшие и сменные мастера, бригадиры, распределители работ (учетчики) проводят внутриучастковое планирование, обеспечивают движение предметов по рабочим местам, ведут оперативный учет, контроль и регулируют производство.

В процессе оперативно-производственного планирования подразделения предприятия, службы, отдельные должностные лица обмениваются необходимой информацией. Стороны предоставляют сведения в соответствии с установленными на предприятии плановыми периодами обеспечения информацией (на начало и конец года, квартала, месяца и т. д.)

и несут ответственность за качество и сроки ее предоставления. Общий вид распределения функций по составлению оперативно-производственных программ на предприятиях автомобильной промышленности представлен в таблице¹.

Таблица

Распределение функций по составлению оперативно-производственных программ на предприятиях автомобильной промышленности

Этап прохождения программы	Суммарное задание программы		Детализирование задания	
	Объем выпуска	График выпуска	Программа в номенклатуре	Календарный график выпуска
Разработка и оформление общезаводской программы	ПЭО	ПЭО	ПЭО	ПДО
Утверждение общезаводской программы	Руководитель предприятия			
Разработка и оформление цеховых программ	ПЭО	ПДО	ПДО	ПДО
Утверждение цеховых программ	Руководитель предприятия			
Выдача заданий цехам	ПЭО	ПДО	ПДО	ПДО
Корректировка плана	ПЭО	ПДО	ПДО	ПДБ

Представленные в таблице этапы разработки производственной программы цехов позволяют сформировать план производства всего предприятия, который включает в себя формирование заказов производствам на изготовление товарной продукции по номенклатуре договоров с потребителями; формирование заказов на восполнение необходимого уровня запасов на складах готовых деталей, а также на заделы будущих периодов; учет производственных заказов на выполнение гарантированного и постгарантийного ремонта выпускаемых изделий; учет возврата готовой продукции со складов отдела сбыта в цеха, а также учет переоценки готовых изделий в отделе сбыта².

На основании плана производства формируются основные расчеты: графики межцеховых передач деталей и сборочных единиц, подетальный план межцеховых передач на программу текущего месяца и будущих периодов, сводка текущего выполнения товарного плана и плана межцеховых передач, планы выпуска товарной продукции завода и цехов, экономические показатели плана производства в разрезе всех служб предприятия.

Математически возникающие отношения в процессе формирования плана производства выражаются следующим образом³:

$$Z = \sum_{i=1}^{I=3} Z_i, \quad (1)$$

где Z — количество продукции (продуктовая программа), которое необходимо произвести, шт.; i — этап технологической цепочки (1 — заготовительный, 2 — обрабатывающий, 3 — сборочный).

Количество продукции, которое должно быть произведено после определенного этапа технологической цепочки, определяется по формуле:

$$Z_i = \sum_{\substack{j=a \\ I=3 \\ i=1}}^{J=b} Z_{ij}, \quad (2)$$

где Z — количество продукции, которое проходит по технологическому процессу; j — продукция, которая проходит по производственному процессу, но имеет разные пути ее доведения до основного производства (a — продукция от поставщиков; b — продукция собственного производства и отправленная потребителю; $в$ — продукция собственного производства, предназначенная для внутреннего потребления).

В развернутом виде математическая модель выглядит так:

$$\begin{aligned} Z_{1a} &\Rightarrow Z'_1 = Z_{16} + Z_{1e} \Rightarrow Z_1 = z_{16} \\ Z_{2a} + Z_{1e} &\Rightarrow Z'_2 = Z_{26} + Z_{2e} \Rightarrow Z_2 = z_{26}, \\ Z_{3a} + Z_{2e} &\Rightarrow Z'_3 = Z_{36} \Rightarrow Z_3 = z_{36} \end{aligned} \quad (3)$$

где Z'_i — преобразованная продукция после определенного этапа производственного процесса.

Таким образом, оперативно-производственное планирование подразделяется на стадии предварительных расчетов и разработки планов. На пересечении структурных образующих формируется целостная система оперативного планирования производства, включающая совокупность основных элементов: выбор и обоснование планово-учетных единиц, расчеты за-

грузки оборудования и производственных площадей, разработка календарно-плановых нормативов, разработка цеховых и внутрицеховых производственных программ (объемные расчеты), формирование меж- и внутрицеховых производственных графиков (календарные расчеты) и оперативных заданий (сменно-суточных, часовых и др.)⁴.

Значение объемных расчетов в оперативно-производственном планировании состоит в определении возможностей оборудования, площадей, трудовых коллективов по выполнению производственных заданий в плановом периоде с учетом скорости движения производства, которая определяется в блоке календарного планирования. Однако громоздкие расчеты, проводимые без календарного обоснования производственного процесса, носят лишь предварительный характер и не могут заменить или компенсировать отсутствие календарного планирования.

Суть установления календарно-плановых нормативов (объемов партии изделий; длительности производственных циклов, опережений, заделов и др.) состоит в нормировании хода дискретного производственного процесса во времени. В качестве критерия экономичности используются различные показатели: наименьшее количество переналадок оборудования (либо время наладки); максимальная загрузка оборудования и минимальная длительность производственного цикла; наименьший объем незавершенного производства либо совокупных производственных издержек. Содержание календарного планирования предполагает определение на основе календарно-плановых нормативов сроков выполнения производственных заданий на планируемый период в разрезе установленных планово-учетных единиц при соблюдении объемной разгрузки подразделений.

Таким образом, в процессе формирования оперативно-производственных планов в автомобильной промышленности увязываются все элементы предприятия (техническая подготовка производства, материально-техническое обеспечение производства, создание и поддержание необходимых запасов материальных ресурсов, сбыт продукции и т. д.) в единый производственный «организм», что позволяет говорить о них как о приоритетных и интегрирующих при управлении предприятиями. При этом от качества составления оперативно-производственных планов и организации произ-

водственного процесса зависит не только работоспособность самого предприятия, но и благосостояние юридических лиц, граждан, организаций, государственных учреждений, органов управления и власти, т. е. охватываются практически все компоненты социально-экономической, технологической и природной среды региона и России в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Курочкин А.С. Оперативный менеджмент. URL: <http://biglibrary.ru/category38/book116> (дата обращения: 15.09.2010).

² См.: Зубкова Н.В. Применение экономико-математических моделей при формировании затрат машиностроительного предприятия на стадии планирования // Вектор науки Тольят. гос. ун-та / Тольят. гос. ун-т. 2010. № 2. С. 166—170.

³ Там же.

⁴ См.: Планирование и учет производства. URL: <http://www.olimp.udm.ru/Solutions/planing.html> (дата обращения: 24.10.2010).

Поступила 29.12.10.

Н. Н. МЕЛЬКИНА Д. А. ЩИПАНОВ

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕЛОВЫХ СЕТЕЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ МОРОЖЕНОГО ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Ключевые слова: сетевой бизнес, конфедеративное устройство, участники, обмен, власть, контроль, ресурсы

Key words: network business, confederative association, participants, exchange, power, control, resources

Современный этап развития бизнеса характеризуется глобализацией производства, усилением конкуренции, ускорением процессов обновления технологий и их проникновением через границы отраслей и государств, а также в целом возрастанием неопределенности бизнес-среды. Все это требует поиска новых методов и форм работы на рынке, способствующих адаптации компании к постоянно изменяющимся условиям окружающего мира.

Важным резервом повышения эффективности функционирования компании являются ее маркетинговые акти-

МЕЛЬКИНА Наталья Николаевна, заведующая кафедрой экономики и управления на предприятии Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент.

ЩИПАНОВ Дмитрий Александрович, аспирант кафедры экономики и управления на предприятии Мордовского государственного университета.

вы: уникальная товарная и ценовая политика, брендинг, стратегический менеджмент, маркетинговая корпоративная культура и др. Это так называемые «традиционные маркетинговые активы», среди которых в последнее время важное место занимала политика распределения. Однако развитие в маркетинге концепции воспринимаемой ценности, завоевания лояльности потребителей привело к появлению новой перспективной концепции — маркетинг партнерских отношений. Его целью является построение долгосрочных взаимовыгодных отношений с ключевыми рыночными партнерами компании (потребителями, поставщиками, дистрибьюторами) для формирования их долгосрочных предпочтений и устойчивых взаимосвязей. Эффективные производители берут на себя и выполняют обязательства по предоставлению товаров и услуг высокого качества по приемлемым ценам. Маркетинг партнерских отношений способствует установлению тесных экономических, технических и социальных связей между партнерами, снижению транзакционных издержек и экономии времени. Его организационной формой является сетевой бизнес, возникший на основе формирования и совершенствования функционирования каналов распределения компании.

Эволюция маркетинговых деловых сетей прошла путь от простых к повторяющимся транзакциям, от создания долгосрочных отношений к партнерским, от формирования стратегических альянсов к созданию деловых сетей. Сети как форма организации бизнеса являются перспективным направлением развития компании в условиях весьма быстро меняющейся деловой среды. Место предприятия в сети — это стратегический ресурс фирмы при формировании конкурентного преимущества и выживания на рынке. Маркетинговая деловая сеть включает в себя саму компанию и всех так или иначе участвующих в ее деятельности субъектов, с которыми организация установила взаимовыгодные деловые отношения: потребителей, персонал, поставщиков, дис-трибьюторов, исследовательские институты и т. д.

Наиболее широкое и быстрое распространение в России сетевой бизнес получил в пищевой промышленности, например, в производстве мороженого. Особенность производства мороженого заключается в привязанности производителей к местам потребления. Поэтому производство в основном

носит местный и региональный характер. Мороженое — это сложный технологический продукт, требующий специальных условий транспортировки и хранения, при нарушении температурного режима оно безвозвратно теряет свои вкусовые качества.

Среди основных тенденций рынка последних лет следует отметить активизацию поглощений и объединений, например, образование единой компании «Айсберри» на базе компаний «Рамзай», «Сервис-Холод», «Айс-Фили» и покупки фабрики «Волшебный фонарь», а также покупка фирмой «Талосто» молочного комбината в Озерах, компании «Метелица» и «Подольского хладокомбината». За последнее время вырос и уровень консолидации рынка: 10 наиболее крупных предприятий в 2010 г. произвели половину всего объема российского мороженого.

Сформировалась группа явных лидеров: «Инмарко», «Талосто», «Русский холод», «Айсберри», «Нестле», «Жуковское мороженое», «Поспел», «Снежный городок», «АльтерВЕСТ», «Челны-Холод», «Белгородский хладокомбинат», «Липецкий хладокомбинат», «Холод (Пятигорск)», «Петрохолод», «Хладокомбинат № 1 (Санкт-Петербург)», «Калинов Мост». В настоящее время пятерка лидеров отрасли по объемам производства и реализации такова: «Инмарко» (36 500 т), «Русский холод» (20 000 т), «Талосто» (19 400 т), «Рамзай» (19 300 т с учетом мощностей «Айс-Фили»), «Нестле» (18 500 т), «Альтервест» (12 300 т).

В отрасли наблюдается усиление конкуренции между производителями. В результате крупные, эффективно работающие предприятия становятся еще более мощными, а мелкие и слабооснащенные закрываются либо скупаются. В результате количество производителей мороженого за последние 10 лет сократилось с 350 до 250¹. Развиваются в основном крупные компании, для которых характерна инновационная активность. Построены фабрики мороженого «Русский холод» (Московская область), «Талосто» (г. Шахты Ростовской области), холодильник «Инмарко» (г. Омск). Компания «Калинов Мост» (Нижегородская область) завершает строительство новой фабрики и холодильника. В перспективе «Инмарко» предполагает построить фабрику мороженого (г. Тула) производительностью 45—50 тыс. т в год, вложив в нее около 50 млн долл. Компания «Бородино» планирует

инвестировать 8—10 млн долл. в развитие производства мороженого.

К проблемам отрасли относятся устаревшее энергоемкое оборудование и высокая стоимость энергоносителей, товары-заменители, высокая конкуренция, нехватка оборотных средств, демпинг и низкая платежеспособность населения. Это делает отрасль инвестиционно непривлекательной, отсюда происходит нехватка средств на модернизацию и рекламу. Кроме того, развитие сетевой торговли, особенно гипермаркетов, снижает возможность продвижения мороженого как продукта импульсного спроса. Быстрорастущие рынки других товаров продвигают их более активно и правильно.

Другая особенность отрасли в том, что в обществе сложился стереотип: мороженое — это дешевый детский продукт, хотя потребителями являются не только дети, большую группу составляют взрослые от 24 до 34 лет (26 %). Наименьшее число потребителей представлено в возрастной группе 65 лет и старше (7,2 %). Таким образом, при составлении программ вывода на рынок новинок или расширения рынка сбыта применение агрессивной рекламы является вполне целесообразным и оправданным.

Выпуск мороженого в Приволжском федеральном округе (ПФО) осуществляет более 25 предприятий. Общий объем производимого и потребляемого мороженого в Поволжье составляет примерно 82 тыс. т в год². Лидирующие позиции здесь занимают «Фабрика грез», входящая в холдинг «Поспел» (г. Н. Новгород), ей принадлежит 21 % рынка; ООО «Калинов Мост» (г. Дзержинск) — 15 %; «Ледяной дом» (г. Пенза) — 12 % (таблица).

Таблица

Позиции основных производителей на рынке мороженого ПФО в 2010 г.

Фирма	Месторасположение	Доля рынка, %
ГК «Поспел»	г. Н. Новгород	21
ООО «Калинов мост»	г. Дзержинск	15
ООО «Ледяной дом»	г. Пенза	12
ИП Шибаланская А. А. (компания «Колибри»)	г. Бор	9
ОАО «Челны Холод»	г. Набережные Челны	7
Другие производители		35

Известно, что залогом успеха в бизнесе является вертикальная интеграция, когда под контролем организации находятся все этапы бизнес-процесса, начиная с добычи сырья и заканчивая продажей готовой продукции. В отрасли производства мороженого успеха добились компании, сумевшие замкнуть цепочку от производства до сбыта продукции. Многие оптовые торговые компании, занимавшиеся продажей чужого мороженого, в конце 90-х гг. XX в. организовали свое производство. Так действовали, например, компании «Колибри» и «Калинов Мост». Но в условиях жесткой конкуренции не все предприятия смогли удержать свои позиции. Так, компания «Мордовия-Холод», являвшаяся единственным производителем мороженого в Республике Мордовия, в результате многочисленных слияний, поглощений и реструктуризации обанкротилась.

Лидер отрасли ООО «Фабрика грез», созданное в 2003 г. в рамках холдинга «Поспел», сегодня выпускает самый большой объем и ассортимент мороженого среди производителей ПФО. Производство традиционно начиналось с обычного вафельного стаканчика, а сейчас в ассортименте компании около 200 различных фасовок мороженого с различными наполнителями. ООО «Фабрика грез» входит в группу компаний «Поспел», где, помимо нее, есть еще ряд компаний с различными направлениями деятельности (СПХ «Хохлома», «Поспел-Реклама», ТД «Поспел», «Поспел-Авто» «Арзампродукт»). Эти фирмы, входящие в холдинг «Поспел» и тесно сотрудничающие с компанией «Фабрика грез», образуют ее институциональную сеть.

У каждой компании есть взаимоотношения с потребителями, дистрибьюторами, поставщиками, конкурентами и другими участниками рынка. Эти взаимоотношения определяют фокусную сеть компании. Крупнейшими дистрибьюторами предприятия являются «Метелица-М» (г. Саранск), «Пищекомбинат» (г. Саратов), «Морозко плюс» (г. Киров), ИП Загуменова (г. Атырау, Казахстан), «Айсберг» (г. Санкт-Петербург), «Талосто» (г. Москва). Конкурирующие фирмы часто имеют общих клиентов, дистрибьюторов или поставщиков. Это связано с тем, что некоторые составляющие для производства изготавливают ограниченное количество фирм, например, стабилизаторы для производства мороженого (с компанией «ЭВКО» работают 85 % хладокомбинатов

России). Таким образом, совокупность всех фокусных сетей взаимодействующих и конкурирующих организаций на данном рынке и образует деловые сети организации.

Особенностью функционирования отрасли по производству мороженого является территориальная близость мест производства и потребления, поэтому возникает вопрос о наличии сетей распределения продукции внутри региона. Назовем их территориальными сетями распределения. В территориальную сеть распределения компаний производителей мороженого в ПФО, помимо лидера отрасли компании «Фабрика грез» (ГК «Поспел»), входят и другие крупные производители мороженого: «Калинов мост» (г. Дзержинск), «Ледяной дом» (г. Пенза), а также другие заводы и цеха по производству мороженого. Многие компании отрасли обладают важным конкурентным преимуществом — наличием собственной сети распределения продукции. Для создания и поддержания в эффективном состоянии собственной сети распределения требуются значительные финансовые затраты. Многие компании региона пошли по пути развития взаимодействия с оптовыми организациями в регионах ПФО. Эти компании образуют так называемую «партнерскую сеть». Для каждой из категории посредников в партнерской сети должны быть разработаны свои условия сотрудничества.

Посредников в розничной сети можно классифицировать:

- 1) *розничный торговец* — участник системы распределения, продающий товар непосредственно потребителю и обеспечивающий доступность товаров для потребителей;
- 2) *оптовик* — торговый посредник, пока на него не накоплена информация, для придания ему другого статуса. Оптовик работает по предоплате, пока не сформирована его кредитная история;
- 3) *дистрибьютор* — партнер, обеспечивающий количественную и качественную дистрибуцию продукции по розничным точкам на закрепленной территории и осуществляющий мелкооптовую торговлю со склада. Дистрибьюторы должны соблюдать ценовую политику производителя и предоставлять отчетность по продажам и товарным остаткам;
- 4) *премьер-дистрибьютор* — торговый партнер, являющийся крупным дистрибьютором в своем регионе и инвестирующий средства в развитие собственной инфраструктуры продаж: дистрибуции (штат торговых представителей, мерчандайзеры, продвижение) и логистики

(склады, транспорт). Премьер-дистрибьютор поддерживает политику компании-производителя, считает его ассортимент приоритетным в своем товарном портфеле и действует совместно с производителем в рамках его маркетинговых мероприятий.

Подводя итог, необходимо отметить, что современные сетевые отношения принципиально отличаются от предшествующих форм взаимоотношений между участниками бизнес-процесса тем, что они стали более глобальными и обеспечивают связи субъектов экономических отношений в основном посредством электронной информационной среды. При формировании партнерской сети производителям мороженого целесообразно опираться на предложенную классификацию посредников в партнерской сети. Тот факт, что в настоящее время деловые сети в России еще не получили должного развития, обусловлен невысокой эффективностью взаимоотношений и межфирменных сетей вследствие низкого уровня взаимного доверия, а также их слабой взаимозависимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мирошниченко Н.В. Интернет-конференция «Сетевые формы межфирменной кооперации: стратегические вызовы и конкурентные преимущества новых организаций XXI века» // Рос. журн. менеджмента. 2004. Т. 2. № 3. С. 165—168.

² См.: Статистика производства мороженого. URL: <http://morgenoe.ru> (дата обращения: 19.11.2010).

Поступила 23.11.10.

**ОБ УТВЕРЖДЕНИИ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ
МИНИСТЕРСТВУ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ,
ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ ГРАЖДАНСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ**

**Приказ
Министерства образования и науки
Российской Федерации от 10 ноября 2010 г. № 1136**

В соответствии с пунктом 4 Правил оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2009 г. № 312 (Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 15. ст. 1841), типовой методикой оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, утвержденной Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 октября 2009 г. № 406* (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 28 января 2010 г., регистрационный № 16115), а также в целях организации и проведения оценки результативности деятельности научных организаций, подведомственных Министерству образования и науки Российской Федерации, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, **п р и к а з ы в а ю:**

1. Утвердить прилагаемую Методику оценки результативности деятельности научных организаций, подведомственных Министерству образования и науки Российской Федерации, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения.

2. Контроль за исполнением настоящего Приказа возложить на заместителя Министра С. Н. Мазуренко.

Министр А. ФУРСЕНКО

* См.: Бюллетень Минобрнауки России. 2010. № 4. С. 17.

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО
Министерством юстиции
Российской Федерации,
регистрационный № 19241
от 20 декабря 2010 г.

Приложение

УТВЕРЖДЕНА

приказом Минобрнауки России
от 10 ноября 2010 г. № 1136

1. Настоящая Методика определяет порядок проведения в соответствии с Правилами оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения (далее — Правила), утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2009 г. № 312, оценки результативности деятельности научных организаций, подведомственных Министерству образования и науки Российской Федерации, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения (далее — научные организации).

2. Оценка результативности деятельности научных организаций проводится в соответствии с Правилами, типовым положением о комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, типовой методикой оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения (далее — типовая методика), утвержденными Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 октября 2009 г. № 406 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 28 января 2010 г., регистрационный № 16115), а также настоящей Методикой.

3. Целью проведения оценки результативности деятельности научных организаций является формирование эффективной системы научных организаций, увеличение их вклада в социально-экономическое развитие страны и повышение

эффективности принятия управленческих решений в сфере науки.

4. Оценка результативности деятельности научных организаций проводится на основе анализа и сопоставления показателей оценки результативности деятельности научных организаций, перечень которых приведен в приложении к типовой методике, утвержденной Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 октября 2009 г. № 406 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 28 января 2010 г., регистрационный № 16115), по следующим направлениям:

научный потенциал и эффективность научных исследований;
вовлеченность научной организации в национальное и мировое научно-образовательное сообщество;
коммерциализация и прикладное значение результатов исследований;
кадровая обеспеченность научной организации;
ресурсная обеспеченность научной организации;
состояние финансовой деятельности научной организации.

5. Критериями оценки результативности деятельности научных организаций являются:

5.1. По направлению «научный потенциал и эффективность научных исследований»:

- 1) общая характеристика научного потенциала;
- 2) публикационная активность;
- 3) объекты интеллектуальной собственности.

5.2. По направлению «вовлеченность научной организации в национальное и мировое научно-образовательное сообщество»:

- 1) участие в международном научно-техническом сотрудничестве;
- 2) интеграция науки и образования.

5.3. По направлению «коммерциализация и прикладное значение результатов исследований»:

- 1) использование инновационных технологий;
- 2) взаимодействие с реальным сектором экономики;
- 3) инновационная инфраструктура.

5.4. По направлению «кадровая обеспеченность научной организации»:

- 1) обеспеченность исследователями и их структура;
- 2) подготовка научных кадров.

5.5. По направлению «ресурсная обеспеченность научной организации»:

обеспеченность научным оборудованием и необходимыми условиями научной работы.

5.6. По направлению «состояние финансовой деятельности научной организации»:

- 1) доходы организации;
- 2) расходы организации;
- 3) структура внутренних затрат на исследования и разработки.

6. Оценка результативности деятельности научной организации включает следующие этапы:

формирование референтной группы научных организаций (при необходимости);

проведение оценки результативности деятельности научной организации;

подготовка заключения об оценке результативности деятельности научной организации.

7. Референтная группа научных организаций, имеющих сходные цели и (или) осуществляющих деятельность в сходных условиях, формируется на основе сходства одного или нескольких признаков:

цели и стадии научной и (или) научно-технической деятельности (фундаментальные научные исследования, прикладные научные исследования, экспериментальные разработки);

область науки;

источники и механизмы финансирования;

организационно-правовая форма.

8. На основе показателей оценки результативности деятельности научной организации она может быть отнесена к одной из следующих категорий:

- а) 1-я категория — научные организации-лидеры;
- б) 2-я категория — стабильные научные организации, демонстрирующие удовлетворительную результативность;
- в) 3-я категория — научные организации, утратившие научный профиль и перспективы развития*.

* Пункт 11 Правил оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2009 г. № 312.

9. По результатам проведения оценки результативности деятельности научных организаций Комиссия по оценке результативности деятельности научных организаций, подведомственных Министерству образования и науки Российской Федерации, выполняющих научно-исследовательские работы, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, готовит заключения об оценке результативности деятельности научных организаций с предложениями для Министерства образования и науки Российской Федерации по отнесению научной организации к одной из категорий, указанных в пункте 8 настоящей Методики.

Источник информации: Бюллетень Министерства образования Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование. 2011. № 2. С. 59—63.

**А. А. БАЛЯБИНА РОЛЬ МАЛЫХ
ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ПРИ ВУЗАХ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ В ЖКХ**

Ключевые слова: инновации, жилищно-коммунальное хозяйство, энергосбережение, малые инновационные предприятия

Key words: innovations, housing and communal utilities, energy-saving, small innovative enterprises

Переход России к рыночной экономике обусловил необходимость проведения структурных реформ в жилищно-коммунальном хозяйстве (ЖКХ), которое занимает особое место в региональной экономике, так как является градообслуживающей сферой городского хозяйства. Реформирование подразумевает модернизацию ЖКХ для перевода отрасли на рыночные принципы функционирования. Важность указанных преобразований обусловлена низким качеством жилищно-коммунальных услуг, высоким уровнем износа основных фондов предприятий (60—80 %), низкой инновационной активностью отрасли, невысокими темпами внедрения энергосберегающих технологий ввиду низкой инвестиционной привлекательности отрасли, что ведет к снижению эффективности расходования ресурсов в целом и росту себестоимости услуг.

В условиях, характеризующихся значительным износом основных фондов предприятий ЖКХ и одновременным ростом требований различных групп потребителей к качеству коммунальных услуг, важнейшей составляющей потенциала повышения эффективности деятельности этих предприятий в регионах становится система регионального управления процессами энергосбережения и повышения энергоэффективности в ЖКХ. Эта система должна быть нацелена на повышение качества услуг ЖКХ, а в перспективе и степени их доступности для потребителей в регионе на основе снижения доли затрат на энергоресурсы в структуре

БАЛЯБИНА Анна Алексеевна, аспирант кафедры менеджмента и информационных технологий в экономике филиала Московского энергетического института (технического университета) в г. Смоленске.

себестоимости данных услуг. Резервы энергосбережения в ЖКХ по электроэнергии составляют 15—25 %, по теплоэнергии — 25—60 %, по воде — 20—30 %¹. Для реализации такого потенциала энергосбережения и повышения эффективности функционирования предприятий ЖКХ недостаточно реконструкции и модернизации материально-технических баз этих предприятий, необходимо внедрение инновационных энергосберегающих технологий и оборудования.

В настоящее время одним из перспективных направлений повышения эффективности функционирования различных отраслей экономики, в том числе сектора ЖКХ, стало сотрудничество с малыми инновационными предприятиями, которые могут стать частью организационной структуры реализации инновационных проектов по энергосбережению в ЖКХ. Право создавать малые инновационные предприятия для практического применения результатов интеллектуальной деятельности дано научным учреждениям на основании Федерального закона от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности»².

Следует отметить, что идея решения проблем ЖКХ путем обеспечения энергосбережения с привлечением малых инновационных предприятий способствует реализации одновременно нескольких государственных приоритетов на федеральном и региональном уровнях: создание новых рабочих мест, снижение энергоемкости ВРП и повышение энергоэффективности региональной экономики, повышение уровня и качества жизни населения. Соответственно, разработка инновационных проектов в области энергосбережения в секторе ЖКХ может войти в число федеральных целевых программ.

На рисунке представлена предлагаемая организационная структура реализации инновационных проектов по энергосбережению в ЖКХ.

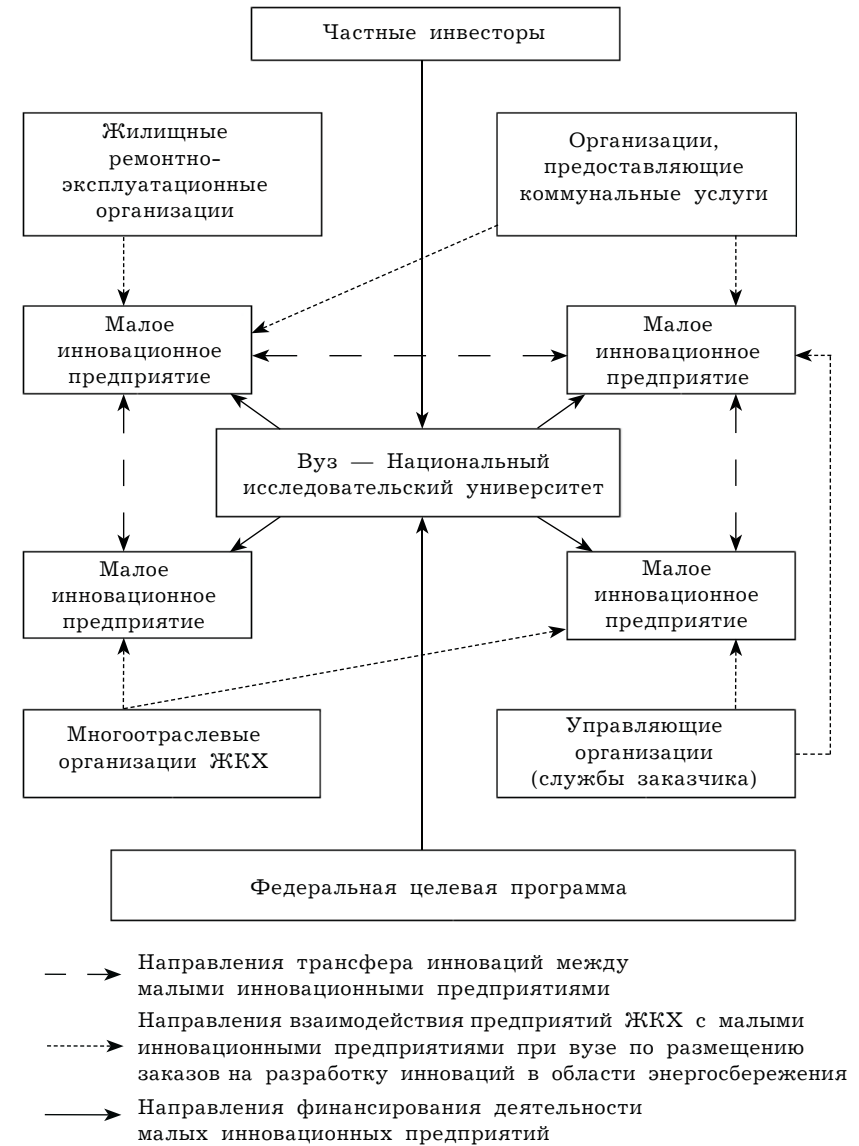

Рисунок. Организационная структура для реализации инновационных проектов по энергосбережению в ЖКХ

Согласно рисунку, организации сектора ЖКХ (жилищные ремонтно-эксплуатационные организации; организации, предоставляющие коммунальные услуги; многоотраслевые организации ЖКХ; управляющие организации) могут взаимодействовать одновременно с несколькими малыми инновационными предприятиями по вопросам разработки новых энергоэффективных технологий и энергосберегающего оборудования. У вуза, имеющего статус национального исследовательского университета, есть возможность стать участником федеральной целевой программы, поэтому малые предприятия, создаваемые при вузе, могут рассчитывать на получение частичного государственного финансирования разработок. Национальный исследовательский университет способен генерировать инновации и обеспечивать их эффективный трансфер в экономику (в основном посредством малых предприятий). Результаты, получаемые малыми инновационными предприятиями, можно будет оценить путем мониторинга их использования в деятельности предприятий ЖКХ. Таким образом, малые инновационные предприятия при вузах будут играть важную роль в процессе создания инноваций и внедрения их в прикладную сферу. Можно отметить также и значение малых предприятий в распространении инноваций, так как ими могут реализовываться комплексные совместные программы энергосбережения в различных сферах ЖКХ³.

Формирование организационной структуры реализации инновационных проектов в ЖКХ позволит повысить инвестиционную привлекательность этого сектора за счет существования гарантий практического использования и окупаемости вложенных инвестиций. При этом разрабатываемые малыми предприятиями инновационные программы энергосбережения должны основываться на соблюдении принципов разработки и внедрения инноваций в области энергосбережения, обеспечивающих повышение качества услуг ЖКХ и их доступность для потребителей; предоставления частным инвесторам, органам государственной власти и потребителям жилищно-коммунальных услуг информации о прогнозируемых экономических и других эффектах от реализации инновационных проектов по энергосбережению; непрерывного финансирования инновационных проектов с последующим увеличением объемов финансирования со стороны

частных инвесторов; выделения в совокупных расходах на инновации в ЖКХ определенной доли затрат на внедрение этих инноваций на предприятиях, что обеспечит решение проблемы практической реализации разработок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Руководство по проведению энергоресурсаудита в жилищно-коммунальном хозяйстве. Государственный комитет Российской Федерации по строительству и жилищно-коммунальному комплексу. Сайт производственного объединения «Аркадия». URL: http://www.arkadiya.su/law/rukovodstvo_po_provedeniyu_ene.html (дата обращения: 25.07.2010).

² См.: Роль малого и среднего бизнеса в модернизации экономики России. Сайт Некоммерческого партнерства «Национальное агентство технологической поддержки предпринимательства». URL: <http://www.intech-tr.ru/news/2010> (дата обращения: 26.07.2010).

³ См.: Дли М.И., Какатунова Т.В. Общая процедура взаимодействия элементов инновационной среды региона // Журн. правовых и экон. иссл. 2009. № 3. С. 60—63.

Поступила 09.08.10.

И. А. ВАСИЛЬЕВ

СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Ключевые слова: качество образования, педагогическая общественность, родительская общественность, воспитание, социализация учащихся, неформализованные ответы, качественно-количественный анализ

Key words: education quality, pedagogical community, parents community, up-bringing, socialisation of students, non-formalised answers, qualitative and quantitative analysis

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года подчеркивается, что стратегическая цель государственной политики в области образования должна быть достигнута за счет «повышения доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина»¹. Реализация этой цели предполагает решение ряда приоритетных задач, в том числе задачу «обеспечения инновационного характера базового образования»².

Результатами широкомасштабного мониторингового социологического исследования, которое было проведено в 2007 г., подтверждается целесообразность и необходимость реализации избранных направлений для решения проблемы развития общего образования. Исследование было направлено на изучение проблем эффективности выполнения основных функций образовательными учреждениями городского и сельского типа в 17 регионах РФ — от Бурятии до Калининградской области. Исследование выполнялось по поручению

ВАСИЛЬЕВ Игорь Аркадьевич, главный научный сотрудник лаборатории мониторинговых исследований в системе образования Научно-исследовательского института столичного образования Московского городского педагогического университета, кандидат философских наук, доцент.

Комитета по образованию и науке Государственной думы Федерального собрания РФ и Общероссийской общественной организации «Всероссийское педагогическое собрание».

Наименование регионов в данном исследовании носило относительно условный характер, в основу положено название областного или краевого центра. Выборка носила случайный квотный характер. В процессе первого этапа исследования получено свыше 75 тыс. анкет. Для последующей компьютерной обработки и анализа информации было отобрано свыше 28 тыс. анкет, из них 14 194 — анкеты представителей педагогической общественности (руководители общеобразовательных школ — 27 % выборочной совокупности этой категории и учителя этих школ — 72 %) и 14 204 — анкеты представителей родительской общественности.

Обращают на себя внимание два немаловажных фактора, которые отражают возрастной состав и материальное положение российских педагогов: довольно высокий процент учителей предпенсионного и пенсионного возраста (40 %) и их неудовлетворительное материальное положение (26 %). Следует обратить внимание на то, что исследование проводилось в докризисный период. Если бы оно было осуществлено в 2009 г., то доля неудовлетворенных своим материальным положением педагогов была бы выше.

Социологическими мониторинговыми показателями, характеризующими качество образования и позволяющими получить дифференцированно-интегрированные оценки этого направления деятельности образовательного учреждения (ОУ), могут быть удовлетворенность родителей (потребителей образовательных услуг) работой общеобразовательной школы, оценка успеваемости учащихся, оценки и самооценки профессионализма кадрового состава школы, внедрение прогрессивных инновационных методов обучения и использование новых информационных технологий в учебной деятельности, уровень подготовки выпускников для поступления в вуз.

Многие респонденты-родители в той или иной мере удовлетворены работой школ, которые посещают их дети. Однако 13 % имеют определенные претензии к качеству учебно-воспитательного процесса. Наибольшее число родителей, полностью удовлетворенных работой школы, выявлено в таких регионах, как Калужский (72 %), Новосибирский (63 %), Санкт-Петербургский (57 %), Ивановский (55 %), Мо-

сковский (53 %). Респонденты Хабаровского (28 %), Омского, Калининградского (по 26 %) и Тюменского (21 %) регионов удовлетворены работой школы значительно меньше.

Во многом уровень удовлетворенности учащихся и родителей состоянием учебно-воспитательного процесса, его качеством и в целом работой школы определяется профессионализмом педагогического состава общеобразовательного учреждения: 46 % родителей школьников характеризуют профессионализм учителей как высокий, 48 % — как средний, 2 % — как низкий. Отметим, что 50 % опрошенных учителей считают высоким профессионализм педагогических кадров своих школ, 41 % — средним, 1 % — низким, 8 % затруднились охарактеризовать его уровень. Это подчеркивает достоверность и объективность полученных данных.

Наибольшее число родителей, высоко оценивших профессионализм учительского состава, выявлено в школах Удмуртии (89 %), Калужского (70 %), Новосибирского и Санкт-Петербургского (по 63 %), Московского (60 %) регионов. Значительно ниже по этому показателю были оценены педагоги Хабаровского региона (22 %) и Татарстана (20 %).

Одним из важных показателей качества образования является внедрение инновационных методов обучения и информационных технологий в образовательный процесс. Наибольшее число учителей, высоко оценивших работу своего ОУ по первому показателю, наблюдается в школах Хабаровского (43 %), Московского (42 %), Удмуртского (35 %), Кировского (32 %), Санкт-Петербургского и Омского (по 29 %) регионов. Больше всего низких оценок по показателю «внедрение инновационных методов в образовательный процесс» дали учителя школ Ярославского (23 %), Калининградского (18 %) и Тамбовского (16 %) регионов.

Если говорить об использовании информационных технологий в учебно-воспитательном процессе, то высоко оценили этот показатель 23 % принявших участие в исследовании учителей, среднюю оценку этой работе дали 54 %, а низкую — 20 %.

Больше всего респондентов этой категории, высоко оценивших эффективность такой работы, наблюдается в школах Удмуртии (45 %), Московского и Калужского (по 33 %), Санкт-Петербургского (31 %) и Тюменского (28 %) регионов. В то же время негативно оценили эффективность работы по

использованию информационных технологий в учебно-воспитательном процессе учителя в Кировском (43 %), Омском (28 %), Ярославском (26 %) регионах и Бурятии (26 %).

Качество образования и обучения определяют также по степени готовности выпускников школ к поступлению в вуз. Наиболее высокие значения по этому показателю выявлены (с учетом мнения учителей и руководителей) в школах Удмуртии (55 %), Санкт-Петербургского (50 %), Кировского (38 %) и Омского (32 %) регионов. Наибольшее количество низких оценок подготовки выпускников к поступлению в вуз дали учителя школ Калининградского (24 %), Ярославского и Хабаровского (по 20 %) регионов и Бурятии (23 %). Относительно невысокие оценки эффективности работы педагогических коллективов по подготовке к поступлению выпускников школ в вузы подтверждаются тем, что родители акцентируют внимание на этой проблеме, считая ее первостепенной. По мнению 43 % опрошенных родителей, эта проблема является актуальной.

Во всех регионах к основным проблемам, снижающим эффективность учебно-воспитательного процесса и препятствующим повышению качества образования, учителя относят, во-первых, состояние материально-технической базы школы и недостаточное участие родителей в воспитании детей, во-вторых, проблему состояния здоровья школьников. Далее по убывающей следует блок проблем, касающихся российского учительства: состояние здоровья учителей, чрезмерная загруженность учителя, условия его труда, проблема алкоголизма и наркомании среди подростков, недостаточная индивидуализация обучения.

Анализ рассмотренных показателей эффективности работы общеобразовательных учреждений по обеспечению учащихся различных регионов России качественным образованием показал, что по большинству из них достигается достаточно высокий уровень. Это выражается, прежде всего, в удовлетворенности родителей выполнением школами своих основных функций. Расхождения в оценках обеих категорий респондентов из различных регионов РФ по ряду рассмотренных нами показателей качества учебно-воспитательного процесса свидетельствуют о том, что дифференционные явления в российских школах имеют место не только на индивидуальном, но и социальном уровне. Иными словами,

«неравенство в доступе к образованию (имеется в виду качественное образование высокого уровня) остается важной проблемой общества», а за период демократизации «социальная дифференциация не только сохранилась (что было характерно для советского общества), но и возросла»³.

Согласно результатам анализа мнений руководителей, учителей школ и родителей учащихся по качеству обучения, лучше выглядят школы Санкт-Петербургского, Московского, Новосибирского, Удмуртского, Калужского, Ивановского, Красноярского и Омского регионов. В невыгодном положении, по некоторым показателям, если сравнивать с выше-названными, находятся общеобразовательные учреждения Татарстана, Калининградского, Хабаровского и некоторых других регионов.

Показатели удовлетворенности родителей работой общеобразовательной школы, оценки и самооценки профессионализма учительского состава, осуществление лично ориентированного учебно-воспитательного процесса, внедрение прогрессивных инновационных методов обучения и использование новых информационных технологий в учебной деятельности, а также уровень подготовки выпускников для поступления в вузы позволяют достаточно дифференцированно и объективно оценить деятельность ОУ по критерию качества образовательного процесса.

Бесспорно, детерминирующее влияние на состояние и эффективность учебно-воспитательного процесса в конкретных регионах оказывают социально-экономические, демографические, национальные и другие особенности регионов, а также специфика материально-технического и кадрового обеспечения образовательных учреждений. Однако в нашем исследовании эти факторы не рассматривались.

Проблемы образования, которые, с точки зрения руководителей и учителей ОУ, необходимо решить в первую очередь в школах, учебных округах и системе образования в целом, нашли свое отражение в свыше 16 тыс. неформализованных ответах. Кроме того, в более 10,5 тыс. неформализованных ответах родителей учащихся также содержались предложения и пожелания респондентов, направленные на повышение эффективности работы ОУ в тех регионах, в которых они проживают и учатся их дети. Качественно-количественный анализ неформализованных ответов

респондентов обеих категорий позволил сгруппировать их в тематические блоки: 1) укрепление материально-технической базы образовательных учреждений (вопросы финансирования, компьютеризации, строительства, ремонта школьных зданий и помещений, оборудования учебных кабинетов и т. п.); 2) совершенствование содержания, организации образовательного процесса и управления им (проблемы повышения качества образования, его методического обеспечения; наличия учебной литературы, наполняемости классов; здоровья, питания учащихся; сохранения сельских малокомплектных школ; снижения учебных нагрузок, развития профильного обучения и др.); 3) социально-экономические проблемы российского учительства (вопросы повышения материального благосостояния педагогических работников, улучшения их жилищных и социально-бытовых условий, повышения статуса и престижа профессии учителя, расширения системы социальных льгот и др.); 4) улучшение условий труда педагогов российских школ (здесь говорилось о чрезмерной загруженности, в том числе избыточной бумажной работой, а также о взаимоотношениях с администрацией и внутри педагогического коллектива, здоровье учителей и др.); 5) решение вопросов кадрового обеспечения общеобразовательных учреждений (проблемы обеспечения школ учителями-предметниками, притока молодых специалистов, возможности профессионально-квалификационного роста, «старения» педагогических кадров, подготовки молодых педагогов и т. п.).

Руководители и учителя российских школ всех рассматриваемых регионов в целом считают, что в школах и учебных округах необходимо решить как проблемы укрепления материально-технической базы российских школ, так и вопросы совершенствования содержания, организации образовательного процесса и управления им.

Что касается конкретных регионов, то наиболее остро вопросы укрепления материально-технической базы общеобразовательных учреждений стоят, если учитывать мнения респондентов, перед школами Татарстана, Тамбовского (по 51 %), Санкт-Петербургского (50 %), Омского (65 %), Оренбургского (45 %), Калининградского (37 %), Ивановского (47 %) регионов и Бурятии (45 %). В регионах Новосибирска, Тюмени, Хабаровска, Ярославля, Красноярска и Москвы руководители и учителя школ выдвинули на первое место

вопросы совершенствования содержания, организации образовательного процесса и управления им.

В данном случае респонденты акцентировали внимание на необходимости более широкого внедрения индивидуального подхода в процессе обучения; добровольности, а нередко и на отмене сдачи ЕГЭ; расширении сети детских общественных организаций, кружков, секций; уменьшении наполняемости классов. Респонденты считают, что управления образованием должны больше внимания уделять учебному процессу. Руководители и учителя школ считают, что в первую очередь в школе и округе необходимо решить социально-экономические проблемы педагогических работников. По их мнению, следует более дифференцированно оценивать труд педагогов (г. Киров), повысить социальную защищенность работников общеобразовательных учреждений, направить влияние СМИ на повышение престижа, статуса профессии учителя.

В целом в системе образования, по мнению учителей, в первую очередь необходимо решить проблемы совершенствования содержания, организации образовательного процесса и управления им (39 %), а также социально-экономические проблемы российского учительства (32 %). Есть пожелания касательно повышения заработной платы, улучшения жилищных условий, развития системы социальной защиты учителей, повышения статуса и престижа профессии учителя в обществе.

Точки зрения учителей в различных регионах по этим проблемам разделились. Предложения руководителей и учителей общеобразовательных школ Хабаровского края (75 %), Санкт-Петербурга (51 %), Тюменской (50 %), Новосибирской областей (49 %), Бурятии (45 %), Тамбовской области (40 %), Татарстана (38 %), Кировской (37 %), Калининградской областей (34 %) направлены на совершенствование содержания, организации образовательного процесса и управления им. Здесь опрошенные акцентируют внимание на следующих важных, по их мнению, вопросах: «нет системы образования — сплошные эксперименты, не следует ими увлекаться»; следует «сократить количество управленцев от образования, упорядочить документооборот», «разграничить функции между управленцем и методическим сопровождением» (г. Санкт-Петербург); «разгрузить учителя от отчетов и бумаг, дать возможность администрации больше работать

на школу», «провести ревизию школьных программ по объему», утвердить «стабильные учебники по всем предметам», «укреплять связь „школа — вуз”», «расширить сеть ПТУ» (Татарстан); разработать «закон об ответственности родителей за воспитание детей», избавиться от «устаревших методов и методик обучения» (Бурятия).

Определенная группа респондентов считает, что проводится «непродуманная реструктуризация сельских школ, следует прекратить их уничтожение», должна быть «четкая система образования» (г. Калининград); «нужна стабильность, школы не могут быть вечной экспериментальной площадкой», «больше внимания нужно уделять предметам эстетического курса», «бумажная волокита — детей нет! Есть бумаги, бумаги...», «убрать ЕГЭ, пока дети не разучились мыслить» (г. Тюмень); «расширить самостоятельность школы в решении финансовых вопросов», «утвердить стандарты общего образования и по ним контролировать работу школ» (Красноярский край). Другие говорят о том, что необходимы «более широкое участие педагогического коллектива в принятии решений» и «большая согласованность действий различных ведомств системы образования» (г. Киров); указывают на «отсутствие перспективного планирования в управлении образованием и согласованности в деятельности различных структур по вопросам реализации воспитательной работы, значительное увеличение бумагооборота», «чрезмерную зареформированность школы»; считают, что уничтожение сельской малокомплектной школы приведет к уничтожению села, а также полагают, что следует «проводить ЕГЭ по выбору ученика» (г. Новосибирск).

На необходимость решения социально-экономических проблем российского учительства направлены предложения представителей педагогической общественности Ярославской (44 %), Ивановской (43 %), Калужской (41 %), Омской (36 %), Оренбургской областей (33 %). В них высказывается мнение о том, что «нужен переход на новую систему оплаты труда с акцентом на воспитательную функцию» (г. Ярославль); следует «убрать разряды и категории» и «продумать систему оплаты труда учителя», например, за стаж (г. Иваново); обратить внимание на расширение «социальных льгот» и «досуга для учителей» (г. Калуга); необходимо снять «негативное отношение, формируемое СМИ, к

школе и учительскому труду через позитивные публикации» (г. Омск); следует «обеспечить правовую защиту учителя» (г. Оренбург).

Предложения и пожелания родителей учащихся по повышению эффективности работы общеобразовательных учреждений в абсолютном большинстве обследованных регионов (86 %) сконцентрированы на вопросах совершенствования содержания, организации образовательного процесса и управления им (от 54 % в Тюмени до 35 % в Бурятии). Только в двух регионах (г. Тамбов — 51 % и Новосибирск — 39 %) родители в своих пожеланиях и предложениях акцентировали внимание на проблемах укрепления материально-технической базы образовательных учреждений.

В своих высказываниях по проблемам совершенствования содержания, организации образовательного процесса и управления им родители предлагали обратить внимание на «качество учебников, которое является очень заумным», шире практиковать факультативные занятия, укреплять «сотрудничество администрации школ и родителей» и выступали за сохранение сельских малокомплектных школ (г. Тюмень); хотели бы «снизить учебную нагрузку у учащихся», «внедрить новые образовательные технологии не на бумаге, а на деле» (г. Оренбург). Родители ставят вопрос о расширении сети кружков и спортивных секций, «повышении требований к учащимся в плане успеваемости и дисциплины», обеспечении школьников бесплатным горячим питанием (г. Красноярск); «уменьшении числа учеников в классе», переходе на пятидневную учебную неделю, «отмене классов-комплектов», «повышении уровня физподготовки» (г. Иваново); «укреплении связи с вузами»; «усилении контроля за состоянием здоровья школьников», привлечении родителей к более активному участию в учебно-воспитательной работе, снижении нагрузки учителей в плане бумажной работы и предоставлении им возможности больше работать с детьми (г. Омск). По мнению родителей, следует усилить подготовку школьников к поступлению в вуз, «не отменять уроки в связи с уборкой урожая», «взять лучшее из прежней учебной программы, которая была эффективнее» (Бурятия). Предложения и пожелания родителей учащихся школ Тамбова и Новосибирска были в первую очередь направлены на укрепление материально-технической базы

школ (оснащение учебных классов аудио- и видеотехникой, строительство спортивных залов и т. п.).

Рассмотрев в ходе исследования проблемы и направления модернизации и развития общего среднего образования в регионах РФ, следует подчеркнуть, что образование и воспитание подрастающего поколения должны стать главными задачами жизнедеятельности не только отдельно взятого человека, но и всего «общественного и экономического управления с целью развития общественной системы»⁴. В связи с этим необходимо комплексно, целенаправленно и систематически анализировать актуальные проблемы функционирования и развития среднего образования, информировать широкую общественность о его состоянии и выработать научно и практически обоснованные решения по его модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

² Там же.

³ Константиновский Д.Л. Образование и социальная дифференциация // Социология образования. 2009. № 7. С. 14.

⁴ Периклис П. Образование в постфордистской перспективе // Там же. 2010. № 3. С. 41.

Поступила 15.09.10.

А. К. МОИСЕЕВ

**МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В РЕГИОНЕ:
СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ И ПУТИ
РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ**

Ключевые слова: конфессии, религии, религиозная ситуация, межконфессиональный диалог, традиция, миссионерская деятельность, нетрадиционные религиозные организации

Key words: confessions, religions, religious situation, inter-confessional dialogue, tradition, missionary activity, non-traditional religious organisations

Понятие «традиция» у большинства людей ассоциируется с постоянством, стабильностью. Традиционность религиозного направления означает в глазах общества подтверждение его легитимности. Отсутствие традиции, особенно в религиозной сфере, часто воспринимается как один из признаков нетрадиционных религиозных движений, большинство из которых пытается выдать себя за традиционное христианство или за ответвление другой традиционной религии.

Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Мордовия на территории республики зарегистрировано несколько нетрадиционных религиозных организаций: Саранская поместная церковь евангельских христиан-баптистов «Новая жизнь», церковь евангельских христиан-баптистов «Возрождение», «Свидетели Иеговы», поместная церковь христиан Адвентистов седьмого дня г. Саранска, евангелическо-лютеранский христианский приход «Вельмема», «Общество сознания Кришны», Саранский христианский центр Церкви христиан веры евангельской, Мордовский христианский центр «Добрая весть и милосердие» христиан веры евангельской, Саранская поместная церковь евангельских христиан «Благодать» Российского

МОИСЕЕВ Александр Константинович, аспирант отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск).

союза евангельских христиан-баптистов, библейский центр Республики Мордовия христиан веры евангельской, евангелическо-лютеранский приход мокша-эрзянской церкви, Ковылкинский евангелическо-лютеранский приход мокша-эрзянской церкви, Саранская поместная церковь евангельских христиан-баптистов Российского союза евангельских христиан-баптистов¹.

В Мордовии также действуют религиозные организации, зарегистрированные в других регионах: общественно-религиозная организация «Звенящие кедры России»; МОО «ПЛЛАСТ и НМ», созданная по доверенности «Академии развития С. Пеуновой (г. Самара)»; общественная организация «Радастея»; сатанисты; «обливанцы» (последователи Порфирия Иванова) и др.²

Особую тревогу вызывает деятельность организации «Свидетели Иеговы», официально зарегистрированной в 1999 г.³ Она занимается активной миссионерской работой с гражданами, используя при этом их неудачно складывающиеся жизненные обстоятельства: неустроенность судеб, непонимание и безразличие окружающих, неуверенность в завтрашнем дне и т. п. Применяемый ее адептами непосредственный эмоциональный контакт с населением имеет решающее значение при агитации в свои ряды одиноких людей, находящихся в состоянии депрессии. Всеобщее одобрение, которое они получают в общине, безусловно, кажется им крайне привлекательным («верь наставнику», «влейся в семью», «мы знаем ответ, истинный путь»). Однако за внешней привлекательностью и доброжелательностью «Свидетелей Иеговы» мыслящий человек может увидеть противоречия и агрессивные настроения, питающие это учение: пропаганда отказа от некоторых видов медицинской помощи, от прохождения службы в Российской армии, вовлечение в свои ряды несовершеннолетних, разрушение семейных и родственных отношений и иной вред, выражающийся в возрастании угроз и проявлений экстремистского толка. В своей деятельности иеговисты стремятся монополизировать право на истинность вероучения, считая другие религии заблуждением, поэтому вполне объяснима неприязнь к ним других религиозных организаций. Иногда действия иеговистов вступают в противоречие с Конституцией Российской Федерации, например, призывы к отказу от службы в армии. Выражая открытое

презрение к государственным институтам, иеговисты пренебрегают исторически сложившимися традициями общества. Их деятельность часто приводит к разобщению людей на религиозно-духовной почве. Она основана на тоталитарном подавлении личного мнения членов общины.

В ходе проведенных мероприятий по контролю и надзору за соблюдением религиозными организациями действующего законодательства фактов наличия экстремистских проявлений в деятельности иеговистов на территории республики выявлено не было⁴. Однако распространение экстремистской литературы в регионе все же имеет место. Распространяемые материалы объединения «Свидетели Иеговы» содержат высказывания, пропагандирующие необходимость уничтожения социальной и политической структуры общества, в том числе органов государственной власти и управления страны. Пропагандируется идея уничтожения признанных и авторитетных международных организаций, например, ООН, членом которой является Российская Федерация. Обосновывается это тем, что «вся власть от сатаны»⁵. Так, в сентябре 2008 г. на территории Мордовии «Свидетели Иеговы» распространяли буклет «Вся власть от сатаны», в котором акцентировалось внимание на сравнении государственных органов и сатанинских проявлений. Кроме того, книга «Чему на самом деле учит Библия?», признанная экстремистской, распространялась осенью 2010 г. среди жителей республики. Идеи о необходимости разрушения российского государства (наряду с другими) и всех социальных институтов общества можно рассматривать как экстремистскую, асоциальную и подрывную деятельность, угрожающую российскому обществу, нормальной деятельности органов государственной власти, системе обеспечения и защиты социальных прав и гарантий граждан РФ.

Однако существование подобной организации — далеко не единственная проблема региона. Анализ деятельности республиканских нетрадиционных религиозных организаций показывает, что они носят во многом деструктивный характер. В основном в республике функционируют неохристианские организации, стремящиеся к противостоянию традиционному православию, или религиозно-психологические структуры, пропагандирующие культ своего основателя.

Функционирующие нетрадиционные религиозные организации оказывают деструктивное влияние на отдельных

граждан и региональный социум в целом. Деструкции выражаются в нарушении прав на свободу и независимость человеческой личности; причинении вреда основам конституционного строя, государственности, культуре, морали общества; направленности на поддержание религиозной ненависти и вражды к иноверцам; разрушении физического и психического здоровья людей, а также сложившихся семейных и родственных отношений.

Выход из сложившейся ситуации, на наш взгляд, возможен в рамках межконфессионального диалога традиционных для Мордовии конфессий (православия и ислама), противостоящих деструктивным организациям. В создавшейся обстановке диалог приобретает политическую значимость, так как только власть может играть роль организатора и третьей стороны межконфессионального диалога.

Абсолютное большинство верующих республики придерживается православного вероисповедания и относится к самой многочисленной религиозной организации России — Русской православной церкви. За постсоветский период общее число верующих в республике существенно увеличилось. К верующим отнесли себя 80,0 % опрошенных русских, 72,0 % мордвы, 84,6 % татар. На приверженность к православию указали 93,0 % респондентов, в том числе 98,0 % русских, 97,8 % мордвы и 9,1 % татар. Мусульманами себя назвали 5,6 % опрошенных, в том числе 0,8 % русских, 0,7 % мордвы и 90,9 % татар. К последователям других конфессий отнесли себя 1,4 % респондентов, в том числе 1,2 % русских и 1,5 % мордвы. Предложенный в анкете вариант «языческие верования» не выбрал никто⁶. Респонденты высказали солидарное мнение в плане того, что не сталкивались с фактами ущемления их личных прав из-за вероисповедания (92,9 %, из них русских — 93,4 %, мордвы — 94,5 %, татар — 78,0 %, лиц иных национальностей — 100,0 %)⁷.

Русская православная церковь в Мордовии в рамках межконфессиональной политики играет системообразующую роль для народов, населяющих республику. При этом ее взаимоотношения с властью на территории региона складывались, как правило, в соответствии с общероссийскими тенденциями. Представители государственной власти учитывают многоконфессиональность населения республики и превазирование православия среди населения, признают

ведущую роль Русской православной церкви в духовном, социальном, патриотическом развитии общества. Н. И. Меркушкин как глава региона подчеркивает, что одной из основных задач для органов государственной власти республики должна быть деятельность, направленная на сохранение сложившихся традиций межнационального согласия, мира и дружбы между людьми разных вероисповеданий⁸.

Плодотворный диалог органов государственной власти РМ с представителями религиозных движений благоприятно отражается на поддержании социального согласия и стабильности межконфессиональной ситуации в республике. «Во-первых, мы строго придерживаемся принципа светского государства и невмешательства во внутрицерковные дела. Но, с другой стороны, мы рассматриваем церковь как важнейший социальный институт, духовно-нравственную опору общества. Сотрудничество государства и церкви — важнейший фактор обеспечения согласия... Поэтому мы будем делать все от нас зависящее для укрепления авторитета церкви, возвращения ее имущества, возрождения деятельности храмов и монастырей»⁹.

В связи с этим особую значимость приобретает проблема воспитания подрастающего поколения вместе с тесно связанными с ней вопросами минимизации деструктивных последствий нетрадиционализма.

В рамках научно-практического совета по изучению вопросов по предупреждению этноконфессиональных конфликтов и экстремистских проявлений, нравственному и патриотическому воспитанию подрастающего поколения при Средне-Волжском филиале Российской правовой академии Министерства юстиции России (г. Саранск) нами было проведено социологическое исследование, цель которого — получение объективной информации о религиозных организациях Мордовии на современном этапе развития общества и их взаимодействии. Объем выборочной совокупности составил 500 чел. — 193 чел. мужчин (38,6 %) и 307 чел. женщин (61,4 %). Состоят в браке 32,8 %, не состоят в браке 39,4 %, разведены 7,4 %, овдовели 4,4 %, состоят в гражданском браке 2,8 %. Имеют неполное среднее образование 2,6 % опрошенных, среднее — 26 %, среднее специальное — 27,2 %, незаконченное высшее — 15,6 %, высшее — 15,6 %.

К межнациональным и межконфессиональным бракам положительно относятся 45,8 % опрошенных, отрицатель-

но — 22 %. Затруднились ответить 32,2 %. Это подтверждает то, что межнациональные и межконфессиональные браки в регионе большинством принимаются положительно, и свидетельствует о высоком уровне веротерпимости. Православие исповедуют 87,8 % опрошенных, ислам — 7 %, иное — 5,2 %. Исследование показывает рост числа мусульман: если в 1980-е гг. их было чуть более 4 %, то сейчас их число значительно увеличилось. Приняли религиозное учение в течение 1—3 лет 7,8 % опрошенных, 4—10 лет — 7,6 %, 10 лет и более — 78,6 %. На основании этого можно утверждать, что религиозная традиция остается основополагающей в принятии вероучения и свидетельствует о высоком духовном потенциале жителей Мордовии. Соблюдают все обряды и нормы, установленные религией, 10,2 %, не всегда — 51,8 %, редко — 24,8 %, никогда — 13,2 %. Это говорит о низком уровне числа конфессионально верующих, т. е. о глубине принятия религиозной традиции.

С негативным отношением к своим религиозным чувствам постоянно сталкивались 3,2 % опрошенных, редко — 20,2 %, крайне редко — 26,6 %, никогда — 50 %. Это подтверждает то, что некоторые проблемы в межрелигиозном взаимодействии все-таки есть, так как в республике существуют национальные и конфессиональные меньшинства, которые в основном и испытывают негативное отношение к своим религиозным чувствам. Однако общей и относительно благоприятной картины это не портит.

По вопросу о влиянии религиозных верований на отношения в семье положительно ответили 61 %, отрицательно — 26 %. Затруднились ответить 13 %. Подобные данные обусловлены исторически религиозной традицией, которая до настоящего времени оказывает влияние на семью.

Религиозная ситуация в Мордовии, по результатам опроса, существенно зависит от представителей власти (32 %), что свидетельствует о тесном сотрудничестве органов государственной власти и представителей религиозных организаций; 28 % опрошенных указывают на незначительную зависимость, и только 17 % эту зависимость отрицают.

Оценивая изменение взаимоотношений между представителями различных религий на современном этапе, 49,8 % считают, что они изменились в лучшую сторону; 39,4 % утверждают неизменность этих взаимоотношений; 9,6 % свидетельствуют об изменении в худшую сторону. В су-

ществовании на территории РМ религиозных организаций, помимо Русской православной церкви и мусульманских организаций, видят проблему 46,6 % опрошенных, а 53,4 % такой проблемы не видят. К представителям других религий относятся плохо 4,8 %, терпимо — 42 %, безразлично — 52,2 %. Таким образом, доминирует безразличное и терпимое отношение, что является следствием отсутствия явных конфликтных ситуаций в республике. Контроль за деятельностью нетрадиционных религиозных организаций в республике, осуществляемый правоохранительными органами, по мнению 69 % опрошенных, необходимо усилить; 2,6 % считают, что его необходимо ослабить; 23,8 % не видят в этом необходимости.

В процессе анкетирования выявлены некоторые противоречия. С одной стороны, есть данные о высоком уровне веротерпимости и достижении межконфессионального диалога, с другой — значительная часть респондентов считает, что контроль за религиозными организациями необходимо усилить. Вероятно, это связано с опасениями населения республики касательно перспективы возникновения и распространения сект тоталитарной направленности (по примеру соседних регионов) и с возможными угрозами безопасности для жизни и здоровья людей, исходящими с их стороны. О достижении межконфессионального диалога на территории республики свидетельствуют 50,4 % опрошенных; о не достижении, но о возможности такового — 40 %; о невозможности — 9,6 %. В республике совершенствуются межконфессиональные отношения, поэтому более 50 % признают наличие межконфессионального диалога, что в определенной мере предполагает возможность дальнейшего эффективного развития межконфессиональных отношений в регионе.

Таким образом, Республика Мордовия является поликонфессиональным регионом, где исторически доминирует православие. При этом отсутствие конституционных привилегий создает нейтральную среду для межконфессионального диалога, однако это же и провоцирует возникновение и развитие нетрадиционных религиозных организаций.

Перспективы преодоления религиозных проблем региона и его дальнейшее развитие заключаются в межконфессиональном диалоге на территории республики, который составляет основу религиозной политики РМ. Государство

становится арбитром в налаживании дружеских межконфессиональных отношений. При этом деятельность органов государственной власти республики, направленная на сохранение сложившихся традиций межнационального согласия, мира и дружбы между людьми разных вероисповеданий, становится приоритетным направлением, которое способствует развитию региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Номенклатурное дело Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Мордовия № 0206 (отчеты, справки, обзоры о состоянии работы отдела по делам некоммерческих организаций). С. 15.

² См.: Материалы коллегии по вопросам безопасности при главном федеральном инспекторе по Республике Мордовия аппарата полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе: внутренний документ аппарата ГФИ по РМ. С. 12.

³ См.: Распоряжение министра юстиции Республики Мордовия о регистрации № 186 от 9 ноября 1999 г. Учетное дело Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Мордовия № 284. С. 35.

⁴ См.: Материалы коллегии по вопросам безопасности при главном федеральном инспекторе по Республике Мордовия ... С. 21.

⁵ См.: Свидетели Иеговы в России. URL: <http://jw-russia.org> (дата обращения: 15.10.2009).

⁶ См.: Богатова О.А. Динамика этносоциальной структуры населения // Социально-экономическое развитие Республики Мордовия в 2005 г.: аналитический обзор / под ред. А.И. Сухарева, В.В. Козина, С.В. Полутина / ФГНУ «НИИ регионологии». Саранск, 2006. С. 95—106.

⁷ См.: Отчет о деятельности Саранской и Мордовской епархии за 2009 г. // Архив Саранской и Мордовской епархии.

⁸ См.: Послание Главы Республики Мордовия Государственному собранию РМ от 25 ноября 2008 г. // Республика Мордовия. Официальный сервер органов государственной власти. Глава Республики Мордовия. URL: <http://www.e-mordovia.ru/main/glava/pos2008/php> (дата обращения: 15.11.2010).

⁹ Костаманин К. Николай Меркушкин: известный и неизвестный (портрет на фоне). Саранск, 2002. С. 219.

Поступила 21.12.10.

Т. В. АВДОНЬКИНА **МОТИВЫ СОЗДАНИЯ СЕМЬИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Ключевые слова: семья, брак, готовность к браку, мотивы создания семьи, ценности, партнерство в отношениях

Key words: family, marriage, readiness for marriage, motives for marriage, valuables, partnership in the relations

Молодая семья представляет особую социальную ценность для обновления и развития общества, так как содержит в себе огромный созидательный потенциал. Однако созидательность и творчество семьи базируются на постоянстве и устойчивости связей между супругами. Поэтому вопросы укрепления и сохранения молодой семьи привлекают пристальное внимание различных специалистов, стимулируют поиск наиболее эффективных междисциплинарных подходов к их решению.

На целостность и устойчивость семьи влияют внешние (родительская семья, родственники, друзья, социальное окружение и происходящие в обществе социально-экономические процессы, идеология, культура) и внутренние (психологическая и социальная зрелость личности, особенности супружеского общения и совместной деятельности) факторы. Внутренние факторы на момент создания семьи являются следствием влияния на них внешних. Мужчина и женщина приходят в новую семью с уже сложившимся мировоззрением, отражающим опыт родительской семьи, традиции и установки того социального круга, в котором он и она развивались, где у них закладывались нормы морали и правила поведения. В новой семье начинает формироваться иное мировоззрение, уникальное и неповторимое именно для отдельно взятой семейной пары. В этом состоит суть творчества семьи, заключаются основы развития общества. Чем выше по соответствию мировосприятие будущих супругов, тем легче и быстрее пройдет у них процесс адаптации к друг к другу. Чем больше различий на уровне мировоззре-

АВДОНЬКИНА Татьяна Викторовна, соискатель кафедры социальной работы Мордовского государственного университета.

ния и ценностей, тем сложнее будет выстроить целостность и единство между супругами.

При исследовании причин разводов А. Г. Харчев и М. С. Мацковский отмечают вероятность разрушения семьи при изменении баланса сил, поддерживающих и разрушающих брак. К первым они относят морально-психологическую и отчасти экономическую заинтересованность супругов друг в друге (силы сплочения), социальные нормы, ценности, санкции; ко вторым — проявление взаимного недовольства и неприязни супругов, чувства антипатии, раздражения, ненависти, а также внешние факторы, стимулирующие развитие и обострение внутрисемейных конфликтов (неприятности на работе, противоречия с родственниками и соседями и др.)¹. У. Гуд выделяет повышенную склонность к разводу в случаях раннего брака (15—19 лет), кратковременность знакомства, неудачный брак родителей каждого из супругов, различное вероисповедание, неодобрение брака родственниками или друзьями, существенные различия в происхождении, разное понимание мужем и женой их ролевых обязанностей².

С декабря 2009 г. по июнь 2010 г. нами проведено социологическое исследование. Были опрошены молодые люди, впервые вступающие в официальный брак и подавшие заявление во Дворец бракосочетания Республики Мордовия. Целями исследования были изучение готовности молодых людей к браку, выявление факторов риска и устойчивости взаимоотношений в будущей семье. Выборочная совокупность составила 300 чел., у которых нет детей, официально зарегистрированного опыта брачно-семейных отношений. Возраст опрошенных — от 19 до 30 лет. Будущие молодожены проживали в городской (84 %) и сельской (16 %) местности. Высшее образование имели 46 % мужчин и 55 % женщин. Студентами на момент заключения брака были 13 % мужчин и 30 % женщин. Русские составляли 67 % мужчин и 71 % женщин, мордва — 26 и 19 %, татары — 7 и 10 % соответственно.

Выбор брачного партнера, мотивы заключения брака и система ценностей позволяют определить, какие именно внешние и внутренние факторы будут влиять на устойчивость и созидательность будущей молодой семьи. При определении системы ценностей, характерной для респон-

дентов, мы выявили некоторые приоритеты. На первом месте наиболее значимой ценностью для обоих полов оказалась *ценность здоровья*.

У мужчин иерархия приоритетов выглядит следующим образом: внешняя привлекательность, взаимная любовь, рождение детей, счастливая семейная жизнь, вступление в законный брак, материальное благосостояние, родительская семья, родственники, сексуальное удовлетворение, карьерный рост, дружба, товарищество, образование.

У женщин система ценностей выстроилась таким образом: взаимная любовь, счастливая семейная жизнь, рождение детей, внешняя привлекательность, вступление в законный брак, материальное благосостояние, родительская семья, родственники, образование, сексуальное удовлетворение, карьерный рост, дружба, товарищество, личностное развитие. Наименее важными для обоих молодоженов являются внимание противоположного пола, веселый досуг, личная независимость и свобода, будущее нашей страны и планеты и свободная любовь без обязательств.

Семья занимает важное место в системе ценностей молодоженов, однако не является при этом доминирующей, а вступление в законный брак расположено в иерархии ценностей ниже, чем рождение детей и семья. Кроме того, следует отметить, что не менее важные для семьи ценности дружбы, товарищества значат для молодоженов меньше, чем сексуальное удовлетворение, а будущее страны и планеты волнует молодых людей меньше всего.

По данным социологического исследования, проведенного в рамках целевой федеральной программы «Молодежь России в 2001—2005 гг.» Департаментом по молодежной политике Министерства образования РФ, в котором участвовали 2 895 чел. — члены молодых семей из разных субъектов РФ, большинство опрошенных из Мордовии высказались за семью на основе свободных отношений. Больше, чем в других регионах, молодые супруги республики отдали предпочтение форме брака на основе брачного соглашения, но 53 % опрошенных выбрали зарегистрированный брак³.

Инициативу по созданию будущей семьи в основном проявили оба партнера. Указывалось, что они одновременно приняли решение (мужчины — 63,3 %, женщины — 64,7 %), инициатором был будущий муж (мужчины — 27,3 %, жен-

щины — 30,9 %) или будущая жена (мужчины — 7,9 %, женщины — 2,2 %). Отношение близких родственников и друзей к решению создать семью у всех молодоженов положительное.

На вопрос «Соответствует ли избранник (избранница) идеальному образу супруги (супруга)?» 76,3 % мужчин и 56,1 % женщин ответили положительно. Ответ «скорее соответствует, чем нет» выбрали 23 % мужчин и 38,8 % женщин. Утвердительный ответ на вопрос «Хотели ли Вы что-то поменять в своем (своей) избраннике (избраннице)?» дали 22,6 % мужчин и 36 % женщин, затруднились ответить 15,3 и 18,7 % соответственно.

Совместное принятое решение о создании семьи у молодоженов приходит на смену традиционному первенству мужчины в предложении руки и сердца своей избраннице и все более удаляет во времени принятие решения о создании семьи родителями молодых, что говорит о росте самостоятельности молодых людей в принятии жизненно важных решений, развивающемся партнерстве в отношениях между супругами. Одновременно это отражается на снижении влияния семейного рода, смене традиций, ослаблении межпоколенных связей в социокультурном развитии общества.

Относительно адекватности выбора супруга или супруги выявлено, что около 40 % будущих молодоженов (особенно женщины) изначально выбрало человека, который не соответствует их идеалу, а также некоторые черты характера которого они хотели бы изменить. Поэтому они готовы тратить свои душевные силы в будущей семье на переделывание и перевоспитание друг друга, предъявление завышенных требований. С одной стороны, это показатели несоответствия выбора, с другой — свидетельство недостаточной зрелости личности молодых людей. В будущем и то, и другое может повлиять на устойчивость и прочность союза.

Содержание брачных отношений определяется степенью развитости общества. В примитивных общественных отношениях больше места в семейно-брачном союзе занимают физиологические и хозяйственно-экономические аспекты. В более развитом обществе большую роль в брачных отношениях играют социально-психологические, этические, эстетические и сексуальные отношения. Основным мотивом,

оказавшим наибольшее влияние на решение создать семью, является *взаимная любовь*. При этом у мужчин этот мотив выражается более ярко, чем у женщин. Далее следует желание иметь детей в законном браке, на третьем месте стоит уверенность в будущем муже (жене). Также были отмечены духовная близость, взаимопонимание, общность интересов, позитивный настрой на будущее, сексуальное влечение, страсть, желание проявлять заботу и любовь, внешняя привлекательность супруга, уверенность в себе, готовность к возможным трудностям, мнение и интересы семьи, мнение и интересы семьи избранника, позитивный пример родительской семьи, мнение друзей и подруг, желание не остаться без мужа (жены), материальная обеспеченность партнера, чувство сострадания и жалости, желание отомстить бывшему партнеру.

Весьма показательны данные социологических опросов 70—80-х гг. XX в. В исследовании, проведенном С. И. Голодом в 1966—1968 гг. среди 350 чел., состоящих в браке и представляющих техническую и медицинскую интеллигенцию, было выявлено, что мотив любви наиболее значим в 39,1 % случаях у мужчин, 49,6 % — у женщин. На втором месте стоят общность интересов, взглядов — 26,1 и 28,5 %, чувство одиночества — 14,1 и 4,7 %, чувство сострадания — 7,4 и 3,1 %, вероятность скорого рождения ребенка — 6,7 и 4,3 %, случайность — 4,0 и 2,4 %, материальная обеспеченность будущего супруга — 2,0 и 4,2 % соответственно⁴.

Результаты исследования, проведенного Б. И. Говако среди студенческих молодых семей в 1985—1986 гг., показали количественные изменения этих мотивов. Любовь выбрали 51,2 % мужчин и 58,6 % женщин, общность интересов — 17 и 15,8 %, притягательность характера — 11,2 и 12,3 %, вероятность скорого рождения ребенка — 6,8 и 3,4 %, случайность брака — 8,2 и 7 %, материальную обеспеченность будущего супруга — 4,9 и 2,6 % соответственно⁵.

Сопоставление результатов исследований позволяет утверждать, что основным мотивом для создания семьи является взаимная любовь. Этот мотив занимал лидирующую позицию 25 и 50 лет назад у молодоженов. Кроме того, его количественная характеристика с годами растет. Желание иметь детей в законном браке, уверенность в будущем партнере, духовная близость, взаимопонимание,

общность интересов говорят о преобладании романтических и социально-психологических мотивов у молодых супругов и, следовательно, об относительно высоком уровне развития общества. Однако мотив общности интересов у молодоженов ушел с верхних уровней иерархии, на его месте оказалось желание иметь детей в законном браке, а мотив сострадания занял самый нижний уровень приоритетов. Следует обратить внимание на то, что мотив уверенности в будущем муже (жене) стоит у будущих молодоженов очень высоко (он занимает у мужчин второе место, у женщин — третье), в то время как уверенность в себе расположена значительно ниже (у мужчин этот показатель находится на шестом месте, у женщин — на десятом). С одной стороны, это говорит о том, что сейчас молодые люди доверяют друг другу и соответствуют взаимным ожиданиям, с другой — показывает, что уверенность в другом выше уверенности в себе.

Обращает на себя внимание снижение значимости мотивов к общности интересов и сострадания. Семья создается для продолжения человеческого рода не только в физическом, но и духовном контексте, для передачи духовного наследия будущим поколениям. Сострадание к ближнему является первичным духовным аспектом бытия человека, без его наличия отношения будут выстраиваться по принципу правоты сильного, начнет развиваться соперничество над сотрудничеством. Поэтому настораживает тот факт, что у женщин мотив сострадания стоит ниже, чем у мужчин, а ведь именно им в большей степени присуща в семье роль воспитания будущего поколения.

Таким образом, на современном этапе развития общества семья — это значимая ценность для молодежи, что является фактором устойчивости отношений в будущих семьях. Особую роль семьи будущие молодожены видят в психологической поддержке и понимании друг друга, взаимной любви, возможности иметь детей. Главным движущим мотивом в зарождающихся семьях выступает взаимная любовь.

Зарегистрированный брак все более утрачивает свою ценность для молодежи и заменяется более свободными отношениями, рожденными на основе ценностей, прививаемых новой идеологией рыночных отношений. Эти изменения влекут за собой смену традиций, снижение влияния семейного рода и ослабление межпоколенных связей в будущих

семьях, что негативно влияет на устойчивость отношений между супругами.

Вызывает озабоченность соотношение степени зрелости личности и ее способности распорядиться предоставленной современным обществом свободой. Степень зрелости развития личности определяется в основном уровнем ее духовности и нравственности, проявленных по отношению к другим людям, а не степенью удовлетворения все более возрастающих личных потребностей и интересов. Любовь, дружба, товарищество, милосердие, уважение, а также умение принимать, объединять, жертвовать личными интересами ради общего блага характерны для всей истории российского народа. Они передавались через устойчивые связи между поколениями. И какой бы привлекательной не была идеология индивидуальности, она, на наш взгляд, окончательно уступит место соборности и интеграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы (социально-демографическое исследование). М.: «Статистика», 1978. 224 с.

² Там же.

³ См.: Молодая семья. Выпуск 2 / под общ. ред. А.Д. Плотникова. М.: Компания «Димитрейд График Групп», 2004. 124 с.

⁴ См.: Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. С. 26.

⁵ См.: Говако Б.И. Студенческая семья / редкол.: Э.К. Васильева (пред.) и др. М.: Мысль, 1988. С. 53.

Поступила 23.11.10.

В. В. ВОЛКОВ

ПОЛОЖЕНИЕ СТУДЕНТОВ РЕГИОНА, НЕ ИМЕЮЩИХ РЕГИСТРАЦИИ ПО МЕСТУ УЧЕБЫ, КАК ПРОБЛЕМА БЕЗДОМНОСТИ

Ключевые слова: юридическая (скрытая, латентная) бездомность, регистрация по месту пребывания, студенты

Key words: judicial (concealed, latent) homelessness, registration by the place of temporary residence, students

Бездомность в России имеет разные формы. Особое внимание заслуживает связь бездомности с установленным государством обязательным условием регистрации граждан по месту постоянного проживания или временного пребывания. Осознание того, что территориальный принцип оказания услуг, закрепленный институтом регистрации по месту жительства или пребывания, усугубляет и предопределяет тяжелое положение бездомных, актуализировало в последнее время исследование бездомности в правовом аспекте. Паспортно-регистрационная система как фактор современной российской бездомности заслуженно привлекает внимание современных исследователей¹.

Отсутствие регистрации по месту проживания или длительного пребывания может являться дополнительным признаком бездомности, а также выступать в качестве фактора, определяющего одну из ее форм. На основе этого признака выделяют так называемую «юридическую (скрытую, латентную) бездомность». Она, не будучи крайней формой нужды, стала серьезной правовой проблемой, так как может привести людей, оказавшихся в таком состоянии, к полной депривации и включить их в группу риска, стоящую на краю фактической бездомности.

ВОЛКОВ Владимир Валентинович, старший преподаватель кафедры социальной работы и теологии Мурманского государственного технического университета.

К типу юридически бездомных относятся лица, имеющие возможность длительно проживать в помещении, соответствующем санитарным и иным нормам, но у которых нет на это законного права (отсутствие регистрации по месту жительства или пребывания). Это в основном лица, нелегально арендующие или снимающие жилье; лица, проживающие без регистрации у друзей или родственников. К этому типу также можно отнести иногородних бездомных, т. е. лиц, имеющих регистрацию не в том населенном пункте, в котором они временно или постоянно проживают. К последним могут быть отнесены иногородние студенты, у которых нет регистрации по месту длительного пребывания (учебы).

В г. Мурманске действуют 38 учебных заведений (17 средних специальных и 21 высшее). Студенты и учащиеся, приезжающие из области и других регионов, как и те, кто желает трудоустроиться, могут оказаться в положении юридических бездомных. Студенты как представители юридической бездомности еще не становились объектом изучения. Нами был проведен анкетный опрос этой целевой группы. Целями исследования были выявление числа студентов, которых затрагивают проблемы отсутствия регистрации по месту длительного пребывания; определение частоты и сложностей, с которыми сталкиваются студенты без регистрации по месту пребывания (учебы); выявление отношения студентов к этим проблемам. Объектом исследования стали студенты дневного отделения вузов г. Мурманска (Мурманский государственный технический университет, Северо-западный филиал Московского гуманитарно-экономического института, Санкт-Петербургская академия экономики и управления (Мурманский институт экономики), Мурманский гуманитарный институт). Выборочная совокупность строилась с таким расчетом, чтобы в ней были представлены лица, зарегистрированные в г. Мурманске и не имеющие мурманской регистрации. Всего было опрошено 253 чел. Такой объем выборочной совокупности соответствует, на наш взгляд, характеру и целям исследования.

Исследование выявило, что значительное число студентов длительно пребывает в городе, не имея регистрации (36,0 %). Большинство опрошенных считает, что сталкивается с определенными трудностями при отсутствии регистрации, но эти трудности не являются непреодолимыми (71,1 %);

17,4 % полагают, что сталкиваются с непреодолимыми трудностями; 9 % считают, что отсутствие регистрации не создает никаких проблем. Статистически значимых различий в ответах на этот вопрос между респондентами, имеющими и не имеющими мурманскую регистрацию, нет. Таким образом, мнение тех, кто зарегистрирован в г. Мурманске, и тех, у кого нет мурманской регистрации, по данному вопросу совпадает.

Респонденты, зарегистрированные в Мурманской области и приезжающие в г. Мурманск ежедневно, в подавляющем большинстве (87,2 %) не сталкивались с трудностями из-за отсутствия мурманской регистрации, в то время как выезжающие домой в область один раз в неделю или реже и зарегистрированные за пределами Мурманской области в большинстве (66,0 %) сталкивались с подобными трудностями. Это обусловлено тем, что студенты, часто выезжающие к месту регистрации, имеют возможность реализации там своих прав и получения услуг.

Среди тех, кто не имеет мурманской регистрации, пытались зарегистрироваться 12 %. То, что попытки оформить регистрацию для этих студентов не привели к желаемому результату, говорит о том, что оформление временной регистрации может быть весьма затруднительным. Многие законопослушные граждане, проходя обучение или работая в чужом городе, являются нанимателями жилья. Регистрация по месту пребывания для них зависит от согласия владельца жилого помещения, сдаваемого в аренду, а рынок аренды жилья в России носит преимущественно нелегальный характер. Владельцы жилья, уклоняясь от уплаты налога, не желают официально признать факт сдачи помещения в аренду: никакой выгоды официальный арендодатель не имеет.

Среди тех, кто сталкивался с трудностями, пытались зарегистрироваться 25,0 %, но эти попытки не увенчались успехом; 75 % сталкивавшихся с трудностями из-за отсутствия регистрации не пытались ее оформить, поскольку, по мнению многих, это связано с тратой времени и сил при соприкосновении с бюрократической машиной. Те, кто не сталкивался с трудностями из-за отсутствия регистрации, в большинстве случаев не делали попытку зарегистрироваться (98 %).

Большинство опрошенных отметило, что сталкивалось с трудностями из-за отсутствия у них регистрации в г. Мурманске при обращении в библиотеки (62,5 %), за медицинской помощью (37,5 %), при попытке трудоустроиться (27,5 %) и участвовать в выборах (25 %). Результаты проведенного нами фокусированного интервью показали, что на первое место по сложности разрешения и тяжести последствий студенты ставят доступность медицинской помощи. То, что от своевременного оказания медицинских услуг нередко зависит жизнь человека, многократно увеличивает актуальность проблемы юридической бездомности.

Таким образом, как показало проведенное исследование одной из групп представителей юридической бездомности, люди, не имеющие постоянной или временной регистрации в тех населенных пунктах, где длительно пребывают, сталкиваются с различного рода проблемами. В современных условиях, когда экономические, политические, социальные и иные факторы приводят к усилению миграционных процессов, сам принцип территориального распределения социальной помощи и обслуживания (атрибутом которого и является регистрация по месту жительства или пребывания) не может быть единственным и основополагающим. Недостаточная продуманность механизма реализации прав и свобод граждан подчас сводит на нет конституционные гарантии.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Любарский К. Паспортная система и система прописки в России. URL: <http://www.hrights.ru/text/b2/Chapter5.htm> (дата обращения: 15.05.2010); Карлинский И.З. Анализ социального и правового положения бездомных в современной России. СПб.: Дельта, 2004. 63 с.; Шкляренко Е.А. Статус бездомных и лиц без определенного места жительства: необходимо четкое правовое регулирование // Журн. рос. права. 2004. № 5. С. 32; Социальные и правовые аспекты проблемы бездомности в России: межрегиональное исследование: аналит. отчет. СПб., 2006. 398 с.; Паспортно-регистрационная система Российской Федерации. Анализ эффективности / под ред. Б.Л. Панича, Е.В. Ринн. СПб., 2009. 240 с.

Поступила 26.07.10.

Д. М. БОРИСОВ

СЕТЕВЫЕ РЕСУРСЫ ИНОСТРАННОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: гастарбайтер, иностранная рабочая сила, миграция, регион, рынок труда, социальный капитал, Республика Мордовия

Key words: migrant workers, foreign labour force, migration, region, labour market, social capital, the Republic of Mordovia

Характерной чертой современной миграции является широкое развитие неформальных социальных сетей. Под социальными сетями понимают «стабильные модели непосредственного взаимодействия между людьми»¹. По мнению Н. А. Зотовой, «неформальные сети играют важную роль в жизни мигрантов в стране пребывания; мобилизация данного ресурса является единственным доступным способом решения проблем для многих мигрантов. При помощи сетей они находят работу, жилье; в их круг общения в России вовлекается значительное количество людей»².

Сложился ряд методологических подходов к исследованию социальных сетей. Мы придерживаемся позиции, высказанной И. Е. Штейнбергом, согласно которой большинство исследовательских точек зрения о природе социальных сетей и их роли в обществе можно условно свести к четырем основным теоретическим концептам³. Во-первых, это парадигма П. Бурдьё и Дж. Коулмана. В рамках этой парадигмы социальные сети рассматриваются как основа социального капитала. По мнению П. Бурдьё, социальный капитал представляет собой совокупность «реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе»⁴. Дж. Коулман представляет социальный капитал

БОРИСОВ Дмитрий Михайлович, аспирант кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета.

как сеть отношений, основанных на доверии и уверенности в том, что другие члены сети добровольно выполняют свои обязательства⁵.

Вторым концептуальным подходом является представление о социальной сети как устойчивой совокупности взаимосвязей и отношений между участниками по обмену различными ресурсами, включая подарки и прочие символы причастности и солидарности. По мнению М. Грановеттера, наиболее значительной фигуры этого направления, современное общество устроено таким образом, что все пронизано «сетями» социальных отношений — устойчивыми системами связей и контактов между индивидами, которые невозможно «втиснуть» в рамки традиционной дихотомии «рынок — иерархия». В современном обществе эти сети неформальных отношений позволяют находить работу, обмениваться информацией, разрешать большинство всех проблем и конфликтов⁶.

Третий подход рассматривает социальные сети в качестве способа адаптации различных социальных групп к экстраординарным условиям существования. Основная функция таких сетей — обезопасить участников от реальных или мнимых угроз «оставления» их без защиты государством на произвол частного интереса, носителями которого могут быть как «акулы капитализма», так и любые представители «нерыночных» социальных групп, включая криминальные структуры и чиновников⁷.

Четвертый подход в исследовании социальных сетей поддержки И. Е. Штейнберг условно назвал «внеинституциональным»⁸. Этот подход опирается на понятие «сетевое общество», предложенное М. Кастельсом. Он считал, что смена способов производства, где власть потоков информации преобладает над потоками власти, приведет к тому, что отношения между обществом и государством, а также в самом обществе будут строиться по новым принципам, которые по своей сути являются сетевыми отношениями⁹.

В представленных подходах отражены узловые элементы, позволяющие типологизировать социальные сети иностранных трудовых мигрантов. Среди элементов, определяющих тип социальной сети, следует назвать социальный капитал, каналы взаимодействия, создание коалиции, условия сетевого общества.

В начале исследования мы полагали, что для трудовых иностранных мигрантов характерны интеграционные и адаптационные стратегии, которые обусловлены ценностно-мотивационными особенностями. Поэтому, помимо внимания к трудовым действиям и мотивации, мы решили рассмотреть социальные сети и их институциональные рамки. В процессе работы с материалами интервью мы увидели, что стратегии включения в принимающее сообщество и тип организации социальных сетей зависят от национального признака. В результате анализа и переработки текстов интервью был выявлен основной вектор измерения социальных сетей — от «сильных» до «слабых» связей.

Качественные характеристики социальных сетей, поддерживающих процесс трудовой миграции, на территории Республики Мордовия весьма показательны. Первый тип мы условно назвали «патернализм». Черты, присущие этой сети, не относятся ко всем трудовым мигрантам, а являются характерными для гастарбайтеров из Узбекистана. Основная цель их приезда в регион — заработок. *«Там нет ничего. Людям надо жить. Кому-то надо дочь замуж отдавать, сына женить, а кому-то — дом построить, свадьбу играть. Понимаете? Той зарплаты, которую мы здесь получаем, там попросту нет. Мы вынуждены приезжать сюда работать. Мы зарабатываем и уезжаем». «Если были бы хорошие условия дома, то они бы сюда не приехали. Им не нужна была бы Россия. Они вынуждены зарабатывать».*

Трудовые мигранты из Узбекистана в основном работают в строительных бригадах, причем «вход» в них закрыт для гастарбайтеров других национальностей. В интервью с «братом» (так называют гастарбайтеры своего попечителя в Саранске) мы узнали, что в одной бригаде оказываются люди из одного села, и, как правило, все они между собой являются родственниками или близкими знакомыми. *«Они все вместе приезжают, они из одного района. Эти люди знают, что я честно к ним отношусь, они будут приезжать: отец, сын, зять, дядя, то есть все родственники. Чужих здесь нет. Двое старших».*

Все свои социальные действия (от выбора территории, приезда, оформления документов, устройства на работу и поиска жилья до организации досуга) трудовые мигранты из Узбекистана осуществляют с помощью сети: *«давайте,*

говорю, приезжайте», «сразу все приготавливаю, нахожу жилье. В городе здесь не найдешь квартиру, помогают объявления», «каждую неделю я вспоминаю и проверяю их» (из интервью с «братом»).

В интервью мигранты из Узбекистана неоднократно подчеркивали необходимость соблюдения социальной дистанции по отношению к местным жителям с целью безопасности. Получается, что мигранты находятся в социальном вакууме. Причем «брат» требует от гастарбайтеров выполнения этого условия. Они проводят воспитательную и разъяснительную работу с земляками, получают наставления о том, как себя вести, чтобы не вызывать конфликтные ситуации и недовольство со стороны жителей республики. «Вы приезжаете. Он вам говорит: „На улицу не ходить“. Да, так и есть. Говорит, что не нужно гулять и пить». «Они никуда не ходят, никуда не выходят. Какими бы хорошими они ни были, пьяный человек попадетя и изобьет. Береженого Бог бережет».

На то, что мигранты из Узбекистана замыкаются в своей этнической социальной сети, указывают и мигранты из других стран. «Они не идут на общение. Боятся чего-то» (из интервью с таджиком).

Все социальные связи трудовых мигрантов локализованы в непосредственной близости к строительному объекту: «только до объекта и до магазина», «живем там, где работаем», «на рынок и обратно». Трудовые мигранты из Узбекистана отчетливо артикулируют те слагаемые социального капитала, на которые указывает Дж. Коулман: взаимное доверие и взаимопомощь, «целерационально формируемые в межличностных отношениях»¹⁰. «Сначала я схожу, узнаю, потом пошлю их работать. Они не рабы. Я видел, как черенками били узбека. Просто так не оставляю своих. Какая разница, кто это: узбеки, армяне? Надо всех уважать».

Взаимодействие с «братьями» других бригад поддерживаются только при особой необходимости, например, в случае недостатка ресурсов для защиты своей бригады: «Вы общаетесь с другими бригадами? — Нет, только поздороваемся. В прошлом году узбеки не могли получить деньги, я помогал другой бригаде. Обращался в суд, нанимал адвоката» (из интервью с «братом»).

Создание социальной сети приводит к минимизации риска в области социальной безопасности и экономических

издержек. «А эти дружные между собой. Все до копейки отчитаются, все пишут, лишнее не тратят. Если зарплату получили, то каждый оставляет себе по тысяче, а остальное — все домой». «Один готовит. Все соберутся, и мы назначим кого-нибудь поваром. Он кушать готовит».

С местным населением, если и выстраиваются отношения, то, как правило, инструментального характера (обмен материальными ресурсами и практическими действиями). «Соседи приходят то тачку попросить, то еще что-нибудь. Иногда помогаем. Мы можем у них спросить, например, спички. Картошку покупаем».

Компетенции, которыми обладает «брат», помогают мигрантам преодолеть страх, найти работу, заработать деньги и чувствовать себя в безопасности. «Брат» представляет социальные блага, что проявляется в качестве заботы о земляках. Опека со стороны руководителя сети, принуждение к определенным правилам поведения создают границы безопасности, формируют представления о предпочтительных участниках взаимодействия и определяют его социально значимые узлы в процессе повседневного общения на территории республики.

Второй тип социальной сети, сложившийся среди трудовых мигрантов на территории республики, мы обозначили как «религиозная солидарность». Черты, присущие этой сети, характерны для мигрантов из Таджикистана. Кроме основной цели заработка, многие из них ставят перед собой цель остаться жить в Мордовии. Сети неформальных отношений позволяют найти работу, получить необходимую информацию о жизни республики. Анализ интервью с иностранными трудовыми мигрантами из Таджикистана показал, что на первом этапе обустройства в республике используются личные и родственные связи. «Ребята здесь работали, вот и пригласили в церковь. Нужен был кладчик». «Заранее договариваемся, куда приеду. Приезжаешь, заключаешь договор и начинаешь работать».

Гастарбайтеры из Таджикистана видят источник защиты и помощи в своих работодателях. «Помогают те, у кого работаем». «У нас нет бригадиров, мы сами находим работу. Вот к батюшке пришли, договор заключили и работаем. Съездили, купили материалы».

Мигранты из Таджикистана, находящиеся на территории Мордовии, задействованы не только в строительной сфере, но и торговле (продажа вещей, овощей и фруктов). Если в строительные узбекские бригады «вход» закрыт для гастарбайтеров других национальностей, то таджики работают с представителями других национальностей. *«Со мной работают и местные. Для меня нет разницы в том, с кем работать, как батюшка скажет».*

Вместе с тем социальный капитал гастарбайтеров из Таджикистана поддерживается не столько неформальными ресурсами солидарности, сколько институциональными. Мечеть является частью интеграционного механизма для мигрантов из Таджикистана. *«В мечеть ходим по пятницам. Там молимся и общаемся. Общаемся с местными и теми, кто с нами работает. У всех разные проблемы. Если возникают финансовые проблемы, то мы собираемся, даем, кто сколько может. Если кто-то лежит в больнице, то тоже — кто сколько даст. После службы остаемся, общаемся».* Трудовые мигранты считают, что мечеть поддерживает трудовых мигрантов и способствует упрочению связей трудовых мигрантов из Таджикистана с мусульманами республики.

Отличительная особенность социальной сети таджиков — отсутствие закрытости, которая свойственна узбекам. Наоборот, как показывают результаты нашего исследования, мигранты из Таджикистана ориентируются на создание открытых отношений, создаваемых на основе религиозного единства и дружеских связей. *«У меня есть здесь друзья. В мечети познакомились, хожу в гости к ним. Они татары. С девушками тоже гуляем. Вот скоро я на одной женюсь. Познакомились по телефону, встретились. Она мне понравилась. Стали встречаться. Поженимся, здесь останемся, домик хочу где-нибудь недалеко от города купить».*

Таким образом, мечеть ведет к наращиванию социального капитала в точке миграции таджиков, способствует интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Возникает солидарность, основанная на религиозном факторе. Одной из функций социальной сети, в которой находятся мигранты из Таджикистана, является признание их как «своих».

Отличительная особенность социальной сети армян и азербайджанцев на территории Мордовии — наличие «этниче-

ской диаспоры». Она стала институтом, где аккумулируются сети, наращивается объем, улучшается качество социального капитала. Диаспора позволяет сетям стать видимыми и организованными, определяет способы адаптации мигрантов к условиям принимающего сообщества. На территории республики есть две диаспоры — армянская и азербайджанская. Азербайджанская не работает с трудовой миграцией, так как мигрантов из Азербайджана *«в принципе можно свести к нулю»* (из интервью). Что касается армянской диаспоры, то она активно работает с трудовыми мигрантами. Поддержку трудовым мигрантам оказывает также строительная фирма «Ташир». *«Не дай Бог, если с кем-то случается. Может, с нами нехорошо поступили, а тут можно решить вопрос. Не дай Бог, если кто-то умирает, мы собираемся, даем кто сколько может, чтобы человеку помочь».* *«Помогаем делать разрешение на работу».*

Армяне-мигранты, приехавшие в республику, трудятся в сфере торговли и обслуживания, строительстве. Многие армяне ориентируются на постоянное проживание в Мордовии. *«Сейчас в республике 200 человек, из них 30 % хотят остаться. Остальные возвращаются после сезона. Мы работаем сезонными».* Вопросы, связанные с размещением и проживанием армян-мигрантов, находятся во внимании диаспоры. *«Кто-то у своих родственников. На самой стройке все есть: кровати, повар, туалет. Там есть частная охрана, объект охраняется. Если закон нарушить, то оштрафуют на 80 тысяч».*

Так как диаспора организована сравнительно недавно, то в настоящее время ее руководство заинтересовано не только в оказании помощи трудовым мигрантам, находящимся на территории республики, но и в конструировании мигрантской и национальной идентичности. Принцип «свои — чужие» действует как на рынке труда, так и на рынке жилья. *«Квартиру снять очень тяжело. Сын в школу ходил, мы жили на улице Гожувской, рядом был садик. Потом пришлось искать квартиру. Обратились в фирму. Разговариваю, чувствуют, видимо, акцент. Спрашиваю причину. Мол, узбеки. Я говорю, что я не узбек, не будем жить по 20 человек».*

В интервью отчетливо проартикулировано намерение создать некую «буферную зону», в рамках которой будут воспроизводиться социальные сети и связи, национальная

культура и традиции, и вместе с тем именно эта зона будет создавать информационные потоки, конструирующие образ армян-мигрантов в регионе. *«Выставки проводим, хотим храм построить, крест уже привезли. Школу открыть планируем. Главное, сейчас крест поставить, а потом все пойдет потихоньку».* Основанием этого типа социальных сетей является интеграция в принимающее общество через группу (а не по индивидуальности) посредством таких формальных институтов, как диаспора и фирма, в которой работают мигранты.

Описанные качественные характеристики механизмов и способов, обеспечивающих включение иностранных трудовых мигрантов в местное сообщество, доказывают, что основным способом преодоления барьеров реализации трудовых стратегий на территории принимающего общества являются социальные сети. С их помощью мигранты получают доступ к работе, жилью и другим ресурсам, а также снижают риски в пространстве неопределенности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рона-Тас А. Устойчивость социальных сетей в посткоммунистической трансформации Восточной Европы // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 396.

² Зотова Н.А. Трудовая миграция из стран Средней Азии в Россию. Положение в принимающей стране и адаптация сезонных мигрантов // Гастарбайтерство. Факторы адаптации. М.: Старый сад, 2008. С. 167.

³ См.: Штейнберг И.Е. Парадигма четырех «К» в исследованиях социальных сетей поддержки // Социол. исслед. 2010. № 5. С. 41.

⁴ Бурдые П. Начала. М.: Socio Logos: Адапт, 1994. С. 66.

⁵ См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Обществ. науки и современность. 2001. № 3. С. 126.

⁶ Грановеттер М. Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд. URL: www.ecsocman.edu.ru/data/2010/09/17/1215001435/Granovetter_labour_markets.pdf (дата обращения: 15.11.2010).

⁷ См.: Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 49.

⁸ См.: Штейнберг И.Е. Парадигма четырех «К» ...

⁹ См.: Кастельс Дж. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

¹⁰ См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий ...

Поступила 22.12.10.

О. Н. ТЮЛЯКОВА

МЕДИАПРЕДПОЧТЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА

Ключевые слова: медиаиндустрия, медиапредпочтения, медийная напряженность, телекоммуникация, радиопродукция, чарт, студенческая молодежь, медиaprостранство, стереотипизация, медиатизация общества, рейтинг, массмедиа, информационная культура

Key words: media-industry, media-preferences, media tension, telecommunication, radio-production, chart, students youth, media-space, representativeness, mediatization of the society, rating, mass media, informative culture

Массовая коммуникация давно и прочно вошла в повседневную жизнь молодежи. Зачастую единственным источником информации являются визуальные средства СМИ. Одно из самых доступных из них — это телевидение. Телевизионные программы оказывают непосредственное влияние на студенческую аудиторию. По опросам социологов, российская молодежь предпочитает жанр «ток-шоу» с участием известных людей. Новостные программы смотрят крайне редко или не смотрят вообще. Из радиопродукции студенческая аудитория отдает предпочтение развлекательным программам: хит-парадам, радиопуткам. Из «печатных» предпочтений на первом месте стоят молодежная периодика, периодика с сенсационными событиями.

В рамках общероссийского опроса молодежи в возрасте 16—26 лет в сентябре 2009 г. Фонд «Общественное мнение» провел исследование медиапредпочтений молодых граждан РФ «Источники информации, которые выбирает молодежь, и индекс доверия к ним»¹.

В апреле 2010 г. мы провели собственное социологическое исследование по заданной тематике, чтобы выяснить, какие

ТЮЛЯКОВА Олеся Николаевна, аспирант кафедры социологии Мордовского государственного университета.

источники информации выбирает студенческая молодежь Республики Мордовия, и определили индекс доверия к ним. Объем выборной совокупности составил более 400 чел. Возраст опрашиваемых — от 15 до 35 лет. В опросе участвовали студенты Мордовского государственного университета, Мордовского педагогического института, Саранского кооперативного института (филиала Российского института кооперации).

Результаты исследования показали, что юноши Мордовии в возрасте 16—20 лет из телевизионных каналов смотрят Муз-ТВ (86 %), ТНТ (70 %), НТВ (63 %), MTV (58 %), Первый канал (50 %), ТелеСеть Мордовии (41 %), СТС (32 %). Девушки в возрасте 16—20 лет предпочитают смотреть MTV (80 %), Муз-ТВ (69 %), НТВ (51 %), ТелеСеть Мордовии (47 %), СТС (32 %), ТНТ (27 %), Первый канал (16 %).

Девушки в возрасте от 20 до 26 лет из телевизионных программ выбирают «Дом-2» (63 %) (ТНТ), «Испытание верности» (41 %) (Муз-ТВ), «Звезда в клубе» (36 %) (MTV), «Блондинка в шоколаде» (30 %) (Муз-ТВ), «Максимум» (25 %) (НТВ), «Русские сенсации» (20 %) (НТВ), «Субботний вечер» (2 %) (Россия). Юноши этого же возраста предпочитают смотреть «Ты не поверишь» (84 %) (НТВ), «Максимум» (52 %) (НТВ), «Субботний вечер» (49 %) (Россия), «Блондинка в шоколаде» (34 %) (Муз-ТВ), «Русские сенсации» (29 %) (НТВ), «Звезда в клубе» (21 %) (MTV), «Дом-2» (ТНТ) (11 %).

Та же возрастная группа юношей и девушек отдает предпочтение таким телесериалам, как «Клуб» (71 %) (MTV), «И все-таки я люблю» (56 %) (Первый канал), «Огонь любви» (46 %) (Первый канал), «Медвежий угол» (39 %) (Россия), «Агентство „Лунный свет“» (31 %) (Саранское телевидение), «Женщина без прошлого» (23 %) (Россия), «Папины дочери» (9 %) (СТС).

Юноши в возрасте от 26 до 35 лет из радиопроодукции предпочитают слушать «Программы по заявкам» (98 %), «Хит-парады» (75 %), «Радиошутки» (60 %), «Радиоочерки» (25 %), «Художественные программы» (22 %), «Новостные выпуски» (10 %), «Радиорекламу» (1 %). Девушки в этом же возрасте слушают «Радиошутки» (80 %), «Программы по заявкам» (72 %), «Новостные выпуски» (68 %), «Хит-парады» (52 %), «Художественные программы» (41 %), «Радиорекламу» (27 %), «Радиоочерки» (4 %).

Девушки в возрасте от 26 до 35 лет отдают предпочтение таким периодическим изданиям, как «Жизнь» (80 %), «Столица С» (75 %), «Вечерний Саранск» (67 %), «Голос Мордовского университета» (53 %), «Комсомольская правда» в Саранске (49 %), «АиФ» в Саранске (40 %), «ТВнеделя Мордовии» (21 %). Юноши этого же возраста читают «Жизнь» (91 %), «Столицу С» (82 %), «Голос Мордовского университета» (59 %), «Комсомольскую правду» в Саранске (41 %), «Вечерний Саранск» (32 %), «ТВнеделю Мордовии» (19 %), «АиФ» в Саранске (17 %).

Таким образом, студенческая аудитория Мордовии, как и российская, предпочитает развлекательный жанр. Телевизионная палитра представлена тремя лидирующими каналами: Муз-ТВ, ТНТ, НТВ. Телепередача «Дом-2» лидирует во всех чартах и рейтингах страны.

Сфера радиопродукции представлена программой развлекательного жанра — «Программой по заявкам». Из печатной продукции первое место отдано наиболее «сенсационной» газете — газете «Жизнь».

Основным источником информации у студентов по-прежнему остается телевидение в силу своей распространенности и доступности. Радио доверяют меньше, очевидно, из-за того, что студенты предпочитают слушать «легкие», неновостные музыкальные радиостанции, где подача информации минимальна и не настолько полна, как у информационных станций. «Кроме того, чем старше респондент, тем выше его потребность составить собственное мнение о происходящем и тем меньше его интерес к мнению знакомых и родственников, ниже и индекс доверия к нему»². Опрос показал, что студенческая молодежь мало читает прессу, делая ставку на аудио- и видеoinформацию. Возможно, это продиктовано информационным веянием времени и всепоглощающим влиянием медиaprостранства, что говорит о медийной напряженности, глобальном влиянии СМИ на сознание молодежной аудитории регионального социума.

На телеэкранах российского телевидения почти ежедневно подробно освещаются происшествия с несчастными, трагическими последствиями. Отрицательная информация регулярно «вводится» почти в каждую семью. Такая информация вызывает у студенческой молодежи сильное душевное волнение, беспокойство. Эмоции, возникающие при

просмотре видеосюжетов, повышают уровень тревожности, способствуют развитию психических расстройств.

Можно отметить ряд тенденций, характерных для современной студенческой молодежи: американизация культурных потребностей, приоритет потребительских ориентаций над «креативными», избирательность и стереотипизация культуры, внеинституциональная культурная самореализация, отсутствие этнокультурной идентификации. Как показывают наши наблюдения, значительную часть досуга студенческая молодежь посвящает электронным СМИ (телевидение, видео, радио, Интернет). В настоящее время с их помощью формируется ее внутренний мир: медиапредпочтения, ценностные ориентации, культурные установки, профессиональные стратегии. При этом контакты со СМИ носят для большинства студенческой молодежи не познавательный, а развлекательный характер³.

Как следствие, начало XXI в. вместе с последними десятилетиями XX в. называют «веком информации», «веком коммуникаций» и даже предполагают, что мы стоим на пороге появления молодых людей с новой парадигмой восприятия окружающего мира, т. е. так называемых «молодых людей с „компьютерной психологией“». Первый революционный переворот был связан с переходом от восприятия реальности, основанного на наблюдении, к восприятию, опосредованному носителем информации (преимущественно бумажной). Сегодня совершается переход к аудио- и видеовосприятию⁴.

Социальные последствия подобного перехода многообразны и отнюдь не однозначны. Исследователи отмечают, что молодежь проводит перед телевизором и компьютером от 4 до 9 ч в сутки. Медиавыбор программ, содержание фильмов и компьютерных игр имеют большое значение в процессе социализации студенческой молодежи. Л. Б. Зубанова подчеркивает, что «выбор печатных средств массовой информации во многом предопределен сформировавшейся в России традицией восприятия прессы, характерной для некогда „великой читающей нации“». Пресса как средство передачи информации обладает рядом значимых характеристик воздействия на потребителя: обеспечивает целенаправленность и сосредоточенность восприятия, которое подкрепляется длительностью контактов, возможностью повторного обращения; сам характер информационного оформления события убеждает в большей мере, чем ускользающая эфемерность

однажды произнесенного слова. Именно пресса, становясь запечатленной „историей одного дня“, оставляет фиксируемый „след в истории“»⁵.

В новых социально-информационных условиях организации современного общества наблюдается тенденция регионализации СМИ. Молодежная зрительная аудитория обращается к массмедиа, которые ближе ей в социальном и психологическом планах. Эта тенденция становится характерной не только для отдельных регионов, но и для многих стран.

С точки зрения реализации функций СМИ — развивающей, воспитывающей и развлекательной — преобладает последняя. Из телевизионных передач, просмотр которых, по нашим наблюдениям, составляет 1/3 от объема досуга студенчества, предпочтение отдается американским боевикам и латиноамериканским сериалам, концертам звезд эстрады, а также демонстрируемым по музыкальным каналам видеоклипам. Контакты с радио ограничиваются исключительно целенаправленным прослушиванием коммерческих FM-станций, в которых новостные выпуски и реклама перемежаются с популярной музыкой. Выход в Интернет зачастую сопряжен с посещением чатов, просмотром рейтингов, поиском информации. Следовательно, интерес к художественной литературе у студенческой аудитории существенно снизился⁶.

Говоря о непосредственном влиянии СМИ на студенческую молодежь, следует отметить их информационную и просветительскую роли, благодаря которым приобретаются разнообразные, противоречивые, несистематизированные сведения о типах поведения людей и образе жизни в разных социальных слоях, регионах, странах. Особенно важно это иметь в виду еще и потому, что СМИ представляют собой систему неформального образования, просвещения различных слоев населения. У студенческой аудитории под сильным влиянием информационного воздействия формируется «компьютерная психология»⁷.

Необходимо отметить агрессивное влияние информационных сайтов экстремистского толка. К социальным проблемам можно отнести новые психические заболевания, которые возникли с появлением социальной сети. Все больше студентов уходит от проблем реальной жизни в виртуальную. Социологи, психологи и педагоги с тревогой отмечают, что у нового поколения возникают трудности при общении со сверстниками, так как Интернет не требует собеседников.

Появилась мода на шокирующие видеоролики: некоторые представители студенчества ищут славы, снимая на мобильные телефоны жестокие сцены избиения, издевательства над своими сверстниками.

Одним из определяющих факторов современного информационного общества является массовость. С появлением газет, журналов, телевидения молодые люди отдают предпочтение медиаобщению. Теперь собеседника ему заменяет свежая новость в Интернете или телепередача, в готовом виде преподнося ему то, в чем он нуждается. А. Нестеренок в ответ на это предлагает, на наш взгляд, мудрое решение: «Несколько лет назад „Комсомольская правда” изрекла: „У нас половина молодежи — хорошая, половина — плохая”. О плохой половине центральные и местные каналы вещают каждый день в сводках происшествий. А о хорошей мы много говорим? КВНы, часто с сусальными шуточками, положение не спасают, так же как и музыкальные выпуски. По-моему, на одном из центральных каналов нужно открыть передачу о студентах, которые не только живут от сессии до сессии весело, но и серьезно занимаются наукой, ездят в стройотряды, поют, танцуют, наконец, воспитывают детей. Пока же об успехах и проблемах молодых можно узнать только из новостей, да и то изредка»⁸.

Как правило, студенты подражают тем, кто оказывает на них наиболее сильное воздействие. Сегодня неизменную симпатию студенческой аудитории вызывают смелые, волевые, находчивые люди. Молодой человек XXI в. живет в медиатизированном пространстве, которое составляет его новую среду обитания и реальность современной культуры. СМИ не только проникли во все сферы жизни, но и стали основным средством производства современной культуры, а не только передаточным механизмом⁹.

В практике современных СМИ широко используются методы подсознательного воздействия на студенческую молодежь, когда отношение общества к тем или иным явлениям окружающего мира формируется с помощью стереотипных представлений, которые внедряются в поток информационных сообщений, в медиaprостранство, автоматически вызывая в массовом сознании либо отрицательную, либо положительную реакцию на конкретное событие¹⁰. Задача прессы в процессе убеждения — создать прочное, устойчивое отношение к

данному явлению. Благодаря своей биологической природе молодые люди подвержены внушению, восприятию, подражательности. Проще всего внушить молодому студенту то, к чему он предрасположен в силу своих потребностей и интересов. Однако что-то внушить можно и вопреки его воле, вызывая определенные чувства и состояния, толкающие к совершению поступков, возможно, далеко не следующих из принимаемых им норм и принципов поведения¹¹.

Большинство исследователей указывает на связь стереотипов с гигантским влиянием СМИ, формирующих отношение к миру, на поведение, воспроизводящее поступки «героев», созданных прессой, радио или телевидением. Так, в настоящее время неким стереотипом становится молодой целеустремленный человек, рассчитывающий на собственные силы.

СМИ приучают студенчество мыслить стереотипами и снижают интеллектуальный уровень медиасообщений. Этому прослужил главный метод закрепления нужных стереотипов в сознании — повторение. П. Н. Киричек отмечает, что «информационный процесс имеет свои количественные (нормативные) и качественные (культурные) параметры, которые поддаются измерениям как в единичном, так и в мониторинговом режиме. Основные механизмы информационного процесса наполняют различными сведениями, по возможности, ведущие ниши социума страны (региона) и создают когнитивный (некогнитивный) фон, или медийную напряженность, отражающую степень вовлеченности (предрасположенности) граждан в общественную жизнь с первоочередной помощью печатных массмедиа. Как известно, человек читающий (размышляющий) считается более склонным к продуктивной рефлексии, культивирующей высокое сознание и разумное поведение, нежели человек смотрящий (переживающий), способный к импульсивным всплескам и нелогичным поступкам. Это состояние информационного процесса определяется понятием „информационный фон (напряженность) социума”, регулярные замеры которого позволяют выявить тенденции прогресса (регресса) обслуживающей его прессы на основе определения ее проникающих свойств. Измерить их точно в условиях информационного рынка прежними показателями деятельности, к примеру, редакции газеты — розничным тиражом, количеством подписчиков, числом читательских писем — уже невозможно»¹².

В настоящее время не следует искать новости в непосредственном общении, достаточно просто нажать на кнопку компьютера. Молодого человека избавят не только от необходимости искать информацию, но и давать свою оценку тому или иному событию. Таким образом, понижается интеллектуальный уровень отдельно взятой личности, и студенческая аудитория становится частью толпы. Обратной стороной этого процесса является тот факт, что в таких условиях молодые люди подвергаются манипулированию. Телевидение, газеты, все СМИ в целом не ориентируются на конкретного человека. Они нацелены на массу (сам термин «средства массовой информации» говорит сам за себя).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Медиапредпочтения молодежи: радио доверяют в 10 раз меньше, чем Интернету. URL: <http://rumetrika.rambler.ru/review/0/4138?article=4138> (дата обращения: 10.04.2010).

² Там же.

³ См.: Игумен Михаил (Крастелев). Путь к сердцу молодежи. URL: http://bogoslav.spasmon.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=74&Itemid=118 (дата обращения: 11.04.2010).

⁴ См.: Павлычева Е.Д. Влияние электронных масс-медиа на социальную идентификацию подростков: дисс. ... канд. социол. наук. М., 2006. URL: planetadisser.com/see/dis_170652.html (дата обращения: 12.05.2010).

⁵ Зубанова Л.Б. Действительность в суждениях медийных лидеров мнений // Социс. 2009. № 10. С. 110.

⁶ См.: URL: http://revolution.allbest.ru/sociology/00185077_0.html (дата обращения: 10.04.2010).

⁷ См.: URL: http://revolution.allbest.ru/sociology/00115777_0.html (дата обращения: 10.04.2010).

⁸ Нестеренок А. Чача для «Поля чудес» // Журналист. 2009. № 11. С. 51.

⁹ См.: Баранов О.А., Пензин С.Н. Медиа, современная семья и школьник. URL: edu.of.ru/attach/17/25002.doc (дата обращения: 10.10.2010).

¹⁰ См.: URL: http://otherreferats.allbest.ru/psychology/00041214_0.html (дата обращения: 10.04.2010).

¹¹ См.: Пивков В.А. Особенности влияния средств массовой информации на студенческую молодежь. URL: <http://referat.ru/referats/view/27131> (дата обращения: 10.04.2010).

¹² Киричек П.Н. Информационная культура общества: моногр. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 125—126.

Поступила 12.10.10.

К. Н. КОРШУНОВА

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА: НЕКОТОРЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: детство, защита, социальное сиротство, право, система социальной защиты детства

Key words: childhood, protection, social orphanage, right, system of social protection for childhood

Проблемы социальной защиты детей актуальны в любое время для каждого общества. История учит, что во времена государственных потрясений больше всего страдают дети. Именно для них в эти периоды начинается эпоха бесправия. Вряд ли кто-то оспорит, что и сегодня права ребенка и их защита — одна из острых проблем общества и государства. Существует известный афоризм «Дети — наше будущее». Так какое же будущее ожидает современную Россию, если ежегодно увеличивается число ВИЧ-инфицированных среди подростков, ухудшаются показатели здоровья среди новорожденных, вызывает чувство тревоги степень распространения детской проституции и алкоголизма? Поэтому социальная защита детства является одним из важнейших факторов социально-экономического, культурного развития общества и основой социальной политики государства.

Институт социальной защиты детства имеет богатую историю. Первоосновой защиты системы детства выступает правовая база. В древнейший период развития первых государств главной позицией в отношении прав детей была позиция полной власти взрослого над ребенком. Например, в Римском государстве власть отца была абсолютной. Гай называет институт отцовской власти строго национальным институтом римских граждан. Центральным полномочием домовладыки было право жизни и смерти. Только от воли

КОРШУНОВА Кристина Николаевна, аспирант кафедры социальной работы Мордовского государственного университета.

отца зависело, сохранить ли жизнь своему новорожденному ребенку или нет. Отец имел право продавать своих детей в полное рабство или в рабство внутри государства¹. Естественно, фактическое положение детей могло быть иным, но юридически отец признавался неограниченным властелином. Развитие прав ребенка на жизнь и охрану здоровья в римском законодательстве проходило в направлении постепенного ослабления абсолютной власти домовладыки. Рядом указов императора Константина у отца было отнято право «жизни и смерти» ребенка: сыноубийство стало приравниваться к убийству².

Положение детей в семье было различным в северной и южной частях Франции. На севере страны родительская власть рассматривалась как опека и сохранялась до совершеннолетия детей. На юге под влиянием римского права утвердилась столь же сильная отцовская власть над детьми. Об этом свидетельствует Французский гражданский кодекс 1804 года: «Параграф 371. Ребенок в любом возрасте обязан оказывать повиновение и уважение своему отцу и матери. Параграф 372. Он находится под их властью до того, как станет совершеннолетним или приобретет полную дееспособность»³.

Что касается Древней Аравии, то до принятия ислама родители избавлялись от нежеланных новорожденных дочерей. Исламское право строится на положениях Корана. Основные постулаты базируются на исполнении божественной воли, провозглашенной людям в письменных источниках. «Жизнь — это дар, дающийся Богом, а право на жизнь гарантировано каждому человеческому существу. Новорожденные беспомощны и беззащитны, они не способны оградить себя от посягательств на жизнь и здоровье»⁴. По этой причине с самых истоков ислама право на жизнь и здоровье распространяется на всех детей независимо от их пола, расы или происхождения. Насилие над детьми не совмещается с учением ислама.

Что касается Древней Руси, то родительская власть была сильной, хотя права жизни и смерти над детьми родители формально никогда не имели. Помощь ближнему была характерной чертой славянских народов. Первый опыт публичной заботы о наименее защищенных детях-сиротах и детях, оставленных родителями, возникает в родовой

общине славян. Эта забота и помощь всем миром равномерно становится одной из характерных черт и традиций славянского, а потом и русского менталитета. Проявлялась она в создании особых домов, где всем миром кормили и обслуживали сирот и брошенных малюток. Весомую роль в разработке начал социальной защиты детства сыграли русские князья. Великий князь Владимир (ок. 960—1015) издал «Устав», в котором возложил публичное призрение сирых и убогих на духовенство и учредил училища для детей из различных сословий. Великий князь Ярослав Мудрый (ок. 978—1054) учредил сиротское училище, в котором содержал и обучал детей на свои средства. Великий князь Владимир Мономах (1053—1125) считал поддержку бедных и страждущих одной из важнейших своих обязанностей. Наиболее полным дошедшим до нас документом древнерусского права, содержащим зачатки социальной защиты детства, является составленный князем Ярославом свод законов «Русская правда». Согласно этому документу, отец провозглашается основным защитником детей, определяются некие условия опекуинства: вступление в опекуинство в присутствии общины, обязательность заботы об опекаемых, обязанность опекуна сохранить в целостности положенное опекаемому наследство и др.⁵ Здесь излагаются права детей при разделе домашнего имущества, указывается их социальное положение после гибели родителей. Следует отметить, что из 37 статей «Русской правды» 8 посвящены социальной защите детства.

Государственная забота о беспризорных и нищенствующих детях в первый раз юридически закреплена в 1682 г. указом царя Федора Алексеевича. В нем говорилось о необходимости создания особых школ и заведений, где нищие дети могли бы учиться наукам и ремеслам. В связи с гибелью царя указ не был приведен в исполнение. Выраженные в нем общие идеи получили дальнейшее развитие и практическое приложение при Петре I. Для обозначения явления незаконнорожденности было применено понятие «закорность». Впервые оно официально было употреблено в указах Петра I. Следует отметить, что вопросам социальной защиты сирот и беспризорных детей посвящен ряд петровских указов, например, «Об учреждении во всех губерниях гошпиталей» (1712) («По всем губерниям учинить

гошпитали для самых увечных, которые ничем работать не смогут, ни стеречь, также и зело престарелым; также прием незазрительный и прокормление младенцам, которые не от законных жен рождены»), «Об устройстве при церквях гошпиталей для незаконнорожденных детей» (1714) («Для зазорных младенцев, которых жены и девки рожают беззаконно, при церквях, где пристойно, сделать гошпитали, в Москве мазанки, а в других городах деревянные; и для сохранения изобрать искусных жен, и давать им из неокладных прибыльных доходов на год денег по 3 рубля, хлеба по полуосьмине на месяц, а младенцам по 3 деньги на день») и др.⁶ Указами 1718 и 1724 гг. предусматривались разные формы устройства и трудоустройства беспризорных детей. Основная тяжесть заботы о детях-сиротах возлагалась на сельские общины, помещиков и монастыри.

Дальнейшее развитие система социальной защиты детей получила при Екатерине II. При ней обширное распространение получило создание воспитательных домов для детей, оставшихся без родителей. Указ императрицы 1775 г. «О создании Приказов публичного призрения» подтверждает это. «Приказу общественного призрения поручается попечение и надзирание о установлении и прочном основании: 1) народных школ; 2) установление и надзирание сиротских домов для призрения и воспитания сирот мужского и женского пола, оставшихся после родителей без пропитания...»⁷. Таким образом, воспитательные дома становились центрами опеки и попечительства для детей, оставшихся без родителей. Кроме того, Екатерина II положила начало созданию в России благотворительных обществ, первым из которых было учрежденное ею «Общество воспитания благородных девиц» (1764). В этом закрытом учреждении девочки-дворянки изучали широкий по тем временам круг общеобразовательных предметов. На государственные средства в институте получали образование девочки из бедных семей и сироты.

Заметный вклад в создание русской системы защиты детства внесли супруги монархов и приближенные к царям особы. Например, супруга Павла I, Мария Федоровна, заботясь об устройстве уже существующих, открывала новые учебные и благотворительные заведения. К 1802 г. в Петербурге и Москве были открыты женские учебно-воспитатель-

ные учреждения имени Св. Екатерины. В 1807 г. основан Павловский военно-сиротский институт, в 1817 г. — Харьковский институт благородных девиц, в 1820 и 1823 гг. — два училища для солдатских дочерей. Кроме того, в 1806 г. Мария Федоровна на свои средства открыла училище для глухонемых детей. С 1801 г. в ведении императрицы находилась первая больница императора Павла I.

Следует отметить, что в XIX в. социальная защита детства в России начала носить все более организованный и массовый характер. Примером тому является основанное в мае 1802 г. императором Александром I «Благодетельное Общество», позднее переименованное в «Императорское Человеколюбивое Общество». С 1855 по 1881 г. на его базе появились 86 новых благотворительных учреждений, а общее их количество увеличилось до 131. В Санкт-Петербурге, Москве и других городах были организованы региональные общества попечения о беспризорных детях. Например, в 1833 г. создано «Общество попечения о неимущих и нуждающихся в защите детях». Его целями были попечение сирот и детей бедных родителей; воспитание и обучение их рукоделию; забота о детях, ставших жертвами преступлений. Общество устраивало ясли, приюты, начальные школы, ремесленные профессиональные училища. В 1892 г. создано Елизаветинское общество при участии великой княжны Елизаветы Федоровны, ставшей пожизненной попечительницей общества. Общество имело детские ясли, называемые детскими очагами, для дневного пребывания детей, родители которых работали. Следует отметить, что каждое сословие россиян в рамках самоуправления стремилось создавать собственные приюты и училища. Ряд больших приютов находился в руководстве столичного городского управления.

Таким образом, к концу XIX в. детские приюты стали более массовой формой социальной защиты детей-сирот и детей бедных родителей. Их деятельность регламентировалась Положением о детских приютах от 18 мая 1891 г. и включала попечение детей, принимаемых на полное иждивение. Постепенно государственная забота о социальной защите детей становилась более разнообразной. В 1894 г. в России открылся первый бесплатный детский сад для детей из бедных семей. На средства фабрикантов начали создаваться фабричные детские сады для детей рабочих.

В 1882 г. запрещена ночная работа для детей до 12 лет, с 1894 г. введено обязательное посещение школы работающими детьми. Обучение молодых тружеников включалось в их рабочее время, детский труд был ограничен восемью часами, с 1914 г. началась выплата пособия на детей, родители которых погибли на фронте.

В последней трети XIX в. в поле зрения ученых, юристов, врачей и педагогов попали дети, подвергшиеся насилию со стороны хозяев-ремесленников, которым они были отданы в услужение, а также родителей и посторонних людей. Обращение к этой категории детей способствовало активной разработке понятия «защита». Его введение характеризовало новое направление благотворительной деятельности. В 1892 г. создан «Отдел защиты детей от жестокого обращения» для надзора за правильным исполнением материальных и нравственных обязанностей лицами, от которых малолетние дети находились в зависимости.

Отметим, что отношение страны и общества к институту усыновления детей-сирот в досоветский период было весьма сдержанным: законом устанавливались разные ограничения. Например, при наличии собственных детей усыновление других было запрещено. В дореволюционной России появились и в разной степени развивались различные формы социальной защиты детства: воспитательные дома, детские приюты, детские сады, ясли, летние колонии детского отдыха и др., ставшие прообразом современной социальной защиты детства.

За годы советской власти был накоплен большой опыт в организации системы социальной защиты детей-сирот, который нельзя игнорировать. Следует отметить, что до революции государственной системы защиты детей-сирот не существовало. Ее начало было положено после февраля 1917 г. с образованием Министерства социальной помощи, в составе которого работало Управление помощи беспризорным детям и нуждающимся. Затем его функции перешли к Наркомату государственного призрения (в апреле 1918 г. переименован в Наркомат социального обеспечения), на который в числе прочих были возложены обязанности охраны материнства и детства, помощи несовершеннолетним. В феврале 1919 г. был создан Совет защиты детей. В него вошли представители различных наркоматов (просвещения,

соцобеспечения, здравоохранения продовольствия и труда). Он должен был заниматься в первую очередь снабжением детей пищей и одеждой. Отметим, что, помимо советских государственных органов, с осени 1918 г. во многих городах России действовала общественная Лига спасения детей. В 1921 г. Совет и Лига были распущены, а вопросами помощи детям-сиротам стала заниматься Комиссия по улучшению жизни детей (деткомиссия) ВЦИК. Можно считать ее деятельность более доступной, так как при деткомиссии действовала приемная, куда могли обращаться как дети, оставшиеся без попечения родителей, так и родители, испытывающие нужду.

Целостная система учреждений для детей-сирот сложилась в 20-е гг. XX в., когда активно шла борьба с беспризорностью. Для первичного приема беспризорников и дальнейшего их устройства были созданы детские приемники-распределители (ДПР). Наряду с ДПР в 20-е гг. появилась широкая сеть различных интернатских учреждений: дома ребенка, детские дома, трудовые колонии. Благотворительность, на которой базировалась дореволюционная система социальной защиты сирот, прекратилась в связи с исчезновением зажиточных слоев населения.

Документальным подтверждением социальной защиты детства того времени являются постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 марта 1926 г. «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР» и от 14 апреля 1928 г. «О мероприятиях по оказанию помощи детям беднейших семейств», Постановление СНК РСФСР от 29 января 1933 г. «О мерах борьбы с детской беспризорностью и ликвидации уличной безнадзорности» и др. Рубежным в развитии системы социальной помощи детям стал 1935 г., когда были опубликованы постановления «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» и «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»⁸. Таким образом, государственная система социальной защиты детей-сирот, сложившаяся в СССР к началу войны, ориентировалась не на предупреждение сиротства, а преимущественно на борьбу с его отрицательными последствиями.

Рост детской беспризорности в военные и послевоенные годы потребовал структурных изменений в системе социальной защиты детей-сирот. В 1942—1943 гг. приняты по-

становления СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» и «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». В начале 50-х гг. ситуация стала улучшаться: расширилась сеть детских учреждений, наладилась их регулярная отчетность, осуществлялся контроль за их деятельностью. В 1975 г. были введены льготы для учащихся ПТУ из числа детей-сирот, а также детей, лишившихся попечения родителей, и детей инвалидов войны. В 1977 г. выпускники школ-интернатов получили право внеконкурсного поступления в ПТУ и техникумы. С началом перестройки и гласности начали создаваться благотворительные организации и фонды, которые включали в свои программы помощь детям-сиротам.

Таким образом, за годы советской власти была проделана колоссальная работа, способствующая становлению и развитию системы социальной защиты детства.

Современная социальная защита детства в РФ базируется на правовом мировом законодательстве: Хартии детства (ратифицирована РФ в 1998 г.), Декларации прав ребенка (1959) и Конвенции ООН о правах ребенка (ратифицирована РФ в 1990 г.). Ее принятие позволило по-новому взглянуть на мир детства и привлечь к нему внимание общественности.

Законодательной базой социальной защиты детства в современной России выступают Конституция Российской Федерации (ст. 20 «Каждый имеет право на жизнь»⁹; ст. 38 «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей»)¹⁰, Семейный кодекс Российской Федерации (ст. 56 «Право ребенка на защиту»)¹¹, постановления и решения компетентных органов. В области социальной защиты детства такими органами являются Федеральное собрание РФ, Президент РФ, Правительство РФ, суды РФ, министерства и ведомства РФ, руководители учреждений и предприятий.

Другая форма социальной защиты детства — программы. Она характерна для органов государственной власти, занимающихся социальной защитой детства. Например, в федеральной целевой программе «Дети России» изложены основные направления деятельности государства по разным аспектам социальной защиты детства. Существуют планы мероприятий по социальной защите детства. Например,

План действий по улучшению положения детей в РФ на 2001—2002 гг. содержал мероприятия по созданию и развитию материальной базы социальной защиты детства.

Право на получение социальной защиты стало одним из важнейших элементов правового статуса ребенка. *Система социальной защиты детства — это система осуществляемых обществом и его официальными структурами мероприятий по обеспечению гарантированных условий жизни, поддержанию жизнеобеспечения и гармоничного развития ребенка с целью удовлетворения его потребностей и интересов.*

Несмотря на изобилие форм и методов в современной системе социальной защиты детства существуют значимые проблемы, в частности, отсутствие четкой формулировки понятия объекта социальной защиты. Объектом социальной защиты детства в широкой трактовке являются все дети, т. е. несовершеннолетние, нуждающиеся в специальной охране и заботе. Но, к сожалению, у разных детей существуют разные потребности, учесть их все очень сложно. Кроме того, в функционировании системы социальной защиты детства значительную роль играют ее субъекты: государство, СМИ, сеть учреждений социального обслуживания семьи и детей и др., но главным субъектом социальной защиты детства является семья. Поэтому разноплановая социальная защита семьи — первоочередная задача государства. Система защиты детства должна начинаться с защиты семьи, матери и ребенка.

Несмотря на имеющийся опыт создания правительственных программ, указов и распоряжений, социальная защита детства нуждается в усовершенствовании. К сожалению, проводимая социальная политика является весьма дифференцированной в субъектах РФ, а из-за отсутствия целостного подхода — менее эффективной. Создание единой системы социальной защиты детства на территории РФ способно решить ряд проблем в этой области. Следует отметить, что проблемы социальной защиты детства не остаются без внимания органов государственной власти и широкой общественности. На основе слаженности усилий этих структур социальная защита детства непременно будет совершенствоваться. Показательно, что деятельность системы социальной защиты в России считается все более и более

актуальной. Однако государство в условиях бюджетного дефицита, инфляции и неплатежей вынуждено было переложить решение многих вопросов по социальной поддержке населения на регионы, которые не имели для этого достаточных средств. Практика показала, что в переходный период осуществление адресной помощи на региональном уровне позволяет более эффективно распределять материальные ресурсы, точно определять состав нуждающихся детей в различных видах помощи и оказывать ее целенаправленно. Например, в Республике Мордовия действует «Адресный программный комплекс», цель которого — выявление и оказание помощи нуждающимся гражданам, в том числе детям. Анализ развития социальных институтов на региональном уровне, внедрения в практику социальной работы региональных систем социальной помощи ведется в работах А. И. Сухарева и его школы. Фундаментальные аспекты развития института социальной работы, системы социальной защиты семьи, материнства и детства отражены в трудах Л. И. Савинова. Изучаемая нами проблематика имеет более узкую направленность в социальной политике государства, но в то же время является необходимым механизмом ее реформирования¹².

Содержательная сторона современной социальной защиты детства характеризуется определенными принципами (всеобщность и доступность основных форм социальной защиты детства, многообразие форм и видов социальной защиты и др.), которые далеко не всегда соблюдаются субъектами социальной защиты. Ужесточение контроля субъектов социальной защиты приведет к полноценному функционированию системы. Не менее важной проблемой современной социальной защиты является обтекаемость формулировок законодательной базы. Возможность свободного толкования часто лишает реальных объектов оказания им надлежащей социальной помощи. Низкий уровень информирования населения (а иногда и дезинформирование) об объективных задачах, формах и методах социальной защиты детства приводит к снижению эффективности соцзащиты. Объекты попросту не знают свои права и гарантированные привилегии. Повышение социальной грамотности (например, посредством социальной рекламы) ликвидирует эту проблему.

Проблемой социальной защиты детства остается недостаточное финансирование. Действующая система материальной поддержки семьи не отвечает современным требованиям. Чаще всего у нее нет адресного характера, в результате чего пособия и льготы мало влияют на благосостояние семьи. Низкий уровень финансирования — проблема государственного масштаба. Российская Федерация, взявшая на себя обязательства по первоочередному вниманию к правам детей, их защите и развитию, пока не всегда способна эффективно решать эту задачу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гай. Институции / пер. с лат. Ф. Дыдынского; под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. 1997. URL: <http://www.ancientrome.ru/ius/source/gaius/intro.htm> (дата обращения: 22.10.2010).

² См.: Кузицин В.И., Маяк И.Л., Гвоздева И.А., Ершова Г.Г. История Древнего Рима: учебник для вузов, 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.И. Кузицина. М.: Высш. шк., 2001. 383 с.

³ Французский гражданский кодекс 1804 года (с позднейшими изменениями до 1939 года) / пер. с фр. И.С. Перетерский. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 114—115.

⁴ Кривелев И.А. История религий. Очерки в двух томах. М.: Мысль, 1976. Т. 2. С. 358.

⁵ См.: «Русская правда» (пространная редакция). Текст «Русской правды». URL: <http://www.okpravo.info/pam/12.htm> (дата обращения: 11.10.2010).

⁶ Цит. по: Мельников В.П., Холостова Е.В. История социальной работы в России: учеб. пособие, 2-е изд. М.: Издат.-книготорг. центр «Маркетинг», 2002. С. 325—326.

⁷ Там же. С. 330—331.

⁸ См.: Зезина М.Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР // Педагогика. 2000. № 3. С. 58—67.

⁹ См.: Конституция Российской Федерации. Государственный гимн Российской Федерации. М.: Юрайт-Издат, 2003. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ См.: Кодексы и законы Российской Федерации. СПб.: ИГ «Весь», 2007. С. 703.

¹² Девяткина Е.Н. Адресная социальная помощь: социологический анализ (на материалах Республики Мордовия). URL: <http://www.dissercat.com/content/adresnaya-sotsialnaya-pomoshch-sotsiologicheskii-analiz-na-materia-lakh-respubliki-mordoviya> (дата обращения: 12.11.2010).

Н. А. ШЕРИКБАЕВА **ВИРТУАЛЬНАЯ СРЕДА
КАК РЕСУРС ИДЕНТИЧНОСТИ
ДЛЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ**

Ключевые слова: информационные технологии, виртуальная среда, идентичность, социализация, самореализация, самоопределение, социальная интеграция

Key words: informative technologies, virtual environment, identity, socialisation, self-realisation, self-determination, social integration

Одна из важных особенностей современности — создание глобальной информационной инфраструктуры, потенциальными преимуществами которой являются более высокий уровень социальной интеграции, стимулирование развития демократических ценностей, сохранение и развитие культуры, создание дополнительных рабочих мест, установление баланса между нациями в экономическом и социальном прогрессе, более мягкая интеграция развивающихся стран в глобальную экономику. Концепция информационного общества связывается с концепцией устойчивого развития, предполагающей переход к таким формам производственной и социальной деятельности, которые сохраняют баланс в системе «человек — общество — природа»¹. При этом информационное поле нового типа пронизывает все сферы социальной жизни, затрагивая социальные процессы в различных институтах социализации.

Однако вопросы информатизации общества недостаточно разработаны в науке, существует немало проблем, ждущих своего благодарного исследователя. Многочисленные научные разработки в области социальной философии, социологии, социальной работы отмечают устойчивую тенденцию к увеличению числа лиц с ограниченными возможностями здоровья. По данным ООН, каждый десятый человек на планете имеет инвалидность. Сегодня информационные компьютерные и телекоммуникационные технологии, безусловно, являются

ШЕРИКБАЕВА Надежда Александровна, аспирант кафедры филологии для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета.

наиболее приоритетными в социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями. Социальная реабилитация включает в себя ряд мер, направленных на создание и обеспечение условий для социальной интеграции инвалидов, восстановление (формирование) социального статуса, утраченных связей и приобретения новых навыков, способствующих наиболее адекватно и комфортно чувствовать себя в окружающем мире.

Однако Интернет, уничтожая многие социальные барьеры, не снимает, а еще более остро ставит проблему идентичности. Необходимым условием существования в Сети является решение задачи самоопределения, поиска идентичности. «Отождествление себя с другим субъектом, группой, образцом — это механизм, с помощью которого индивид присваивает себе качества другого человека, преобразует себя целиком или частично по его образцу»². При этом социальная эффективность заключается в том, что новейшие информационные технологии позволяют «скрыть» многие физические недостатки инвалидов, что значительно облегчает их жизнь, а также дают возможность в каких-то областях деятельности вырваться вперед, что важно с точки зрения морально-этической и психологической стороны реабилитационного процесса³.

Это актуализирует проблему создания виртуальной среды как нового ресурса идентичности для лиц с ограниченными возможностями. В связи с этим нами проводилось исследование в Республике Мордовия, целью которого было выявление функциональной сущности, роли современных информационных технологий в процессе социальной реабилитации, а также информированности и отношения инвалидов к компьютерным технологиям в плане умения ими пользоваться и готовности их использовать в собственной реабилитации.

Процесс реабилитации лиц с ограниченными возможностями является одной из сложных социальных задач, особенно в сельской местности. Это обусловлено рядом объективных причин. Во-первых, существуют определенные трудности, связанные с качеством получаемого инвалидом среднего образования, возможностью получения среднего специального и высшего образования, а также переподготовкой и повышением квалификации. Во-вторых, в плане общения инвалид в сельской местности ограничен, как правило, территорией

своего села, а часто и двора или дома, хотя то же самое можно сказать и об инвалидах, проживающих в городской местности. Но психологически городской инвалид все же чувствует себя, со слов респондентов, более «масштабной фигурой», и эта масштабность выражена возможностью реализовывать большее количество коммуникаций. С другой стороны, инвалиды в сельской местности менее агрессивны и замкнуты. В ходе исследования они легко и охотно шли на контакт, не обращая внимания на то, что интервьюер иногда называл их инвалидом. На наш взгляд, это было связано с тем, что опрашиваемые не придавали большого значения своей инвалидности. Кроме того, в селе и городе существуют значительные сложности в трудоустройстве инвалидов, связанные с нежеланием руководителей принимать в учреждение лиц с ограниченными возможностями.

На наш взгляд, эти и другие недостатки реабилитационного процесса лиц с ограниченными возможностями могут быть преодолены при использовании современных компьютерно-коммуникационных и информационных технологий.

Для выяснения возможности и готовности инвалидов применять в своей реабилитации информационные технологии нами в 2005—2007 гг. было проведено анкетирование лиц с ограниченными возможностями в с. Кочкурово Кочкуровского района Республики Мордовия, Октябрьском и Пролетарском районах г. Саранска.

Это были люди в возрасте от 18 до 35 лет, имеющие I, II и III группы инвалидности. Объем выборочной совокупности составил 412 чел. Выбор этой возрастной группы не был случаен: индивиды именно этой возрастной группы наиболее активны, относительно легко приспосабливаются к современным условиям жизнедеятельности; этот возраст является основным источником трудовых ресурсов; в более старшем возрасте трудно освоить компьютерные технологии, так как человек, имеющий ограничения жизнедеятельности в течение многих лет, как правило, не желает осваивать что-то новое и, в определенном смысле, он уже смирился с положением, в котором находится. Также инвалидам более старшего возраста труднее преодолеть стереотипы прежнего индустриального общества и принять мировоззренческие установки нового, быстро меняющегося информационного общества.

В высших учебных заведениях учатся 27,7 % опрошенных, высшее образование имеют 23,04 %, среднее профессиональное образование — 29,1 %. В то же время 70,4 % заняты профессиональной деятельностью, но доля интеллектуального труда составляет 30,1 %, тогда как у 42,5 % работа связана с физическим трудом и сферой обслуживания, 17,1 % не работают. Эти данные показывают, что интеллектуальный потенциал инвалидов используется крайне низко.

На вопрос «Знаете ли Вы, что такое компьютер и Интернет?» утвердительно ответили 82,4 %, причем опыт работы на компьютере имеют 71,6 %, из которых 9,2 % находятся на уровне уверенного пользователя и 34,2 % — на уровне пользователя. С информационными технологиями знакомы 63,4 % респондентов. В основном это технологии обработки данных, удаленного доступа и мультимедиа. Опыт работы в Интернете имеют 47,4 % опрошенных инвалидов, а доступ к нему — 42,9 %. В большинстве своем к ним относятся студенты высших учебных заведений и техникумов. Хотели бы приобрести компьютер 42,7 % респондентов, а почти 31 % его уже имеет. На вопрос «Для каких целей Вам нужен компьютер?» 57,3 % ответили, что он необходим для учебы и работы; 77,6 % опрошенных считают, что Интернет и компьютерные технологии могут облегчить получение образования, а для 74,3 % они могут увеличить возможность трудоустройства.

В процессе профессиональной реабилитации 60,6 % респондентов готовы выполнять работу на рабочем месте, 36,2 % — делать ту же работу дома за компьютером. На наш взгляд, это связано с тем, что все-таки большинство инвалидов боится испытать дефицит общения. На вопрос «Что бы Вы предпочли и почему?» 71,3 % ответили, что выбрали бы работу, которая связана с компьютером, даже если она требовала бы обучения или переобучения, а 28,7 % предпочли бы работу, которая связана с физическим трудом.

Так как большая часть опрашиваемых (68,1 %) знакома с Интернетом, то ей известны технологии дистанционного образования. Не исключается также возможность использования (скачивания) различного рода информации, например, текстов печатных изданий, отсутствующих в каталогах библиотек.

На вопрос о возможностях использования Интернета в совершении покупок и оплаты различных платежей положительно ответили лишь 18,2 % респондентов. Вероятно, это объясняется не только незнанием таких технологий, но и тем, что они в республике, да и в России, не до конца отработаны. Кроме того, было отмечено, что при покупке необходимо «пощупать» товар, а Интернет исключает эту возможность.

Таким образом, результаты исследования показали, что большая часть инвалидов данной возрастной категории владеет информационно-компьютерными технологиями и готова их использовать в своей реабилитации. Однако уровень владения компьютером и информированности сельских инвалидов о возможности использования компьютерных технологий в реабилитационном процессе низок. Деревня, как всегда, остается в арьергарде применения современных достижений цивилизации. Хотя именно передовые компьютерные технологии могли бы в полной мере быть использованы в реабилитации лиц с ограниченными возможностями на селе, являясь весомым дополнением к существующим традиционным, «механическим» средствам реабилитации, а в некоторых случаях — полноценной и более эффективной их заменой.

В Республике Мордовия есть необходимый интеллектуальный потенциал для использования модели реабилитации инвалидов, связанной с применением информационно-компьютерных технологий в образовании и профессиональной сфере.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

² Шукшина Л.В. Экзистенциальная ценность социальных иллюзий: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2010. С. 30.

³ См.: За компьютером — инвалид. URL: <http://fenomen.go.kg> (дата обращения: 20.02.2010).

Поступила 14.12.10.

А. Г. СТЕПАНОВ

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Ключевые слова: общество, социальное познание, этническое, мировоззрение

Key words: society, social cognition, ethnic world view

Общество — сложная саморазвивающаяся система. Бесконечное многообразие отношений социального, природно-биологического, личного характера, реализующихся в определенных социально-экономических и конкретно-исторических условиях, является неотъемлемым фактором, детерминирующим комплекс социального познания. Обретение достоверного знания о существовании общественного развития связано с проблемой определения социального механизма его производства в широком понимании (социальные институты, культурно-исторические особенности, формы выражения знания, исследовательские парадигмы, ценностные предпосылки, убеждения и методологические возможности).

История развития социального знания ясно демонстрирует потребность перехода к исследованию процесса обретения знания о социальных феноменах с позиций его гуманитарного измерения. В отечественной гносеологической традиции вообще и теории социального познания в частности стремление достичь максимума объективности реализуется в контексте абстрагирования от качеств отдельных субъектов познания, для чего при характеристике носителя познавательной активности прибегают к конструированию его универсальной модели, представленной категорией «субъект познания», содержание которой выражает образ всех индивидов, осуществляющих познание. При этом в стороне остается тот

СТЕПАНОВ Алексей Георгиевич, доцент кафедры философии и методологии науки Чувашского государственного университета, кандидат философских наук.

факт, что конкретный акт познания всегда реализуется через определенного человека во всей полноте его индивидуальности, и именно этот аспект оказался наименее привлекательным для теоретиков гносеологических проблем.

Выявление человекомерных параметров научно-познавательного процесса включает в себя анализ мировоззренческой платформы познающего субъекта. Имманентной составляющей характеристики системы мировоззрения субъекта познания являются ее этнические аспекты, накладывающие свой отпечаток на весь механизм конструирования гносеологической ситуации и варианты ее решения. Этнические аспекты мировоззрения субъекта включают в себя систему приоритетов ценностей, представлений, сформированных в рамках определенной этнокультурной парадигмы.

Определение этнической составляющей мировоззрения субъекта в качестве ключевого аспекта исходной составляющей проблемы получения достоверного знания составляет основу современного подхода в научном познании в целом, так как представляет собой концентрированное выражение содержания социокультурных основ научного познания, в том числе и социального. «В перманентном генезисе мировоззрения, в его детерминации развитием деятельности субъекта в процессе освоения новых ступеней природы, мы усматриваем исходный пункт и фундаментальное в основании современного подхода к методологии научного познания»¹.

Определение генезиса свойств и качеств этнического мировоззрения как особого рода гносеологической реальности представляет обретение возможности понимания сущностных позиций личности познающего субъекта. Именно в силу этого обстоятельства философский анализ особенностей мировоззренческой составляющей, процесса социального познания является отправным пунктом нашего исследования.

Каждая форма организации знания неизбежно ассоциируется с определенной степенью упорядоченности. Любая теория является редукцией мировоззренческого базиса, составляющей элемент культурно-познавательной системы «субъект — научная картина мира». Теория сопрягается с практикой, а информационное обеспечение процесса познания в субъективном познавательном аспекте обретает необходимый смысл. Теоретическое знание в социальной отрасли всегда есть результат мыслительной проективно-

конструктивной деятельности исследователя. Познание в этом случае выражается конституированием нового типа знаний. Этот процесс не может быть сведен только к созданию абстракций и идеализации, а предстает как интерпретация, истолкование новой информации в контексте сложившегося комплекса этнокультурных приоритетов и ценностей, составляющих первоначальные основы мировоззренческой системы. Представляя реализацию конструктивного отношения к социуму как объекту познания, такой процесс проявляется в творческом поиске, парадигма которого детерминирована содержанием всей совокупности знания о действительности, организованного в том числе и в этнических формах, оказывающих воздействие на механизмы реализации познавательного процесса. Таким образом, знание является не самоцелью, а средством объяснения существующей проблемы в рамках определенной системы этнокультурных приоритетов, которая и придает смысл познавательной активности.

Как подчеркнуто Л. А. Микешинной, «познание всегда идет в „режиме“ выдвижения гипотез, что предполагает господство творческого, интуитивного и изобретательного начала, интерпретацию и проверку гипотез, активное смыслополагание, создание идеальных моделей и другие приемы не отражательного, но конститутивного и истолковывающего характера»². Эти аспекты творчества в познании проявляются при конструировании нового знания в системе уже имеющих представлений. Его сущностная новизна непременно требует кардинальной перестройки самого мыслительного аппарата, его оснований и, следовательно, формирования познающего субъекта нового качества: «...между нахождением, „добыванием“, конструированием истины и образованием — становлением субъекта интерпретирующего обнаруживается фундаментальная сущностная связь»³.

Осмысление человеком образов социальной действительности определяется не только качеством данности их содержания, но и субъективным «видением» этих образов, в том числе и через призму системы этнокультурных приоритетов. Восприятие — это не только прием субъектом внешнего воздействия, но и проекция обретенной и переработанной субъектом информации во внешний мир. Проекцией этнокультурной составляющей мировоззрения на мир явлений, существующих независимо от сознания, определяется форма

существования социального знания в конкретном сообществе. Мировоззренческие смыслы, имеющие этнокультурную природу, выполняют функцию модальности реализации познания, что позволяет ему также быть проявлением личностной активности субъекта, выражением его национального самосознания. Глубинные пласты смысловой информационной нагрузки программируются предшествующим опытом исследователя, попытками реализации собственного «Я» в конкретных условиях его деятельности, различной степени востребованности результатов его изысканий. Субъект обречен на включение в программу научного исследования собственных доисследовательских представлений, убеждений, догм, аксиом (постоянные мировоззренческой системы), культурных и этнических традиций, которые одновременно содействуют преодолению компонента неизвестности и субъективируют возводимый комплекс знаний, способствуя тем самым его доведению до логической завершенности. Этнический смысл определяет интенциональность познания, обусловленного вектором активности субъекта в процессе утверждения знания таким, каким он его понимает и представляет.

Знание обретает смысл через убеждения, которые представляют собой субъективный способ его актуализации сквозь призму доминирующих ценностей. Убеждения — это особый компонент психологической системы личности, выполняющий функцию механизма перевода информационного содержания в структуру духовного мира субъекта-личности. Это психологическая констатация истинности того арсенала возможностей, которым располагает субъект. Убеждения оказывают непосредственное воздействие на гносеологическую позицию и методологические предпочтения субъекта, выступая тем самым в качестве важнейшего составного элемента познания. Убеждения — это значимые стимулы познавательной активности, содействующие конструированию общих принципов теоретической и практической деятельности, которая является целью познания. Субъект реализует свою познавательную активность в частной социокультурной ситуации, и поэтому он всегда конкретен, а его цели и интересы четко определены комплексом этнически окрашенных ценностей, вследствие чего происходит такая трансформация информационного содержания, которая

позволяет ему удовлетворить личностные потребности и сохранить перспективы.

Этномировоззренческое обеспечение научной информации в системе социального познания во многом предопределяет ее успех и социальную востребованность, так как содержание и структура мировоззренческого знания определяют саму логику познавательного процесса, оказывают непосредственное влияние на конструирование методологического инструментария познания, соотносят его с социальным заказом. Категория «смысл» в контексте анализа места и роли этнических аспектов мировоззрения в социальном познании употребляется в значении характеристики степени освоенности субъектом объекта исследования во всем многообразии его востребованности социальной общностью. Явления, которые по тем или иным причинам не вызвали исследовательского интереса и оказались вне необходимости их анализа, выводятся за рамки системы социального бытия. Иными словами, адаптация смысла явления действительности к этническим формам мировосприятия есть необходимое условие его изучения, обязательно присутствующее на всех этапах познания, обладающее свойством всеобщности и реализующееся в качестве объективного фактора познания. Количественно-качественная определенность явления всегда производна от уровня организации его предметно-смыслового бытия. Естественное и смысловое состояние явления — не одно и то же. По своему содержанию предмет сам по себе может иметь отличную от определенного для него смысла функциональную нагрузку, но его место в системе бытия определяет человек, помещающий объект исследования в ту или иную систему культурных ценностей.

Детерминированный этнокультурной ситуацией субъект является единственным производителем, носителем и потребителем смыслового комплекса действительности. В таком случае весь доступный человеку «мир объективной реальности» предстает в качестве особо организованной, ориентированной на человека системы, в которой положение дел отражено в проекции, отличной от действительности, хотя и базирующейся на ней. Замкнутая на культуре субъекта система способна выявить только те свойства, которые возможны для человека, чье отношение к миру событий опосредует естественное положение дел, создавая кантовский

«мир для нас», т. е. субъект воплощает в производимом знании мир собственных представлений, основанных на имеющихся в его распоряжении ресурсах (способностях, навыках, опыте), ограниченность которых преодолевается, в том числе и через установку на целесообразность объекта исследования и полученной информации в контексте ее соответствия этнической парадигме культурной организации. Это позволяет создать целостный, упорядоченный, органический образ бытия, увязать новую информацию с уже имеющимися знаниями о закономерностях организации действительности.

Этнокультурный аспект мировоззрения субъекта — обязательное условие системной упорядоченности знания, вызванное к жизни необходимостью рационализации процесса освоения действительности в соответствии с определенным комплексом культурно-познавательных идеалов. Система культурно-познавательной парадигмы этнической составляющей мировосприятия социальных процессов представляет собой четко структурированную организацию, функция которой заключается в недопущении необратимых последствий для ее существования. В связи с этим практическая целесообразность, обусловленная этнокультурными особенностями познавательной жизни субъекта, становится доминирующим принципом достижения знания, а процессы по его обретению реализуются в соответствии с качествами культурно-познавательной системы. Свойства исследуемого объекта не могут быть ирревалентными, субъект извлекает информацию о них с точки зрения конкретных проблем, стоящих перед субъектом познания.

Это значит, что любая поступающая информация опосредуется комплексом имманентно присущих субъекту идеальных сущностей, имеющих определенное содержание, структуру, направленность, которые обусловлены уровнем общественного развития. Социальное познание обусловлено предшествующей познавательному процессу значимой информацией. Произведенное социальным исследованием знание производно от мировоззренческой информации как конкретизация абстрактного общего представления, где конкретное определяется как предельно содержательное знание. Мировоззренческая информация, окрашенная в этнические тона, как доминирующий на начальном этапе познания ор-

ганизирующий момент выступает в качестве координирующей базы установления отношений непосредственного взаимодействия внутренних установок субъекта познания с объективным началом исследуемого феномена. Взаимодействие объективного и субъективного «миров» в процессе отношения исследователя с предметом познания осуществляется в рамках сформированной культурно-познавательной системы «субъект — носитель определенной системы этнокультурных ценностей — научная картина мира».

Этническое мировоззрение имманентно включено в информационное содержание эмпирических данных и становится их типологической характеристикой. Оно выступает как объединяющий фактор для всех уровней производимых теоретических знаний в качестве их типа. Значимость такого производства обеспечивается обретением сознанием субъекта системной интенциональности. Предназначение этнического мировоззрения в познании заключается в обеспечении адекватности знания внутреннему миру субъекта, который и образует сферу его личной жизни, оно согласовывает субъективное «Я» с внешним миром, гармонизирует его субъективные потребности и интересы с объективным положением дел, личное и общественное. Мировоззренческие этнические основания познания предстают в виде устойчивых, долгоживущих, глубинных ориентаций, предпочтений, идеалов и других ценностных образований субъекта, характеризующих его взгляды на окружающий мир и на свое место в нем, влияющих на определение цели деятельности, формирование предмета и выбор средств деятельности, характер выполняемых действий и потому сказывающихся на ее результатах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кульков Ю.П. Мировоззрение в познании природы. Йошкар-Ола: Мар ГТУ, 2005. С. 25.

² Микешина Л.А. Методология научного познания в контексте культуры. М.: Прометей, 1992. С. 100.

³ Там же.

Поступила 25.10.10.

Л. Ф. БОГДАНОВА РОЛЬ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ГЕНЕЗИСЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Ключевые слова: этнос, этническое сознание, политика, идеология, этноцентризм, национализм, этническая элита

Key words: ethnos, ethnic conscience, policy, ideology, ethno-centrism, nationalism, ethnic elite

В отечественной науке этническая идеология долго не была объектом специальных исследований в силу разных объективных и субъективных причин. Этническая идеология и этнические интересы считались проявлением национализма и получили негативную оценку в советском общественном сознании. Только на рубеже XX—XXI вв. начали появляться работы, в которых этот термин используется в нейтрально-положительном смысле. В западной социологии и политологии данное явление рассматривалось в положительном смысле, т. е. как способствующее развитию общества. В качестве опосредствующего «инструмента» идентификации вместо «обобщенного другого» Дж. Мида у Э. Эриксона выступает «идеология» «систематизированная совокупность идеи и идеалов»¹. Этнической системе нужна идеология, которая соединяла бы в себе фундаментальные ценности, потому что идеология, не имеющая их в своей основе, не может «дать сознанию те нормы, которые только и представляют всякому мышлению его ценность и значение»². О любой идеологии можно судить только на основе анализа значимых для нее ценностей.

На уровне исторического бытия этнической системы важное значение приобретает историческое наследие. Так как все сохранять невозможно, то каждая последующая эпоха неизбежно живет «на кладбище» предыдущих эпох, и необходимо признать, что сохранять все — значит не сохранять ничего. Поэтому приходится отбирать самое ценное. Следовательно, нужны критерии отбора. Разница между наследством и на-

БОГДАНОВА Лиана Фяритовна, соискатель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саранского кооперативного института.

следием заключается в том, что наследство — это все то, что новое поколение «наследует», т. е. получает от прошлого; то, что пережило прошлое (вещи, идеи, социальные институты, информация и т. д.). Наследие — это то, что сознательно сохраняется; та часть наследства, которая ценна (заслуживает сохранения) с точки зрения некоторого проекта жизнедеятельности. Например, у мордовских субэтносов (мокши, эрзи) существует высокоразвитая система норм и правил, охватывающая практически все стороны жизни, жизненные ситуации и формы поведения. К этим правилам мордва относится как к наследию, т. е. как к тому, что, с одной стороны, в значительной мере больше не существует как нечто актуальное, является частью прошлого «проекта», а с другой — осознается как высокая ценность, как то, что определяет этническое своеобразие мокши и эрзи.

Существует задача возрождения этнической традиции, т. е. того, что раньше было принято называть «миссией» или «идеей» народа. В Республике Мордовия, как и в ряде других республик Среднего Поволжья, реализуется этнопроект национального единства на основе традиционных ценностей. Этот пример ведет к предположению о том, что всякий проект изменения и сохранения наследия должен иметь свою идеологию.

Помимо изменения исторического наследия, в этнической системе возникает необходимость нивелирования военного прошлого. Военные столкновения между субэтнотами этнической системы или этносами суперэтнической системы рассматриваются как незначительные столкновения, а на первый план выдвигается совместная борьба, направленная на достижение общих интересов. Процессы нивелирования военной истории заметны в этническом сознании современных народов Европы и Северной Америки, у латиноамериканцев, россиян и др.

Функционирование этнического сознания на идеологическом уровне приобретает иной характер, в котором особую роль начинают играть политические и идеологические измерения, не говоря уже об экономических, которые всегда имели большое значение. Признаки политизации и идеологизации становятся особенно заметными, когда речь идет об этноцентризме. По логике рассуждения У. Г. Самнера, который ввел в научный оборот этот термин, а также по

опыту современной общественно-исторической практики этноцентристские тенденции свойственны не только этническим группам в их традиционном понимании, но и значительно более широкому кругу сообществ, в связи с чем и сам этноцентризм приобретает различные окраски, сохраняя в то же время некоторые общие свойства³. Многообразие проявлений этноцентризма отразилось и на концептуальном определении содержания этого понятия. В большинстве случаев определения этноцентризма совпадают в основном с пониманием его У. Г. Самнером, однако оценки ему даются критические, негативные. Так, в «Энциклопедии психологии» этноцентризм определяется как «аттитюд и/или идеология, касающиеся взаимоотношений между собственной группой индивида и другими группам. Позитивные характеристики группы (социологической или неформальной) субъекта резко подчеркиваются, в то же время свойства других групп и их члены оцениваются по стандартам группы субъекта и при этом очерняются»⁴.

Другие исследователи дают более абстрактные определения, в которых сущность этноцентризма приобретает смягченный, почти нейтральный характер. Например, у Дж. Макдэвида и Г. Харари этноцентризм — это как «тенденция видеть в качестве центра свою собственную группу и с недоверием относиться к аутсайдерам»⁵. Эти же авторы считают, что «некоторые люди особенно склонны видеть в качестве центра своих отношений свою собственную группу и с преувеличенными предрассудками относиться к другим группам»⁶. Как видим, этноцентризм рассматривается как относительно небольшое «отклонение», причем лишь в личностных свойствах отдельных людей, а не как фактор межгрупповых и международных отношений.

Некоторые авторы допускают существование различных уровней этноцентризма, которым соответствует разное содержание этого явления. Так, Р. Левайн и Д. Кэмпбелл, осуществившие наиболее глубокое исследование проблемы этноцентризма, хотя и не претендуют на всестороннее его определение, однако предлагают самую общую формулу этого понятия, а затем выделяют «наивную форму» этноцентризма и более сложный уровень. По их мнению, этноцентризм стал знакомым словом, понимаемым по аналогии с «эгоцентризмом», чаще всего как отношение (аттитюд) или взгляд на

вещи, при котором ценности, приобретенные из собственной культуры, применяются к контекстам других культур, где действуют совсем другие ценности. В наиболее наивной форме этноцентризма индивид бездумно принимает ценности собственной культуры как объективную реальность и автоматически использует их как основу для суждений о менее знакомых объектах и событиях⁷. Как и в эгоцентрической стадии мышления, по мнению Ж. Пиаже, «такому индивиду не приходит в голову, что могут быть другие точки зрения. На более сложном уровне эгоцентрический аттитюд или подход принимает во внимание, что существуют и другие точки зрения, но при этом рассматривает нормы других культур как неправильные, низшие или аморальные»⁸.

Анализируя различные теории этноцентризма, исследователи приходят к выводу о том, что «этноцентризм может характеризовать когнитивные и эмоциональные свойства индивида, идеологию и стереотипы культуры, а также коллективные действия и официальную политику или же все это вместе взятое, проявляясь как общий синдром»⁹. Думается, что это наиболее полная и всесторонняя характеристика этноцентризма, включающая личностный (особенности сознания индивида), социально-психологический (идеология и культура группы) и политический (официальная политика) уровни. Вместе с тем здесь отражается как субъективный аспект этноцентризма (в форме проявлений сознания), так и объективный (в виде коллективных действий). В данном случае реализуется стремление исследователей выработать системный подход к проблеме этноцентризма. Однако главная особенность такого типа этнического самосознания в том, что его носители признают равное право всех «других» на их собственную самобытность, их способ жизни, ценности, нормы и т. п. и не считают возможным навязывать другим (а тем более силой) свои представления, нормы и ценности.

Помимо идей этноцентризма, необходимо рассмотреть доктрины национализма применительно к этническим общностям. Национализм как доктрину и политическое движение легче определить, чем понятие нации. Это утверждение, пожалуй, разделяется большинством ученых¹⁰. Национализм имеет значение идеологической доктрины этнополитики применительно не только к нациям, но и этническим общностям другого иерархического порядка (субэтносам, суперэтносам).

Существовали попытки классифицировать виды национализма. Помимо деления на этнокультурный и гражданский, может быть и иное основание для классификации — соотношение с государством или системой государств. Так, Дж. Брейли выделяет три типа: сепаратистский (направленный на отделение от государства), реформаторский (имеющий целью придать более национальный характер государству) и ирредентистский (нацеленный на объединение нескольких государств или присоединение части одного государства к другому). Каждый из этих типов подразделяется в зависимости от того, идет ли речь о движении против или в поддержку уже сложившегося национального государства (государств) или о донациональных формах государственности (империя, совокупность раздробленных княжеств и т. д.)¹¹. Б. Андерсон и Дж. Хол вычленяют типы национализма, привязанные к конкретным регионам и историческим периодам. Б. Андерсон перечисляет «креольский» национализм в Латинской Америке, лингвистический национализм в Европе XIX в., официальный национализм и империализм, колониальный национализм третьего мира¹². Дж. Хол добавляет сюда «революцию сверху», т. е. создание первых наций в Великобритании и Франции усилиями государства; «интегральный национализм», отстаивающий чистоту нации, и т. д.¹³ Все это многообразие типов еще раз подтверждает мысль о том, что национализм — это не однопорядковое явление, а совокупность взаимосвязанных идеологий и политических практик. Исследователи проблем национализма неизменно указывали на тесную взаимосвязь между национализмом и модернизацией¹⁴. Так, А. Гершенкорн утверждает, что национализм помогает разрушить барьеры стагнации, существующие в отдельной стране, зажечь воображение людей и направить их энергию на службу делу экономического развития, а также характеризует национализм как «идеологию отставшей (отложенной) индустриализации», которая порождает веру в то, что «золотой век» ждет человечество впереди, а не остался позади¹⁵. Особенно важным является положение, которое разделяется многими специалистами по национализму: национализм необязательно направлен на изменение территории государств, он может добиваться соответствия нации государству в уже существующих государственных рамках. Это то, что Б. Андерсон

называет «официальным», а Дж. Брейли — «правительственным» национализмом, Э. Хобсбаум — «правительственной перспективой». Сюда включаются сознательные усилия государства по строительству нации и утверждению национальной идентичности населения, а также борьба против тех, кто поощряет другие формы идентичности, в том числе альтернативные формы национализма¹⁶. Э. Хобсбаум в ряде работ подробно описывает мобилизацию государственными элитами этнических чувств своих граждан, перенос значимых символов идентичности на государственный уровень¹⁷. В процессе строительства российской государственности и государственности республик официальный национализм на разных уровнях способен порождать (и порождал) конфликты между правительствами и отдельными группами населения и между самими правительствами.

Разные группы ведут борьбу за право своего истолкования символа государства, придания ему смысла, тем самым используя его для легитимации своих действий. Исследователям этой связи эффективнее не задавать вопросы в плане того, хорош национализм или плох, а выяснить, каких программ он придерживается, и оценивать их как радикальные, либеральные или реакционные. Важно также оценить, каковы социальные и политические условия, ведущие к успеху какой-либо из этих программ.

Традиционно большую роль в генезисе этносазнания на идеологическом уровне играет интеллигенция. Являясь компонентом этнической системы, она оказывает влияние на идентификационное сознание (этническое самосознание) — сферу, которая быстрее всего реагирует на политические и социальные изменения в обществе. Этническая идентичность — это не только принятие определенных групповых представлений и готовность к сходному образу мыслей, но и представление системы отношений и действий в различных этнополитических ситуациях. Чем больше членов этнической системы разделяют общую идентичность, тем больше вероятность совместных действий в ее защиту.

Роль интеллектуалов проявляется в формировании идей, взглядов и настроений социально-этнических общностей, особенно на идеологическом уровне. Играя роль не только генератора, но и распространителя идей, интеллигенция оказывает двойное влияние на идентификационное самосоз-

вание членов этнической системы. В связи с этим влиянием можно выделить две группы интеллигенции. Первая — это лидирующая группа интеллектуалов, которая разрабатывает идеи, демонстрирует их, мобилизует вокруг них различные этнические общности. Часть этой группы можно охарактеризовать как «публичную элиту», ее задачей является выход на массы. Другая часть — идеологи, работающие за письменным столом (социологи, историки, философы, юристы) и разрабатывающие идеологию для властных или оппозиционных структур, в том числе и для «публичной» элиты. Вторая группа выполняет инструментальную функцию в обществе (врачи, ученые, писатели, артисты, учителя и т. д.). Эту группу еще называют социальной элитой, назначение которой — передача повседневных образцов поведения.

Важная роль в формировании этнической идеологии принадлежит этнической элите. М. Шелер полагает, что элита никогда не возникает из самой политической сферы, она рождается «из новых духовных... движений»¹⁸. Он считает, что формирование настоящей элиты — длительный процесс. «Элиты, которые не просто выполняют важную в определенное время функцию умного и мудрого распоряжения каким-либо политическим и культурным достоянием, не показываясь на свет преждевременно; а возможно это в наше время не иначе, как путем медленного слияния «кругов», образовавшихся вокруг лидирующих личностей»¹⁹. Значение этнической элиты в процессах политической мобилизации зависит от восприятия ее как легитимной власти. Легитимность — необходимый атрибут политической системы²⁰.

Можно согласиться с В. И. Козловым, который считает, что процесс формирования сознания этноса обычно шел не «снизу», а «сверху», определялся деятельностью литераторов и гуманитарной интеллигенции, а также политиков и этнической элиты, которые нуждались в этнической опоре и в организованной этнополитической мобилизации народа²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Erikson, E.A. Memorandum on Identity and Negro Youth / A Way of Looking at Things. Selected Papers / Edited by Stephen Schlein. N. Y., 1995. P. 647.

² Хайдеггер М. Феноменология и трансцендентальная философия ценности. Киев, 1996. С. 36.

³ См.: Самнер У.Г. О происхождении и сущности эгоцентризма. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/artikle_full.php?aid=546 (дата обращения: 14.01.2011).

⁴ Энциклопедия психологии / ред. И.В. Айзенка. М., 1996. С. 539.

⁵ Цит. по: Рошин С.К. Проблема этноцентризма: теория и политическая действительность XX в. // Расы и народы. Вып. 23. М., 1993. С. 71.

⁶ Цит. по: Дробижева Л.М. Этническое самосознание русских: идеология и практика // Сов. этнография. 1991. № 1. С. 30.

⁷ См.: Рошин С.К. Проблема этноцентризма ... С. 74.

⁸ Пиаже Ж. Генезис элементарных логических структур. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. С. 28.

⁹ Рошин С.К. Проблема этноцентризма ... С. 75.

¹⁰ Дробижева Л.М. Этническое самосознание русских ... С. 32.

¹¹ См.: Казинцев А. ГКЧП-3 // Наш современник. 1996. № 3. С. 194.

¹² Там же.

¹³ См.: Кургиян С., Бардахчиев Ю., Дмитриев М. «Туманган» — символ поражения // Завтра. 1996. № 15. С. 10.

¹⁴ Там же. С. 11.

¹⁵ См.: Макашов А. Бить в колокола // Завтра. 1996. № 1. С. 12.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 14.

¹⁸ Шелер М. Формы знания и образование. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 305.

¹⁹ Там же. С. 100.

²⁰ Там же. С. 104.

²¹ См.: Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Сов. этнография. 1975. № 2. С. 42.

Поступила 28.01.11.

О. А. БОГАТОВА

Е. И. ДОЛГАЕВА

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНЕ: ИНТЕГРАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Ключевые слова: этничность, регион, этнические различия, институты, этнокультурная политика, мультикультурализм, общественные движения, финно-угорский мир

Key words: ethnicity, region, ethnic difference, institutions, ethno-cultural policy, multi-culturalism, public movements, Finno-Ugric world

Под национальной (этнокультурной) политикой в современном российском обществе понимается комплекс идеологий и практик, формируемых и осуществляемых государственными институтами или при их поддержке, для оптимизации межэтнических и межкультурных отношений, устранения или предотвращения межэтнических конфликтов и проблем. Этнокультурная политика в Республике Мордовия может рассматриваться как в основном соответствующая модели взаимодействия этнических групп, которая может быть названа мультикультурной моделью, а также моделью «равной интеграции», или «интегрированного многообразия».

БОГАТОВА Ольга Анатольевна, профессор кафедры социологии Мордовского государственного университета, доктор социологических наук.

ДОЛГАЕВА Евгения Ивановна, доцент кафедры социологии Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

Это явление в последнее время широко обсуждается в западной литературе и рассматривается либо как идеология и политика, либо как социальная технология. Как отмечают Л. М. Дробижева и И. М. Кузнецов, в России модель мультиэтнического общества, культурного плюрализма, при котором за народами в государстве признаются равные права на участие в жизни общенационального сообщества, закреплена законодательно в таких важнейших нормативно-правовых документах, как Конституция РФ и Концепция государственной национальной политики России².

В качестве неотъемлемой составной части политики культурного плюрализма В. А. Тишков, как и ряд других представителей экспертного сообщества и политиков, рассматривает проект полиэтничной и поликультурной российской гражданской нации, предполагающий создание общероссийской гражданской идентичности и ставший частью официального политического дискурса с 90-х гг. XX в. В 2008 г. создано общественное движение «Общероссийский союз общественных объединений (ОСОО) „Российская нация“» с целью распространения и упрочения в обществе идеи политической и гражданской нации в России³.

Этнокультурная политика в регионах, включая в первую очередь республики в составе РФ, характеризуется значительным разнообразием и не во всем совпадает с официально декларируемой федеральным центром моделью. Так, Г. И. Макарова, сравнивая тенденции развития федеральной и региональной этнокультурной политики, отмечает, что «в то время как федеральный центр стремится к централизации управления процессами этнокультурного развития», регионы и, в частности власти Татарстана, «подчеркивают значимость дальнейшего проведения в стране политики признания и поддержки этнокультурного многообразия. Причем такого рода политика понимается в регионе как важнейшее условие интеграции полиэтничного и поликонфессионального населения страны»⁴.

В то же время анализ дискурсов политических и общественных деятелей, работников культуры и журналистов, ответственных за разработку и реализацию этнокультурной политики на уровне регионов, предпринятый в Татарстане на основе данных экспертного опроса, позволил Г. И. Макаровой и Е. А. Ходжаевой сделать вывод о том, что современная

региональная этнокультурная политика формируется не на основе западного опыта мультикультурализма, вовсе не знакомом республиканской политической и культурной элите, а «на советских представлениях о природе таких феноменов, как этнос, национальная культура, государство и т. д.»⁵. Основными субъектами референции являются «государство и его этнические группы», рассматриваемые как коллективы, имеющие четкие групповые границы и осознанные интересы. Их позицию характеризует «стихийный примордиализм», выражающийся в понимании этничности «как некоей объективной данности», основанной на общем происхождении, культуре и психологии, а также в отождествлении этноса и нации как политической общности⁶.

Таким образом, мультикультурализм в постсоветской этнокультурной политике (как на федеральном, так и региональном уровне) часто редуцируется к хорошо известным и привычным советским установкам и практикам, характерным для политики «многонациональности» и направленным на интеграцию этнических групп при условии их равноправия и сохранения этнокультурного своеобразия. Принципиальное различие западной и советской моделей этнического плюрализма заключается в том, что отечественная модель нормализует и легитимирует территориализацию и огосударствление этничности, в том числе и на уровне республик. С другой стороны, в постсоветском варианте национальная политика в республиках также предполагает осознание этнокультурных различий и полиэтничности современного российского общества, тем самым препятствуя подмене общегражданской идентичности этнонациональной. Конкретные политические практики в рамках этой модели имеют интегративно-плюралистическое содержание, делая акцент на исторически сложившемся статусе республик как неотъемлемой и в то же время особенной части России.

В частности, Республика Мордовия демонстрирует, что акцентуация этнокультурного многообразия на уровне региональной политики может способствовать как поддержанию этнических различий, так и относительно гармоничной межэтнической интеграции. В целом модель этнокультурной политики, которая осуществляется в Мордовии, можно охарактеризовать как мультикультурную и интеграционистскую, так как она позволяет использовать все позитивные

аспекты интеграции в российское социальное, политическое и языковое пространство наряду с международным сотрудничеством и интеграцией в международное финно-угорское сообщество.

Символическое обозначение этнической специфики Мордовии, а также символическое повышение престижа мордовской этничности в этой модели этнокультурной политики достигаются в числе прочих средств постоянным напоминанием о российской макроидентичности и лояльности республики, которое реализуется, в частности, в ходе празднования различных событий и дат, связанных с интеграцией мордовского народа в состав Российского государства. Последним по хронологии событием из этого ряда является планируемое в 2012 г. празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства (Указ Президента РФ Д. А. Медведева от 11 января 2009 г. № 46). Согласно принятой в Мордовии официальной интерпретации, смысл этого документа заключается во включении мордовского народа в число государствообразующих народов России. Глава Республики Мордовия Н. И. Меркушкин считает этот юбилей весьма важной датой: «Это мероприятие должно сыграть в пользу всего финно-угорского мира, на консолидацию наших народов. В советское время мы отмечали 500-летие добровольного вхождения Мордовии в состав России. Кто-то недавно отмечал 400-летие. Но в грядущий праздник закладывается совершенно иная идеология. Мы вместе создали это государство и теперь отвечаем за все его успехи и за то, что пока не получилось сделать»⁷. Основанием для такой интерпретации является различие в терминах «вхождение в состав» и «единение», поскольку последнее, с точки зрения республиканской элиты, характеризует двусторонний и паритетный характер процесса.

Этнокультурная политика, проводимая в республике совместными усилиями ряда республиканских министерств и ведомств (Госкомитет (с 2010 г. — Министерство) по национальной политике, Министерство культуры и подведомственные ему учреждения, Министерство печати и информации и республиканские СМИ, Министерство образования РМ, местные администрации и т. д.), исходит из концептуальной идеи полиэтничного и поликультурного регионального сообщества и необходимости поддержания

этнокультурного разнообразия как ценности и условия сохранения межэтнического согласия в регионе. Вместе с тем в Мордовии подчеркиваются этнические функции республики, направленные на поддержку культуры титульного, мордовского, этноса. Концепцию республик как этнической государственности поддерживают политическая элита Мордовии и сотрудничающие с нею этноориентированные общественные организации.

Так, в интервью Председатель Совета Всероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации», заместитель Председателя Правительства Республики Мордовия П. Н. Тултаев заметил: «Таким финно-угорским народам России, как удмурты, мордва, марийцы, коми, карелы, сохранить свой язык и культуру легче. У них есть республики, в которых Конституция отмечает, что эти языки являются государственными»⁸. Концепция этнической государственности в Мордовии прослеживается на уровне публичных заявлений и массовых мероприятий. Составной частью этнокультурной политики республики является проведение, начиная с 90-х гг. XX в., съездов мордовского народа. Последний по времени проведения V съезд мордовского народа состоялся 28—31 октября 2009 г. В нем приняли участие 310 делегатов (из Мордовии — 158 чел., из других регионов — 152 чел.) и 160 наблюдателей и гостей из числа представителей федеральных и региональных органов исполнительной власти РФ, общественных организаций и деятелей культуры. Съезд прошел под девизом «Все мы — Россия: 1000 лет вместе» в соответствии с идеологией предстоящего юбилея, определившей до 2012 г. лозунги всех значимых общественных мероприятий республиканского масштаба. В то же время съезд был посвящен проблемам, связанным с этнокультурным развитием и статусом мордвы в России, а его тема формулировалась как «Консолидация мордвы России в условиях глобализации»⁹.

Создание условий для сохранения и развития языка и культуры титульной, мордовской, национальности, как и учет интересов других этнических групп, проживающих в республике, достижение межнационального согласия на основе социального партнерства, в 2000-е гг. стабильно относилось к числу приоритетов этнокультурной политики. Как отметил

Глава Республики Мордовия Н. И. Меркушкин в Послании Государственному собранию РМ от 23 декабря 2004 г., «нам еще очень многое нужно сделать для того, чтобы выполнить возложенную страной на нашу республику миссию: сохранение и развитие культуры, языков, традиций мордвы как одного из народов великой России. Эта миссия возложена на нас с самого дня создания мордовской автономии. И выполняться она должна последовательно, без малейшего ущемления прав людей других национальностей, живущих в республике. Межнациональное согласие прочно там, где каждая национальная культура расцветает ярко, красочно, привлекая интерес и внимание представителей других культур, укрепляя этим дружбу и взаимопонимание»¹⁰.

Этническая специфика республики не просто декларируется, а постоянно производится при помощи новых культурных символов, «знаковых» мероприятий и изменения культурных кодов. К их числу относятся ежегодный фольклорный Республиканский фестиваль «Шумбрат, Мордовия!» (он проводится с 1997 г.), национальные семейные ансамбли «Сиянь суркс» (2008—2010), Международный фестиваль «Вейсэ джаз», ежегодная Всероссийская выставка-ярмарка художественных промыслов и ремесел финно-угорских народов, Международный этнокультурный фестиваль-экспедиция «Волга — река мира: диалог культур народов Поволжья» (он проводится с 2002 г. по инициативе Межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа и саратовской общественной организации «СОФУН»), Межрегиональный фестиваль высокой моды финно-угорского костюма «Масторава» (2009—2010), дни финно-угорских культур. 29 октября 2010 г. в г. Саранске прошел очередной концерт Межрегионального фольклорного фестиваля «Финно-угорский транзит: этническая феерия», в котором приняли участие фолк-группа «Морденс» (Мордовия) и гости из Марий Эл.

Значимыми событиями этнокультурной жизни республики стали международные фестивали: I Международный фестиваль культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-Угрия!», состоявшийся в июле 2007 г., на открытии которого присутствовали Президент Российской Федерации В. В. Путин, Президент Финляндии Т. Халонен и премьер-министр Венгрии Ф. Дюрчань; Межрегиональный фестиваль

хоровой музыки финно-угорских народов «Масторавань мора!» (2009); Международный фестиваль этнофутуристов «Артана»; XXIII Международная студенческая конференция финно-угроведов «IFUSCO» (2007); IX Международный конкурс высокой моды национального костюма «Этно-Эрато — 2008» и т. д.

Как показывает опыт Мордовии, на республиканском уровне в постсоветской этнокультурной политике по-прежнему используются практические методы территориализации этничности, например, формирование предписанных этнических статусов через пропаганду этничности и учет населения в соответствии с категорией национальности. П. Н. Тултаев отнес к приоритетам этнокультурной политики республики лингвистические (сохранение мордовских языков) и демографические (сохранение и восстановление численности мордовского этноса без деления на эрзя и мокшу), для чего предполагалось использовать институт Всероссийской переписи населения: «Очень часто люди просто не придавали значение вопросам переписи: ну, живу я в России, значит русский. Я знаю, что и в других финно-угорских регионах России есть подобные проблемы. Мы, мордва, хотим вернуть статус миллионного народа. Предпосылки для этого есть. ...От имени президиума Ассоциации финно-угорских народов мы обратились в Государственную Думу России, просили внести поправку в процесс проведения переписи. Опрашиваемый должен был национальность написать своей рукой, переписчик не имел право писать вместо него. Но... предположим, пожилая женщина плохо видит, плохо говорит по-русски, да и что-то написать уже не получается, то тогда как? Нас услышали. Внесены поправки. Теперь переписчик сам может написать национальность опрашиваемого»¹¹. В данном случае очевидна преемственность с советской национальной политикой в использовании переписей населения в качестве инструмента структурирования социального пространства региона, формирования этнической модели «видения и разделения» мира.

Средством реализации этнокультурной политики в республике является развернутая инфраструктура, создающая условия для воспроизводства культуры различных этнических групп в форме изучения мордовских языков в школах и вузах, книгоиздания, использования мордовских языков в

СМИ, национально-культурных центров, фольклорных коллективов и фестивалей, а также некоммерческих и неправительственных организаций, тесно сотрудничающих с Министерством Республики Мордовия по национальной политике при всесторонней государственной поддержке, в том числе финансовой. По состоянию на конец 2009 г. в республике были зарегистрированы одиннадцать этнокультурных общественных объединений, в том числе Межрегиональное общественное движение мордовского (мокшанского и эрзянского) народа. В республике функционирует также некоммерческая ассоциация «Поволжский центр культур финно-угорских народов». Общая сумма президентских грантов, выигранных общественными организациями Мордовии, на 2010 г. составила более 9,5 млн руб. (в 2009 г. — 6,4 млн руб.). Самый большой грант в размере 3 млн руб. выиграл Поволжский центр культур финно-угорских народов на развитие выпускаемой им «Финно-угорской газеты» и расширение сети корреспондентских пунктов газеты в регионах России¹².

Наряду с Республикой Дагестан и Алтайским краем Мордовия является одним из трех пилотных регионов, в которых в рамках совместной программы Совета Европы, Европейской Комиссии и Министерства регионального развития РФ будет проходить конкурс проектов, направленных на развитие культур этнических и национальных меньшинств в России. На осуществление программы в пилотные регионы будут направлены 2 750 000 евро¹³.

К числу сфер социальной жизни, на которые распространяется этнизирующее воздействие официального дискурса, в Мордовии, безусловно, относятся практики создания и поддержания публичного образа республики через публикации в СМИ и массовые мероприятия, также широко освещаемые СМИ. К социальным институтам, поддерживающим у населения сознание принадлежности к специфическому в этническом отношении субъекту РФ, относится республиканская система образования, в которой с 2004 г. было введено преподавание мордовских языков во всех общеобразовательных школах как предмета или факультатива. Согласно статистическим данным, в дневных общеобразовательных школах республики в 2007/2008 учебном году на русском языке обучались 95,9 % школьников, мордовском — 3,7 % (мокша — 2,2 %, эрзя — 1,5 %), татарском — 0,4 %. Однако при этом 23,2 %

школьников изучали мордовские языки как предмет¹⁴. Эта цифра ниже доли учеников мордовской национальности в составе учащихся, но все же близка к ней.

К уставным функциям Министерства Республики Мордовия по национальной политике относится помощь мордовским диаспорам в регионах России в удовлетворении их этнокультурных и образовательных потребностей. Эффективным способом такого сотрудничества является заключение соглашений между Правительством РМ и правительствами регионов компактного проживания мордвы, а также межведомственных соглашений с регионами о сотрудничестве в области культуры, образования, книгоиздательской деятельности, проведения выездных и межрегиональных фестивалей, выставок, этнокультурных и этнографических экспедиций. Кроме того, в Мордовии ведется работа с регионами с компактным проживанием мордовского народа для привлечения на учебу в вузы и учреждения среднего профессионального образования республики выпускников школ из разных субъектов РФ. Так, в 2010 г. в учреждения высшего профессионального образования республики поступили 690 чел. из 34 субъектов РФ, в том числе в Мордовский государственный университет — 464 чел., что на 119 чел. больше, чем в 2009 г.¹⁵

Для воспроизводства этнического и культурного многообразия служит и республиканская политика по отношению к СМИ. По состоянию на 2010 г. в республике при государственной поддержке издавались этнические издания, в которых были представлены материалы на мордовских (две газеты и четыре журнала), татарском (газета «Юлдаш») языках или информация о событиях и проблемах этнокультурного развития мордвы и других финно-угорских народов (российский еженедельник «Финно-угорская газета», победившая в конкурсе «СМИротворец — 2009»)¹⁶.

«Финно-угорская газета» выходит в г. Саранске с 2007 г., ее учредители — ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» и Поволжский центр культуры финно-угорских народов. Эта газета является главным средством массовой информации АФУН¹⁷ и реализует проект «Расширение информационного пространства финно-угорских народов».

С марта 2007 г. в республике ведет вещание на мордовских языках радиостанция «Вайгель» («Голос»), созданная по инициативе исполкома Межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, Госкомнаца РМ и Министерства печати и информации Мордовии. Она транслирует тематические программы, этническую музыку, информационные и развлекательные передачи, связанные с национальной культурой и мордовской историей. Республиканская гостелерадиокомпания «Мордовия» транслирует информационные и тематические программы на мордовских языках еще с советских времен. С 2007 г. в эфире телеканала «ТелеСеть Мордовии» выходят программы «Од пинге» («Новое время») и «Велесь течи» («Современное село»). Программа «Од пинге» состоит из образовательных передач «Говорим по-эрзянски» и «Говорим по-мокшански»¹⁸.

Частью этнокультурной политики Республики Мордовия является создание позитивного образа республики за ее пределами, т. е. это этнокультурный брендинг, для которого используются различные средства: от развития индустрии этнического туризма и проведения международных культурных мероприятий в республике до организации дней Мордовии в других субъектах РФ. О важности этой задачи неоднократно заявлял Н. И. Меркушкин: «Действенным фактором популяризации Мордовии способен стать туризм. <...> Сейчас нужно активно использовать удачно складывающиеся бренды Мордовии и Саранска, связанные с проведением в республике международных политических, культурных и спортивных мероприятий, с успехами мордовских спортсменов, с позицией Саранска, лидирующего по благоустройству среди городов России»¹⁹.

Одним из приоритетных направлений развития туризма в Мордовии стал этнический туризм, главными объектами которого являются музейный комплекс в с. Старая Теризморга Старошайговского района, включающий экспозицию под открытым небом «Двор зажиточного крестьянина», и центр этнического туризма в с. Подлесная Тавла Кочкуровского района, включающий выставку-продажу традиционной мордовской деревянной игрушки и музей основателя фолк-группы «Торама» В. И. Ромашкина. В документальном фильме «Саранск. Тайны междуречья», снятом в 2009 г.

мордовскими кинематографистами при участии Мордовского государственного университета, можно увидеть также включенные в Золотое кольцо России Саранский Свято-Феодоровский собор, Параскево-Вознесенский и Санаксарский Рождество-Богородичный монастыри, Старотеризморгский центр национальной культуры мордовского народа, Республиканский краеведческий музей, Республиканский музей всемирно известного скульптора С. Д. Эрзы, Музей мордовской народной культуры, Музей валенка в с. Урусово Ардатовского района²⁰.

Международный аспект этнокультурной политики в Мордовии заключается в пропаганде финно-угорской идентичности («повышении самосознания финно-угорских народов») внутри республики и за ее пределами, интеграции Мордовии в международное финно-угорское движение. Важную роль в создании механизмов конструктивного взаимодействия власти и институтов гражданского общества, сохранения и развития культуры финно-угорских народов играют Консультативный комитет финно-угорских народов, образованный на I Всемирном конгрессе финно-угорских народов в г. Сыктывкаре (декабрь 1992 г.), а также ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» и Молодежная ассоциация финно-угорских народов.

С участием ассоциации в сентябре 2006 г. в г. Саранске был открыт Поволжский центр культур финно-угорских народов. По предложению Международного консультативного комитета финно-угорских народов с 30 ноября по 2 декабря 2006 г. в г. Саранске исполкомом ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» совместно с Правительством РМ была организована и проведена I Международная конференция «Реализация решений IV Всемирного конгресса финно-угорских народов (2004 г. — г. Таллин)». 24—26 октября 2009 г. в Саранске состоялся IV съезд финно-угорских народов России, в котором приняли участие 144 делегата и 87 наблюдателей из 32-х регионов страны, а также полномочный представитель Президента РФ в ПФО Г. А. Рапота, заместитель министра регионального развития РФ М. А. Травников²¹. Съезд дал позитивную оценку деятельности исполкома Межрегионального общественного движения мордовского народа, органов государственной власти и общественных объединений Мордовии.

На IV съезде были внесены изменения в устав ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации», связанные с созданием совета — нового рабочего органа, на который возложена вся организационная работа. Его председателем избран министр культуры РМ П. Н. Тултаев. «Некоторые спрашивают, как я, чиновник, буду руководить общественной организацией. Я, прежде всего, мордвин. Чиновником я стал потом. Разве чиновник не должен болеть за свой народ, за свою культуру?»²².

Эта ассоциация стала одним из организаторов II Межрегионального форума «Финно-угорский этнокультурный проект: расширение границ», который состоялся 26—29 апреля 2010 г. в г. Йошкар-Оле, а также V Всероссийского фестиваля финно-угорской прессы с участием более 40 печатных СМИ и журналистских организаций из разных регионов России²³ (23—24 сентября 2010 г., г. Саранск) и Международной финно-угорской конференции (октябрь 2010 г., г. Саранск), которая проводится между всемирными конгрессами финно-угорских народов.

Оценивая вклад Мордовии в международное финно-угорское движение в 2010 г., директор Поволжского центра культур финно-угорских народов, главный редактор «Финно-угорской газеты» Ю. А. Мишанин соглашается с тем, что центр международного финно-угорского движения перемещается в Саранск, где находится штаб-квартира Ассоциации финно-угорских народов, и видит достижение руководства и интеллигенции республики в установлении контроля над повесткой дня финно-угорского движения: «...Если раньше инициатива во многом исходила от Финляндии и Венгрии, то теперь она перешла к России. Об этом говорят очень многие факты — крупные международные форумы, конгресс финно-угорских народов, прошедший в Ханты-Мансийске, фестиваль „Шумбрат, Финно-Угрия“, съезд финно-угорских народов России в Саранске и многое другое»²⁴. Н. И. Меркушкин поднял вопрос о возможном перемещении штаб-квартиры Консультативного комитета Всемирного конгресса финно-угорских народов из Финляндии в Россию²⁵.

Политический смысл этой поддержки финно-угорских общественных организаций со стороны республиканского и федерального руководства заключается в обеспечении артикуляции и пропаганды такого варианта финно-угорской идентичности, который является совместимым с общероссий-

ской гражданской идентичностью и лояльным по отношению к российской государственности. Так, в феврале 2010 г., открывая заседание оргкомитета по подготовке и проведению празднования 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, его руководитель, Председатель Правительства России В. В. Путин, заявил: «...Мордовский народ сделал исторический выбор — жить и развиваться в единой стране. Это позволило ему сохранить и свою самобытность и вместе с другими народами создавать наше общее государство. ...Наша стратегическая цель — создать в России, и в частности в Республике Мордовия, все условия для развития и процветания финно-угорских языков, культуры, изучения ее богатого наследия, расширения дружеских контактов с родственными народами зарубежных стран»²⁶.

Интеграционная сущность «финно-угорского проекта» в его российском варианте также постоянно подчеркивается в публичных заявлениях республиканских политиков и СМИ. Так, участвуя в Международной акции «Семь чудес финно-угорского мира», организованной Российским информационным центром финно-угорских народов, редакция газеты «Известия Мордовии», по предложению М. В. Мосина, председателя Ассоциации финно-угорских народов России, номинировала на конкурс Кафедральный собор Святого праведного воина Феодора Ушакова в Саранске²⁷. В то же время популяризация финно-угорской идентичности, включающая пропаганду принадлежности к семье народов с уникальными и разнообразными культурными достижениями, рассматривается как дополнительный символический ресурс повышения социальной значимости и престижа мордовской этничности.

Таким образом, инкорпорируя подходы и практики, характерные для идеологии и политики мультикультурализма, в которой этнические общности наделяются особым статусом в качестве носителей определенной культуры, а принадлежность к ним опосредуется индивидуальным выбором, современная этнокультурная политика в Республике Мордовия, однако, сохраняет преемственность с советской моделью национальной политики, включая территориализацию этничности, закрепляемую в сознании населения республики посредством практик учета населения и пропаганды

этнических различий, а также ориентацию на приоритетную поддержку культуры титульной, мордовской, этнической общности. Для реализации этих целей в республике служат разнообразные практики в области культурной, образовательной, информационной, межрегиональной и международной политики. Этнокультурная политика в республике, следовательно, интегрирует различные институциональные факторы и механизмы, формирующие этнические идентичности и воздействующие на состояние межэтнических отношений, позволяя эффективно контролировать их развитие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Религиозность и этничность в Республике Мордовия» (грант РГНФ 09-03-23306 а/в).

² См.: Дробижева Л.М., Кузнецов И.М. Социальные параметры межэтнической стабильности и напряженности // Мир России. 2000. № 4. С. 149.

³ См.: Зверева Г. Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестн. обществ. мнения. 2009. № 1. С. 80.

⁴ Макарова Г.И. Многообразие интеграции: государственная федеральная и региональная этнокультурная политика // Регионоведение. 2010. № 1. С. 220.

⁵ Макарова Г., Ходжаева Е. Управление этнокультурными различиями «после империи» (по материалам интервью с экспертами в области культуры и этнокультурной политики в Республике Татарстан): введение к публикации // Ab Imperio. 2005. № 4. С. 177.

⁶ Там же. С. 186.

⁷ Цит. по: Дурдаева Т.В. Мордовии завершился IV съезд финно-угорских народов России // Изв. Мордовии. 2009. 28 нояб. URL: http://www.izvmor.ru/article_6111.html (дата обращения: 11.12.2009).

⁸ Цит. по: Миннигараева Е. Петр Тултаев: «Мы сильно раскиданы по матушке России!» // Финно-угорская газета. 2010. 9 авг. URL: http://www.library.saransk.ru/fu/fu_press13.php# (дата обращения: 10.11.2010).

⁹ См.: Состояние гражданского общества в Республике Мордовия в 2008—2010 годах: аналитический доклад / отв. ред. А. И. Сухарев; Общественная палата Республики Мордовия. С. 70.

¹⁰ Послание Главы Республики Мордовия Государственному собранию // За единую Россию. 2004. № 6. С. VIII.

¹¹ Цит. по: Миннигараева Е. Петр Тултаев: «Мы сильно раскиданы по матушке России!» ...

¹² См.: Поволжский центр культур финно-угорских народов получил рекордный для НКО Мордовии грант // Изв. Мордовии. 2009. 9 сент. URL: http://www.izvmor.ru/article_5975.html (дата обращения: 11.12.2009).

¹³ См.: Мишанина А. В Саранске прошел семинар, организованный Советом Европы // Изв. Мордовии. 2009. 2 нояб. URL: www.izvmor.ru/article_6472.html (дата обращения: 11.12.2009).

¹⁴ См.: Образование, наука и культура в Республике Мордовия за 2007 год: стат. сб. № 744. Саранск: Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия, 2008. С. 53.

¹⁵ См.: Студенты России выбирают Мордовию // Голос Мордовского университета. 2010. 1 окт. С. 2.

¹⁶ См.: «Финно-угорская газета» стала победителем конкурса «СМИртовородец — 2009». URL: http://www.library.saransk.ru/fu/fu_news.php?subaction=showfull&id=1259047219&archive=&cnshow=headlines&start_from=&ucat=3& (дата обращения: 11.12.2009).

¹⁷ У ассоциации есть свой сайт www.afunrf.ru. Он появился весной 2010 г.

¹⁸ См.: Мониторинг состояния межэтнических отношений в Республике Мордовия: доклад Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, 2008. С. 75.

¹⁹ Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2008. С. 52.

²⁰ См.: Александра А. За впечатлениями — в село! URL: http://www.library.saransk.ru/fu/fu_press13.php (дата обращения: 11.12.2009).

²¹ См.: Дурдаева Т. В Мордовии завершился IV съезд ...

²² Цит. по: Щанкина Р. П.Н. Тултаев, председатель АФУН РФ: «Уметь слушать и слышать друг друга». URL: http://www.library.saransk.ru/fu/cutenews/show_news.php?subaction=showfull&id=1257925500&archive=&cnshow=news&ucat=13%E&start_from= (дата обращения: 11.12.2009).

²³ См.: Мишанина А. В Саранске открылся V Всероссийский фестиваль финно-угорской прессы // Изв. Мордовии. 2010. 24 сент. URL: http://www.izvmor.ru/article_9760.html (дата обращения: 06.10.2010).

²⁴ Цит. по: Зеткин С. Финно-угорский прорыв // Финно-угорская газета. 2010. 21 апр. URL: http://www.library.saransk.ru/fu/fu_press13.php# (дата обращения: 10.11.2010).

²⁵ См.: Мишанина А. Николай Меркушкин: «Надо гордиться своей национальностью!» // Изв. Мордовии. 2010. 29 сент. URL: http://www.izvmor.ru/article_9794.html (дата обращения: 06.10.2010).

²⁶ Цит. по: 1000 лет — вместе! // Финно-угорская газета. 2010. 24 февр. URL: http://www.library.saransk.ru/fu/fu_press13.php# (дата обращения: 10.11.2010).

²⁷ См.: Спиридонова Е., Налетова Т. «Семь чудес финно-угорского мира» // Изв. Мордовии. 2010. 6 окт. URL: http://www.izvmor.ru/article_9895.htm (дата обращения: 06.10.2010).

Поступила 08.10.10.

О. В. ОСИПОВА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ключевые слова: информационная политика, средства массовой информации, органы власти

Key words: informative policy, mass media, power bodies

Благодаря технологическому развитию и связанному с ним переходу к информационному обществу ситуация в политической сфере качественно изменяется, выдвигая на первый план в регулировании отношений государственной власти и общества коммуникацию. Происходит «медиатизация политики». Когда политическая жизнь перемещается в символическое пространство СМИ, то политика и коммуникация переплетаются¹.

Это обстоятельство предопределяет научный интерес к информационной политике. Учитывая значительную территориальную протяженность, низкую плотность населения, а также существование специфических условий и особенностей в разных регионах страны, особую значимость приобретает информационная политика регионального уровня. Кроме того, региональные органы государственной власти производят свой специфический информационный продукт, направленный на удовлетворение интересов региона, сформированных с учетом местных условий, традиций, особенностей менталитета и специфики жизни населения.

Основой реализации информационной политики является предоставление органами власти социально значимой информации для населения. Цели этого процесса — формирование благоприятного образа государственной власти или отдельных ее представителей, а также поддержка населением

ОСИПОВА Ольга Валерьевна, старший лаборант сектора этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск).

политических решений и действий государственной власти. Посредством информационной политики выполняется легитимирующая функция политической коммуникации. Таким образом, вся совокупность информационных процессов, называемая информационной политикой, подчинена выполнению государством своих базовых задач по принятию политических решений. Именно этот процесс разработки и реализации общеколлективных целей концентрирует информационные усилия государства.

Учитывая вышесказанное, понятие «информационная политика» интерпретируется нами как *процесс перманентного информационного воздействия*. Объектом этого воздействия является население региона либо определенные целевые группы. В связи с тем, что наиболее действенным способом информационного взаимодействия с большими массами населения является канал СМИ и СМК, информационная политика государственных органов власти преимущественно строится на его основе. СМИ играют роль проводника информационных интересов. Таким образом, механизм влияния на общество может реализовываться посредством наполнения информационного пространства государственными СМИ и воздействовать на содержание информационных источников.

В связи с этим относительно оценки региональной информационной политики актуализируется вопрос «Заметно ли для населения региона воздействие государства на СМИ и на информационные сообщения, которые они производят?». СМИ являются лишь проводником информационной интересов тех, кто регулирует их деятельность либо финансирует, однако государство — не единственный субъект воздействия на информационное пространство.

Для выявления возможностей воздействия информационной политики региональных органов власти на общество нами были использованы некоторые результаты социологического исследования «Проблемы региональной безопасности Республики Саха (Якутия) в условиях глобализации», проведенного сектором этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН с помощью анкетного опроса и использования квотной выборки. В опросе приняли участие жители пяти населенных пунктов Республики Саха (Якутия): Якутск, Бердигестях

(Горный район), Чурапча (Чурапчинский район), Нерюнгри (Нерюнгринский район), п. Белая гора (Абыйский район). Объем выборки составил 2 150 чел.

Регулируя либо финансируя деятельность СМИ, государственные органы власти имеют возможность оказывать воздействие на информационные сообщения, затрагивающие значимую для власти тематику. Хотя, согласно действующему законодательству о СМИ, у учредителя нет права влиять на информационное наполнение, однако известно, что СМИ имеют склонность окрашиваться в те цвета, которые более необходимы финансирующим их структурам и определены конъюнктурой.

Анализ ответов на вопрос «Какие из перечисленных структур больше всего влияют на информационную политику российских СМИ?» показал, что основное влияние на информационную политику российских СМИ оказывает государство. Этот факт свидетельствует о том, что население видит в информационной политике, проводимой СМИ, интересы государственных органов власти или отдельных представителей политического истеблишмента.

То обстоятельство, что степень влияния региональной власти относительно невысоко оценена местным сообществом, можно объяснить несколькими соображениями. Первое из них связано с тем, что население не воспринимает региональные СМИ как российские. Если бы вопрос был сформулирован несколько иначе и касался СМИ, издающихся в республике, то ответы могли распределиться по-другому. Кроме того, в ходе опроса выяснилось, что некоторая часть населения считает, что региональная и федеральная власть объединена государством, и в определенной мере на политику российских СМИ оказывают влияние представители обоих уровней власти.

Совсем иная картина наблюдается при ответах на вопрос «Как Вы считаете, должны ли региональные власти контролировать сообщения, появляющиеся в СМИ?». Положительно ответили 51,6 % респондентов, отрицательно — 16,4 %, затруднились ответить 28,7 %. Такое распределение ответов мы склонны объяснять тем, что свобода слова во многом оказалась дискредитированной валом негативной информации, «вылившейся» на население в постсоветские годы. В беседе с респондентами было выявлено, что опрашиваемые

в большинстве случаев ратуют за контроль над сообщениями СМИ не в силу авторитарных убеждений. Большинство негативно оценивает поток рекламы, огромное количество сцен насилия и т. д. «...Постоянные сообщения о преступности, наркомании, терроризме, беспорядках и т. д. все же наводят часть аудитории на мысль о необходимости „твердой руки“, сильной личности, которая сможет положить конец анархии, обеспечить закон и порядок»².

Наибольшее число опрошенных, ответивших на этот вопрос утвердительно, отметило, что чаще всего получает новую информацию по телевидению. Наиболее противоречивые ответы дали люди, в основном получающие информацию из Интернета. С одной стороны, в этой группе наблюдается наибольший процент тех, кто высказывается против того, чтобы региональная власть имела возможность регулировать сообщения в СМИ (25 %), с другой — в этой группе высок процент тех, кто выступает за контроль над сообщениями СМИ (46,8 %).

Некоторый контроль над СМИ со стороны власти подтверждают эксперты Фонда «Общественная экспертиза»³. Однако если этот контроль чрезмерен, то доверие к СМИ падает. В то же время доверие к СМИ различных социальных групп и друг к другу обеспечивает социальную стабильность общества. По данным исследования, в полной мере доверяют СМИ в Якутии 7,1 % опрошенных, скорее доверяют 32,1 %. Таким образом, средний показатель доверия к СМИ составляет 39,8 % во всех населенных пунктах: от 33,5 % в п. Белая гора до 44,3 % в Бердигестяхе. Следует отметить значительные различия в ответах респондентов в разных населенных пунктах. Таким образом, несмотря на то, что выявилась довольно многочисленная группа тех, кто не доверяет республиканским СМИ (11,8 %), высока и доля тех, кто выказывает свое доверие СМИ в той или иной степени (22,5 %).

Некоторые корреляции можно обнаружить при анализе доверия к региональной власти. Наибольшее доверие респонденты оказывают президенту республики (63,72 %), правительству (51,3 %), местному парламенту Ил-тумэн (41,2 %). Если сравнивать эти данные с теми, которые демонстрируют шкалу доверия к СМИ, то можно предположить, что последние, являющиеся государственными, считаются более достоверными источниками информации, нежели частные.

Кроме того, противоречия в ответах на вопрос относительно доверия и недоверия к СМИ можно объяснить тем, что, с одной стороны, не наблюдается плюрализма мнений в региональных СМИ, с другой — современные якутяне, как и другие жители России, воспринимая окружающий мир в значительной части через призму СМИ, склонны доверять печатному слову, особенно это характерно для жителей территорий с малой информационной насыщенностью. Обратную ситуацию можно наблюдать на территориях с множеством источников информации, часто противоречащих друг другу. Большие объемы информации приводят к формированию фрагментарной, мозаичной картины, что заставляет меньше доверять СМИ.

Таким образом, реализация региональной информационной политики осуществляется посредством СМИ. У населения региона нет резкого негативного отношения к участию государства в информационной сфере. Об этом можно судить на основании рейтинга доверия к СМИ и властным структурам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Засурский И.И. Масс-медиа второй республики. М., 1999. URL: <http://evartist.narod.ru/text3/39.htm> (дата обращения: 14.09.2010).

² Куракина Е.В. Массовая коммуникация и политическое манипулирование // Альм. «Лаборатория рекламы, маркетинга и public relations». URL: <http://www.advlab.ru/articles/article304.htm> (дата обращения: 12.06.2010).

³ См.: Общественная экспертиза: анатомия свободы слова // Аналит. отчет фонда «Общественная экспертиза». URL: http://www.freepress.ru/arh/book_2000/023.shtml (дата обращения: 15.10.2010).

Поступила 17.11.10.

К. В. ДЕМЕНТЬЕВА

СТИМУЛИРОВАНИЕ ВНИМАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ К РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ

Ключевые слова: манипулирование общественным мнением, региональная пресса, принципы подготовки и подачи информации, сенсация, неординарность информации, приоритетность темы, источник информации

Key words: public opinion manipulation, regional press, principles of preparation and presentation of information, sensation, personal touch in information, priority ranking of the theme, information source

Современное российское общество представляет собой обширный спектр возможностей не только для социального управления, но и манипулирования общественным мнением через средства массовой информации. Задача манипулятора — в чем-то убедить людей, а для этого важно привлечь внимание общественности к сообщению, в чем бы оно ни выражалось.

Проблема привлечения общественного внимания массовой аудитории решается через определенные принципы подготовки и подачи информации. Для ее контент-анализа нами было проведено исследование трех печатных изданий: ежедневной общественно-политической газеты «Известия Мордовии» (выпускается тиражом до 22 тыс. экз.), общественно-политического еженедельника Мордовии «Столица С» (тираж составляет около 33 тыс. экз.) и газеты Ардатского района Республики Мордовия «Маяк» (она является одним из лучших районных изданий республики). Выборка состояла из 4 809 публикаций свыше 100 строк за период с 2008 по 2010 г.

В результате проведенного контент-анализа нами были выделены принципы подготовки и подачи информации в выбранных периодических изданиях.

ДЕМЕНТЬЕВА Ксения Владимировна, преподаватель кафедры современной журналистики и общественного мнения Мордовского государственного университета.

Действительная или мнимая приоритетность, а также привлекательность темы для аудитории. В соответствии с этим принципом наиболее часто сообщения прессы касаются проблем терроризма, природных и техногенных катастроф и т. д.

В ходе исследования выявлено, что этот принцип используется в материалах всех проанализированных изданий. В газете «Столица С» за 2008 г. мы выявили 3 % публикаций (682 материала), за 2009 г. — 3 % (642), за 2010 г. — 5 % (669). В «Известиях Мордовии» за 2008 г. таких материалов обнаружено 2 % (754), за 2009 г. — 3 % (819), за 2010 г. — 4 % (807). Газета «Маяк» в 2008 г. представила 3 % публикаций (146 материалов), в 2009 г. — 4 % (138), в 2010 г. — 7 % (152). Причем в 2010 г. количество публикаций, в которых используется этот принцип привлечения общественного внимания, увеличилось во всех рассмотренных изданиях. На первом месте находятся темы, посвященные природным катастрофам и катаклизмам, например, аномально жаркому лету 2010 г.

Откликнулись республиканские газеты и на трагедию в Московском метрополитене в марте 2010 г. Например, в «Известиях Мордовии» был опубликован материал с версией одного из очевидцев и пострадавших во время трагедии: «...Тут в нашем вагоне раздался взрыв. Я даже не помню, насколько сильным он был. Мы находились в замкнутом пространстве, и, конечно, всех оглушило. Зазвенело в ушах, а вокруг — искры, дымовая завеса... Почувствовал боль в ноге...»¹. В конце статьи дана просьба сотрудников органов внутренних дел, адресованная жителям республики, обращать внимание на оставленные без присмотра подозрительные вещи. Также перечислены телефоны, необходимые в подобных ситуациях.

Неординарность фактов находит свое отражение в сценах насилия, повествовании о жестоких преступлениях, войнах. СМИ склонны к «снабжению» населения негативной информацией, мотивируя это агрессивной природой человека.

Наибольшее количество публикаций, содержащих негативную информацию, было выявлено в газете «Столица С»: в 2008 г. — 22 % от общего количества материалов, в 2009 г. — 26 %, в 2010 г. — 24 %. Значительное количество публикаций (17—18 %) посвящено происшествиям и пре-

ступлениям, совершенным в регионе и за его пределами жителями Мордовии. Журналисты регулярно бывают на заседаниях судебных разбирательств, газетные страницы пестрят фотографиями из зала суда, часто заголовками служат слова подсудимых («У меня женщины долго не было», «Тебе не жить!» и др.) В еженедельнике есть отдельные рубрики, освещающие темы криминального характера: «Приговор недели», «Приговор месяца», «Громкое дело», «ЧП недели», «Происшествия», «Шок номера» и др. Кроме того, публикации, содержащие негативную информацию, могут располагаться на любой странице и в других рубриках. Корреспонденты газеты, очевидно, в стремлении уйти от сухого, официально-книжного, обезличенного и унифицированного газетного языка нередко злоупотребляют использованием разговорных, просторечных жаргонных слов. Встречаются и фотографии с мест происшествий, изображающие кровавые последствия аварий и преступлений, например, фото к материалу «Гонки без выживания»².

Газета «Известия Мордовии» печатает значительно меньшее количество материалов, содержащих негативную информацию. По результатам исследования, они составили в 2008 г. 8 % от общего количества, в 2009—2010 гг. — по 9 %. Обычно такие темы публикуются в номере «толстушки» (среда) под рубриками «Происшествия» и «Судебный очерк», занимающими одну или две газетные полосы. Материалы, которые меньше по объему, более тактичны и этичны по языку и стилю в отличие от подобных в «Столице С». Некоторые криминальные очерки напоминают сказку: «...Один, Леонид Давыдов (имя изменено) — представитель светлого мира. Высокий, под два метра, стройный, светловолосый, с ясными глазами и одухотворенным лицом. Словно светлый образ благородного принца, сильного богатыря или Ивана-царевича из добрых советских киношных сказок... А теперь представим читателям представителей иных, темных сил — антиподов Давыдову. Два тезки, Николая, по их мнению, бойко и красиво прожигали жизнь. Каждый куролесил по-своему...»³.

В районной прессе происшествия — редкость. Поэтому и материалов, привлекающих общественное мнение через принцип неординарности фактов, почти нет. В газете «Маяк» в 2008 г. мы зафиксировали 3 % публикаций, в 2009 г. — 4 %, в 2010 г. — 3 %.

Новизна. Здесь имеется в виду информация, которая еще не получила достаточного распространения и может быть сенсацией. Особенно часто такие материалы имеют место на страницах еженедельника «Столица С», который каждую неделю радует читателей новыми эксклюзивными публикациями. Нередко вполне стандартные темы умело интерпретируются и преподносятся в качестве сенсационных. Кричащие заголовки, яркие рубрики, специальные пометки на полях — все это привлекает внимание читателей, позволяет оживить общественное мнение. Общее количество таких материалов в издании составляло в 2008 г. 25 %, в 2009—2010 гг. — по 27 %. Другие газеты значительно реже стремятся привлекать читателей эксклюзивной информацией («Известия Мордовии» — 9, 10, 10 %, «Маяк» — 5, 4, 6 % за выбранный период времени).

Высокий статус источника информации. Этот принцип реализует себя в привлечении лиц, занимающих высокие посты и имеющих высокий социальный статус, а также людей, признанных компетентными или представляемых таковыми. Газеты активно обращаются к различным экспертам. Для полновесности любого материала прилагается комментарий специалиста. Например, газета «Известия Мордовии» часто подтверждает публикации на политическую тематику высказываниями Главы Республики Мордовия Н. И. Меркушкина. Еженедельник «Столица С» намеренно привлекает общественное мнение к источнику информации с помощью ярких активизирующих внимание к личности интервьюируемого заголовков («Если серьезно заняться Лужковым, то придется поковыряться и в Кремле», «Мы, мужики, козлы. Честно» и др.).

Согласно анализу газетных текстов, ориентация на эти принципы активизирует потребности людей в социально значимой информации и позволяет стать активными участниками информационно-коммуникативных процессов. С другой стороны, эти принципы позволяют массмедиа осуществлять трансформацию информации для оказания воздействия на психику людей и их поведение для манипулирования в собственных интересах.

Овладев вниманием аудитории, газеты получают доступ в сознание масс при помощи поддержания и сосредоточения внимания на определенных аспектах рассматриваемых

проблем. Такой эффект достигается определенной формой подачи информации. Во-первых, индивид не может наблюдать истинные реакции человека, передающего информацию. Во-вторых, он не может вступить в диалог с коммуникатором и тем самым выяснить какую-то другую информацию. Индивид вынужден воспринимать информацию пассивно, т. е. он активно участвует в процессе восприятия и познания, но лишь той информации, которую ему предоставляют. Кроме того, у читателя нет возможности выбора в информационном пространстве региона. Мы считаем, именно по этой причине позиция человека, воспринимающего информацию от СМИ, — пассивна. Тем самым можно утверждать, что современная печать активно участвует в манипулировании информацией по определенным и значимым для нее вопросам, для того чтобы подаваемый материал рассматривался массовой аудиторией под определенным углом зрения.

Таким образом, используя рассмотренные принципы подготовки и подачи информации, пресса привлекает внимание к той или иной социально значимой или незначимой проблеме и тем самым помогает внедрению ее в сознание аудитории. Широкое освещение какой-либо информации в массмедиа способствует сосредоточению внимания именно на ней, что может существенно повлиять на восприятие, понимание и усвоение материала, а также, как следствие, оказать более сильное воздействие на общественное мнение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Шувалова О. Во взорванном метро пострадали и наши земляки // Изв. Мордовии. 2010. № 46. С. 3.

² См.: Феоктистов Д. Гонки без выживания // Столица С. 2008. № 29. С. 6.

³ Сауткина А. Жестокая смерть светлого принца // Изв. Мордовии. 2009. № 4. С. 19.

Поступила 23.12.10.

Г. М. АГЕЕВА

ВОСПОМИНАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МОРДОВСКОГО КРАЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Ключевые слова: провинциальная культура, воспоминания, интеллигенция, менталитет

Key words: provincial culture, memories, intelligence, mentality

Провинция интересна не только другим — она и сама себе интересна.

В. Л. Каганский

Жизнь любого российского региона определяется усилиями его жителей и властей, государственной политикой, экономическим положением в стране, приоритетами в сфере образования, науки и культуры, уровнем развития средств связи и коммуникации и т. д. Немаловажную роль играют исторические и национальные традиции, особенности провинциального уклада.

Понятие «провинция» — одна из важных символических и культурных универсалий. Феномен, удостоившийся масштабного междисциплинарного внимания, и сегодня продолжает вызывать широкий исследовательский интерес и общественный резонанс. Это своеобразная характеристика культурного ландшафта, где при всех отрицательных и критикуемых чертах (отсталость, второсортность, медлительность и т. д.) присутствует позитивное, мобилизующее, креативное начало, а также поддерживается высокий уровень духовной и национальной культуры. Социально-культурная миссия провинции очень важна: «...сама пространственность ее, помноженная на... движения человеческого ума, содержит

АГЕЕВА Галина Михайловна, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов Мордовского государственного университета, кандидат культурологии.

какой-то важный ресурс нашего общего завтра», — пишет М. Я. Гефтер¹. Интересны и наблюдения В. Л. Каганского относительно культурной специфики провинции. Он подчеркивает полноценность ее культурного бытия, видит в ней «живое убежище культурно значимых текстов»². Провинция привлекает исследователей своей неповторимой духовной аурой, обычаями, которых уже не встретить в столичном мегаполисе. Н. И. Воронина отмечает, что провинция уникальна еще и тем, что менее подвержена массовизации, здесь всегда есть место единичному, неповторимому³.

Феномен российской провинциальной культуры становится более или менее понятным при учете факторов ментального характера. «Ассоциируясь в первую очередь с национальным своеобразием, менталитет шире, объемнее его: возможно выявление и изучение ментальностей, охватывающих и другие общности (региональные, классовые, государственно-политические, сциентические и т. п.)»⁴. Своеобразие России складывается из непохожести ее провинций. Здесь корни русской ментальности. Понятно, что «чистота» провинциального менталитета весьма условна. Он являет собой сложное сочетание традиционного и инновационного, общегосударственного и национального.

Провинциальная ментальность может рассматриваться как совокупность ярко выраженных интеллектуальных и эмоциональных качеств (черт), характерных для социальных групп, проживающих в отдалении от столицы. Н. М. Инюшкин отмечает, что «степень удаленности, средства коммуникаций, характер и уровень экономических, политических, правовых и культурных связей со столицей так же отражаются в ментальности, как и „местные“ условия бытования»⁵. Провинциальная ментальность может быть определена как система ценностей, распространяющихся на жизнь в целом, традиции, человеческие отношения, образование, науку, культуру, искусство и др. Она предполагает также определенные нравственные позиции. По отдельности каждый компонент трудно характеризуем, зато вместе они дают картину сознания, характерного именно для этой среды. «А не существует ли в самой русской (российской) провинциальной ментальности нечто такое, что свойственно провинциальному менталитету вне зависимости от национальности людей, его воплощающих?»⁶. Многие современные ученые разделяют эту позицию.

Провинциальная интеллигенция — особый слой, являющийся выразителем провинциального менталитета и генератором чрезвычайно важных для культурного самоопределения обитателей края процессов. Одним из таких процессов является способность к рефлексии. В числе способов самовыражения, осмысления своего бытия, отдохновения души следует назвать мемуары. Русский человек более склонен обсуждать пройденный путь, чем продумывать дальнейший. Он больше оглядывается назад, чем заглядывает вперед.

Одним из первых на краеведческий аспект мемуарной темы обратил внимание В. А. Юрченков, собравший свидетельства жителей и гостей Саранска, начиная с XVIII в.⁷: выдающихся людей эпохи (Н. И. Костомаров, Л. Н. Толстой, Н. Г. Чернышевский и др.), саранских знаменитостей (А. Масловский и др.), никому не известных «анонимов» и простых тружеников. Это книга — не только свод документов, посвященных дореволюционному и советскому Саранску и содержащих массу важных исторических сведений, но и интереснейшее исследование менталитета и быта горожан, их хозяйственной и культурной деятельности.

Эта «мемуарная биография» Саранска была издана почти двадцать лет назад. За этот период было опубликовано немало других воспоминаний, принадлежащих перу интеллигенции Мордовии и открывающих мир провинции с новой стороны. Одни тексты посвящены осмыслению исторических событий, например, Великой Отечественной войне, встрече с выдающимися современниками (М. М. Бахтин, Ф. В. Сычков, С. Д. Эрзя, И. М. Яушев), другие — раскрывают профессиональный путь авторов, события их жизни, хотя сведений личного характера в них мало. Здесь можно почерпнуть много интересной информации о жизни республики и Саранска в разные годы, приоритетах, ценностях, настроениях. Есть воспоминания о коллегах, внесших заметный вклад в науку, образование, культуру региона. Некоторые тексты написаны к памятным датам, юбилеям. В мемуарные источники инкорпорированы образы учителей, друзей, родителей. Есть сочинения, позиционирующие «провинциальность» происхождения их авторов.

Тексты весьма разнообразны: одни — искренние, выразительные, подробные и образные, у их авторов явно есть литературный дар, а другие — «административные», фактологичные и «закрытые». Их жанровая природа также

разнообразна: очерк, повесть-эссе, размышления, письма, записки, краткие биографические сведения, итог творческой деятельности, путевые заметки и даже «краткий автохроннограф с размышлениями и публицистическими отступлениями». В большинстве своем мемуарные свидетельства представлены на уровне статей в периодике, сборниках. Встречаются и отдельные издания. Основной массив «записок о былом» создан в последнее десятилетие XX — начале XXI в. Воспоминаний, датируемых советским периодом, написано гораздо меньше.

Этот жанр имеет большое значение для осмысления процессов, происходящих в профессиональной сфере, которую представляют авторы воспоминаний. Раскрыты такие грани личности и деятельности, которых нет в официальных документах и учебной литературе. Содержатся выводы и наблюдения, предложения по совершенствованию функционирования тех или иных институтов. Безусловно, и личностная история всегда более понятна и интересна, тем более если это одновременно и история края, в котором живешь. Авторы этих свидетельств — не только уроженцы и постоянные жители республики, но и люди, работавшие здесь лишь лишь определенный период времени. Но все они, по выражению Н. И. Вороной, «сумели создать в конкретной, отдельно взятой провинции духовную ауру, впитывающую и растворяющую в своей культуре все парадигмы современного существования»⁸.

Особенно детально нами были проанализированы мемуары библиотекарей республики — типичных представителей провинциальной интеллигенции. Большинство имен — это эпоха в библиотечном деле Мордовии (Р. Н. Борискина, Н. А. Бушуева, М. Ф. Жиганова, А. И. Калинина, Л. Е. Куликова, Л. И. Маркина, Л. Г. Меркушкина, Л. М. Орехова, О. В. Пашутина, Е. Л. Токарева, И. А. Шабалова и др.). На страницах сборника «Библиотечное краеведение» в рубриках «По страницам воспоминаний» и «Жизнь среди книг», а также в ряде рукописных источников даны интересные свидетельства сотрудников национальной, научной и других республиканских библиотек. Они дают богатую пищу для размышлений относительно самосознания провинциальной интеллигенции, фиксируют важный для любого профессионального сообщества этап саморефлексии.

Роль библиотечных учреждений в развитии культуры, особенно в провинции, всегда была велика: миссия сохранения и передачи через поколения общечеловеческих ценностей, подвижничество в трансляции культурных традиций осуществлялись и осуществляются, несмотря на отсутствие экономической базы. Это порой единственный в небольших населенных пунктах общедоступный центр культуры, выполняющий, помимо своих функций, массу других. Этот институт принимает участие в реализации социально-просветительской политики региона: совместно с учреждениями образования и социальной защиты выступает разработчиком программ, посвященных воспитанию и социализации человека, а также организует досуг населения, занимается пенсионерами и инвалидами и т. д. Праздники и мероприятия, проводимые небольшими библиотеками, не получают, вероятно, отклика за пределами населенного пункта и, возможно, вызовут улыбку у сотрудников крупнейших федеральных библиотечных центров, но там, где они проходят, особенно в селе, они имеют огромное значение. На их базе объединяются любители литературы, музыки и живописи, т. е. все те, кто помогает обрести региону неповторимое историко-культурное «лицо». Все это есть дело рук, потребность души и энтузиазм провинциальных библиотекарей (местной интеллигенции).

В России представители этой профессии никогда не были просто «выдавателями» книг. У такой деятельности нет успеха без общения. Например, библиотекари республики знают своих активных читателей не просто в лицо: сфера интересов «выводит» на профессиональные и личные обстоятельства, вопросы «по сути» порождают желание делиться мыслями не только «по существу». Сплоченный коллектив, интеллигентная атмосфера — распространенные характеристики этих учреждений. В текстах библиотекарей представлен рассказ не только о себе и своей работе, но и об эпохе (особенности социально-экономической ситуации в регионе, специфика историко-культурных традиций), выдающихся современниках (это ученые, писатели, книголюбы), эрудированных, неординарных, являющихся читателями библиотек, участвующих в их мероприятиях.

Интеллектуальная емкость библиотечного дела (это одно из немногих досуговых «пространств» в провинциальной среде, отличающихся относительно высоким интеллектуальным

уровнем), гуманистический потенциал позволяют интересно рассказывать о процессах и результатах, поисках и находках, подкрепляя эти размышления цитатами «из великих». Как ни странно, впечатления, что это просто высокие слова, не возникает, напротив, они органично характеризуют образ профессионала. Здесь и специфические черты библиотечного мира (эрудиция, основательность, патриотизм) и стереотипы (однообразие, повторяемость, бесконечность).

Н. М. Инюшкин, рассматривая особые черты провинциального духовного пространства, выделяет включенность культуротворчества в повседневность провинциальной жизни, приближенность культурных процессов к человеку, большую осутимость личного участия в культурной жизни⁹. Ученый делает упор именно на культуросозидательном компоненте провинциального уклада, поскольку это наилучшим образом передает специфику провинциальности, позволяет понять ее природу, оценить феномены.

«Симптом Провинции — самоосмысление типа краеведения...»¹⁰. Провинция не сравнивает себя с центром, собственные отличительные черты для нее важны скорее в смысловом и качественном контексте. Однако параллели проводятся сами собой, любая оценка «отталкивается» от абсолюта. Исследователь, имевший доступ к столичным образцам, не преминет сопоставить эти два мира, зафиксировать проблемность, осмыслить существующую диспропорцию, наметить пути ее преодоления.

Процесс восхождения к вершинам мастерства знаменитые на весь мир провинциалы начинают именно здесь, «в деревне и глуши». Повседневность провинции являет собой среду, когда уровень трансляции доступен и привлекателен, дает возможность непосредственной личной включенности каждого. Шанс проявить себя дается всем, в том числе и тем, кто не дотянет до крупного «формата», да и остальные, скорее всего, почтуются собой частичей культурного большинства. Неповторимое и особенное возникает в основном потому, что отрыв от столичного вовсе не устраним, даже в силу совершенства средств связи и коммуникации. Этим обеспечивается жизнестойкость провинциальных традиций.

Приближенность культурных процессов к человеку означает высокую степень вовлеченности жителей небольших населенных пунктов в культурные мероприятия. В столичном мегаполисе «живут» другие приоритеты. Как следствие, про-

исходит большая осутимость личного участия в культурной жизни. Человек в провинции всегда на виду, жизненная среда здесь более прозрачна, лучше чувствуется человеческий потенциал. Отсюда или сильный общественный резонанс, поддержка, «выталкивающие» персону из провинциальных границ в большой мир, или неприятие и противостояние, заставляющие искать признания на стороне, за пределами сообщества. Результаты культуротворчества благодаря интенсивной межличностной коммуникации и обратной связи становятся заметны сразу в провинциальных масштабах. Они «дают активной личности (участнику культурного процесса) чувство результативности, осмысленности осуществляемой им деятельности... Человек обретает новые силы, энергичнее на эту среду воздействует»¹¹. «Возникает ли при этом противоречие, уничижительная ирония... Как ни странно, не возникает. Просто это параллельные миры..., оцениваемые не чьей-то мерой, а своей, соразмерной себе, именно этому культурному пространству, его традициям»¹². Рассказывая о встречах с интересными земляками, вполне уместно употребить слова «посчастливилось общаться», «посчастливилось быть знакомым», «посчастливилось писать».

Среди типологических черт провинции Н. М. Инюшкин рассматривает и «недостаточность культурной информации»¹³. «Культурная среда эффективна, когда имеются не только объективно существующие школы, вузы, библиотеки, театры, музеи, издательства, но и соответствующее их качество», — отмечает исследователь¹⁴. В связи с этим среди факторов, обеспечивающих наполненность, результативность, многообразие культурной среды провинции, ее интеллектуальный и духовно-нравственный потенциал, особенно важным представляется сохранение культурных традиций, этических норм, художественно-эстетических взглядов. Еще одно важное условие — вписанность вышеназванного в современный контекст. Третий необходимый фактор — наличие разветвленного механизма распространения культуры. Библиотеки являются «организаторами» информационного поля, «оптимизаторами» комплектности культурной среды. «Чем больше и богаче культурная масса, доступ к которой имеется в провинциальных городах, тем полноценнее и стабильнее развитие региона..., тем органичнее, эффективнее связи с провинциальным пространством»¹⁵. Комплектность культурной среды способна уменьшить недостаточность и

неполноценность, вторичность культурной информации, а также позволить ощутить «столичность» в провинции.

Таким образом, провинциальная культура в силу территориальной удаленности от центров научных и творческих инноваций, иного темпа жизни, экзистенциальной парадигмы — интереснейшее явление. Здесь лучше сохраняется духовное и этническое наследие, питавшее на протяжении столетий русскую культуру. Несомненно, этот многомерный, неоднозначный феномен нуждается во всестороннем исследовании.

Мемуары в информационном поле провинции — важная составляющая и «мощная» фактологическая база, позволяющая оценить природу и специфику этого мира, отследить проблемы, наметить пути позитивных изменений в жизни региона и одновременно являющая собой действенный способ анализа интеллигентского менталитета. Воспоминания — «связующая нить», творящая коллективную память людей. Несторонний и небезразличный взгляд является значимым и определяющим качеством для исследователя и творца региональной культурной среды. Проанализированные тексты еще раз это доказывают.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: природа, типология, феномены. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. С. 27.

² Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. М., 2001. С. 78.

³ См.: Воронина Н.И. Лики провинциальной культуры. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2005. С. 3.

⁴ Инюшкин Н.М. Провинциальная культура ... С. 29.

⁵ Там же. С. 41—42.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ См.: Записки о Саранске / сост., вступ. ст. и коммент. В.А. Юрченкова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. 272 с.

⁸ Воронина Н.И. Лики провинциальной культуры. С. 4.

⁹ См.: Инюшкин Н.М. Провинциальная культура ... С. 173.

¹⁰ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. С. 81.

¹¹ Инюшкин Н.М. Провинциальная культура ... С. 255.

¹² Там же. С. 193.

¹³ Там же. С. 255.

¹⁴ Там же. С. 257.

¹⁵ Там же. С. 258.

Поступила 27.04.10.

Е. В. ЛЫСОВА

Ф. В. СЫЧКОВ: ЯЗЫК ЦВЕТА (ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ)

Ключевые слова: цвет, цветоведение, колорит, живопись, символика цвета, восприятие, выразительность, эмоции

Key words: colour, colour science, colouring, painting, colour symbolism, perception, expressiveness, emotions

«В каждой картине таинственным образом заключена целая жизнь, целая жизнь со многими муками, сомнениями, часами вдохновения и света», — писал В. В. Кандинский, размышляя об особенностях творческого процесса в изобразительном искусстве¹. Русский живописец, народный художник Мордовии Федот Васильевич Сычков посвятил свои полотна жизни родного села Кочелаева. «Я люблю изображать простых людей не только в труде, но и показывать их жизнерадостность, веселье, игры. Я думаю, что в этом неиссякаемом оптимизме простого русского человека сказывается его великая созидательная сила, твердая вера в счастливое будущее», — определял он суть своего мировосприятия². Оптимизм и жизнелюбие художник передает через неповторимое, только ему присущее цветовидение. Гармония цветовых сочетаний и их изобразительная сила выражают чувства и идеи автора, донося их до зрителя. Выразительность составляет главную, внутреннюю основу образа, выразительность цвета — главную, внутреннюю основу колорита картины.

Одно из направлений творчества Ф. В. Сычкова — создание портретов-типов с элементами жанровой картины, воплощенное в полотне «У изгороди. Зима» (1931). Улыбчивая, краснощекая, сильная, жизнерадостная девушка — излюбленный

ЛЫСОВА Екатерина Валерьевна, аспирант кафедры культурологии, этнокультуры и театрального искусства Мордовского государственного университета.

персонаж работ мастера. «В нем выразились представления художника о том ярком, здоровом и цельном, что есть в народном характере», — пишет исследователь его творчества М. И. Сурина³. Интенсивность цветового, построенного на контрастах аккорда (на полотне органично сосуществуют синие, красные, желтые и зеленые оттенки) делает образ крестьянки открытым, звонким, праздничным.

Колорит, отражение образа в красках — главное свойство живописи, благодаря которому она способна фиксировать не только внешний облик модели, но и мир ее чувств, переживаний, эмоций. Именно поэтому в искусствознании, психологии и культурологии, изучающих вопросы восприятия произведений искусства, всегда было актуально цветоведение. Цвет в искусстве и культуре вообще привлекал в зарубежной науке Г. Бразма, И. Гете, И. Иттена, И. Ньютона, О. Шпенглера, Р. Штайнера и др., в отечественной — Н. Н. Волкова, С. М. Даниэля, В. В. Кандинского, М. В. Ломоносова, Г. И. Панксенова, Н. В. Серова, В. Б. Устина и др. Реконструкция основных положений их теоретических изысканий помогает осознать важную роль цвета в зрительском восприятии смыслодержания того или иного живописного произведения.

По физическому состоянию цвет — составная часть света. Его физические свойства раскрываются в зависимости от спектрального излучения или «испускания» света и отражения от предметной поверхности. Эти факторы (излучение и отражение) предопределяют образование двух основных видов цвета. Первый вид представляют излучаемые или световые цвета, второй — отражаемые или красочные.

В. Б. Устин констатирует, что среди излучаемых цветов основными являются красный, синий и зеленый. В смешении они дают белый цвет. Среди отражаемых цветов выделяются три основных: желтый, красный и синий. В гармоническом построении они образуют триаду, которая при смешении дает черный цвет, занимающий ее центр⁴. Эти цвета обладают следующими композиционно-художественными свойствами, характеризующимися разным хроматическим составом. Они разделяются на ахроматические и хроматические. К ахроматическим цветам относятся белый и черный, а также серые оттенки, получаемые от их смешения. К хроматическим цветам относятся чистые цвета спектра, получаемые при

разложении дневного света, проходящего сквозь светопреломляющую призму⁵.

Цвета различаются по *тону, светлоте, насыщенности*. В картине Ф. В. Сычкова краски отличаются особой интенсивностью. В. Б. Устин подчеркивает, что в композициях для достижения большего единства используются, как правило, цвета одной степени насыщенности⁶. Резкое отличие цветов по светлоте и насыщенности выражается понятием цветовой контрастности, присутствующей в полотне «У изгороди. Зима». Холодные бело-голубые оттенки пейзажа заставляют активнее «звучать» охристо-красные одежды девушки. Яркость цвета вызывает ощущение повышенной силы света и повышенной освещенности поверхности. Используя подобную цветовую особенность, Ф. В. Сычков, прирожденный и тонкий колорист, создает на полотне ощущение ослепительного солнца, яркими лучами скользящего по крышам изб, заснеженному полю, девичей фигуре в овчинном полушубке.

Рассматривая особенности цветовой палитры, В. Б. Устин отмечает различия цветов по зрительной теплоте, легкости и мягкости. Эти свойства цвета определяются чисто эмоциональной реакцией зрителя, связывающего его с ощущениями разных по цвету природных материалов и форм, например, льда, снега, воды, солнца, огня и т. д.⁷ Н. В. Серов подчеркивает, что цвет практически всегда, везде и во всем является выражением смысла, но энергия цвета преломляется субъективно конкретным человеком⁸.

Чрезвычайно важен для восприятия живописной композиции учет такого художественного свойства цвета, как активность. Она определяется разной степенью его зрительного воздействия на человека. По воздействию различают более активные цвета (яркие красно-оранжевые [в работе Ф. В. Сычкова одежда молодой девушки, выдержанная в этих тонах, делает ее фигуру столь броской]) и менее активные (фиолетово-синие [пейзажный вид воспринимается фоном]). Нейтральными по воздействию считаются желто-зеленые оттенки.

В колористике выделяется также важное композиционно-художественное свойство цвета — его *эмоциональное воздействие* на человека, которое также носит субъективный характер. Однако существуют некоторые общие закономерности его проявления.

«Всякое произведение искусства есть дитя своего времени, часто оно и мать наших чувств», — утверждает В. В. Кандинский⁹. Важное место в формировании системы чувственного восприятия искусства художник отводит цвету. Он классифицирует воздействие цвета и выделяет два вида его влияния. Во-первых, *физическое воздействие цвета*, при котором зритель испытывает чувство удовлетворения, радости или противоположное чувство раздражения. Эти ощущения затем угасают или утихают. В. В. Кандинский характеризует их как физические и непродолжительные, поверхностные и вовсе не оставляющие после себя никакого длительного впечатления. В то же время он указывает, что поверхностное впечатление от цвета может развиться и перерасти в переживание, а также специально подчеркивает значимость первого впечатления, в результате которого предмет сразу производит на нас глубокое воздействие¹⁰.

Зрителя больше и сильнее привлекают светлые краски, а еще более сильными акцентами для восприятия являются светлые и теплые тона. При более высоком развитии этого элементарного физиологического воздействия оно переходит в более глубокое впечатление.

Во-вторых, *психическое влияние цвета* возникает как результат данного развития и влечет за собой углубление впечатления. В этом случае В. В. Кандинский выделяет психическую силу краски, которая вызывает «душевную вибрацию». Так первоначальная элементарная физическая сила становится путем, которым цвет доходит до души. Художник формулирует вопрос «Является ли это воздействие прямым или достигается путем ассоциаций?», но окончательного ответа на него не дает, а приводит ряд размышлений. Он предполагает, что, возможно, душевное сильное переживание вызывает другое, ему соответствующее, так как душа связана с телом. В. В. Кандинский пишет, что «...красный цвет может вызывать душевную вибрацию, подобно той, какую вызывает огонь, так как красный цвет есть в то же время цвет огня»¹¹. Теплый красный цвет действует возбуждающим образом и обнаруживает сходство с текущей кровью. Ф. В. Сычков особенно часто в своих полотнах использует именно красный цвет, создавая тем самым энергетику праздничного действия.

В. В. Кандинский также указывает на способность сравнивать, сопоставлять и переносить качества одного ощущения

на качества другого. В психологии это явление характеризуется понятием *синестезии*. Разнородные чувственные явления связываются ассоциативно. Различие между холодными и теплыми тонами красок основано на этом восприятии. По мнению художника, некоторые цвета производят впечатление чего-то неровного, колючего, другие воспринимаются чем-то гладким, бархатистым (темный ультрамарин, зеленая окись хрома, краплак), третьи кажутся мягкими (краплак) или жесткими (зеленый кобальт, зелено-синяя окись). Обращает внимание он и на общеизвестное выражение «краски „благоухают“»¹².

Основываясь на концепции В. В. Кандинского, В. Б. Устин выстроил ассоциативный ряд отношений между цветом и чувствами человека: черный цвет — горечь, одиночество, страх; темно-серый — усталость, вялость, бездыханность; средне-серый — безмятежность, неопределенность; темно-зеленый — удрученность, подавленность; красный — тревога, беспокойство; оранжевый — энергия, энтузиазм, подъем; желтый — радость, бодрость, восторг; ярко-зеленый — уравновешенность, надежность; голубой — возвышенность, устремленность; синий — тишина, покой¹³. Изучая живописное наследие Ф. В. Сыčkова в соответствии с предложенным исследователем рядом, можно объяснить, чем вызвано столь мажорное впечатление от его композиций. В колористической гамме всегда акцентируются желтый, оранжевый, зеленый и синий цвета палитры.

Приведем таблицу В. Б. Устина, характеризующую психологические и образно-эстетические свойства разных цветов¹⁴.

Цвета	Психологические свойства	Цвета	Образно-эстетические свойства или выражение характера
темно-коричневые	подавление	розовые	изысканности, утонченности
светло-охристые	успокоение	красно-золотистые	роскоши и богатства
фиолетовые	сосредоточение	пурпурно-золотистые	достоинства и власти
карминные	стимулирование	красный и белый	торжества и парадности
красно-белые	возбуждение	черный и белый	деловитости и строгости
ярко-оранжевые	раздражение	розовые и голубые	мягкости, интимности

Вышеперечисленные свойства цвета не только используются художниками при решении тех или иных колористических задач в процессе создания пространства картины, но и играют важную роль при восприятии произведения изобразительного искусства зрителем. «Цвет достигает своей полной выразительности тогда, когда он организован и его интенсивность соответствует интенсивности чувств художника», — считает А. Матисс¹⁵.

Психология зрительного восприятия и цветоведение, по мнению Н. В. Серова, могут разъяснить некоторые из приемов цветового построения, которыми иногда интуитивно, а иногда, опираясь на свои теоретические знания, пользовались художники¹⁶.

Еще И. Гете рассматривал ассоциативные ореолы, сопровождающие восприятие конкретного цвета. В нашем жизненном опыте синее связано с холодным небом, ночными красками и тьмой, желтое — с дневными красками, теплом и светом¹⁷. Традиционное разделение цветов на *теплые* и *холодные* напрямую связано с эмоциональным воздействием цвета на человека.

«Мирочувствование более развитого человека... наияснейшим образом нашло свое символическое выражение в изобразительных искусствах...», — утверждает О. Шпенглер¹⁸, выстраивая оригинальную концепцию цветовой символики. При рассмотрении общепринятой палитры красок он выделяет следующие цвета: желтый и красный, синий и зеленый, золотой и коричневый. Символика цвета выводится им из идеи взаимодействия пространства и судьбы. «Синий и зеленый — краски неба, моря, плодоносной равнины, теней южного полудня, вечера и отдаленных гор»¹⁹. Это «атмосферические», а не предметные краски. Они холодны и вызывают впечатление простора, дали и безграничности. Синий цвет, также перспективная краска, всегда связан с чем-то темным, беспросветным, нереальным. Он не проникает, а влечет вдаль. Синий и зеленый — трансцендентные, духовные, нечувственные цвета²⁰.

Желтый и красный (античные краски) — цвета материи, близости «языка крови». Это популярные цвета, цвета толпы, детей, женщин и дикарей; цвета переднего плана, а также и в социальном смысле цвета шумного общения, рынка, народных празднеств, цвета наивной беспечной жиз-

ни. В противовес этому *синий* и *зеленый* — «фаустовские», монотеистические краски — цвета одиночества, заботы, связи мгновения с прошлым и будущим, цвета судьбы. *Зеленый* цвет предполагает наличие внутренних пространств для расположения произведений искусства, в противоположность желтому и красному. *Коричневый* цвет картин открывает чистую, насыщенную формами бесконечность. Он единственный «основной цвет», которого нет в радуге. Коричневый — исторический цвет, он преобразует атмосферу пространства картины в некий символ направленности в будущность²¹.

Рассматривая проблему восприятия цвета, Н. Н. Волков указывает, что художник располагает только цветом краски и возможностью смешивать и наслаивать краски. Природа же располагает несравненно большим богатством средств для создания своих гармоний²². Каждый новый цвет на полотне картины может разрушить гармонию и завершить ее, погасить сильное пятно другого цвета и зажечь это пятно. Соседние цвета влияют друг на друга и в реальном пространстве.

Способ нанесения краски тесно связан с впечатлением от нее. Рыхлое, плотное или прозрачное нанесение краски меняет цвет даже в тех случаях, когда сама краска не изменяется. Цветовые эффекты от наложения одной краски на другую расширяют возможности колорита. Контрасты обогащают колорит картины.

Восприятие цвета не сводится к простой регистрации спектров и интенсивностей, а представляет собой связный перевод этой внешней информации на выработавшуюся у человека систему цветоощущения. Для Ф. В. Сычкова влияние цветов друг на друга, особенно цветов, уравновешенных в картине, — факт основной и универсальный.

В живописи существуют контрастные пары цветов, создающие большее цветовое и эмоциональное напряжение. Такие пары порождают в авторском и зрительском восприятии открытую дисгармонию, драматизм, напряжение. Особенно следует выделить контраст красного и синего (киноварь — ультрамарин). Контраст красных и синих — прообраз контраста холодных и теплых, лежит в основе колористического строя картин Ф. В. Сычкова «Колхозный базар», «У изгороди. Зима», «Катание с гор», «Молодуха»

и др. Н. Н. Волков отмечает, что необходимость разрешения цветового противоречия стимулировала поиск нового цветового решения в работах многих художников. Он указывает, что иногда согласование достигалось введением третьего интенсивного цвета (например, оранжевого), иногда сдвигом красного к оранжевому или, напротив, к фиолетовому, сдвигом синего к сине-зеленому, введением масс черного, белого или серого. Очень большого напряжения достигают контрасты насыщенного цвета и малонасыщенного, даже ахроматического цвета (белого, черного), например, контраст красного и белого, красного и черного²³. Так, гроздья спелой рябины еще ярче горят на белом поле блюда в натюрморте Ф. В. Сычкова «Рябина».

Кроме того, Н. Н. Волков констатирует, что цвета контрастируют по светлоте и тяжести, массивности и дробности наложения. Контраст как противопоставление цветов в картине является основным приемом художественного мышления²⁴.

Особенность впечатления от цвета окрашенной поверхности предмета и впечатления от цвета прозрачной (полупрозрачной) среды получили в науке отдельные названия. Цвет, который воспринимается как цвет поверхности предмета, называют «поверхностным»; «пространственным» цветом считается цвет, наполняющий глубину. Деление цвета на поверхностный и пространственный не ускользнуло от острого взгляда И. Гете. Первый он называл «телесным», второй — «прозрачным». Если цвет не связывается ни с поверхностью предмета, ни с глубиной, а остается лишь неопределенно локализованным пятном, то его называют «абстрактным», или «свободным»²⁵.

Перед художником всегда возникает задача соединения в одном пятне цвета поверхности предмета и окрашенности среды, отделяющей предмет от зрителя. Одно из двух неизобразительных пятен, положенных рядом, нередко читается как нечто плотное, материальное, как «фигура», другое — как нечто пронизываемое, пространственное, как «фон». Пятно, воспринимаемое как предмет, кажется лежащим ближе, плотным, непроницаемым. Пятно, воспринимаемое как фон, отступает в глубину, кажется неплотным, пронизываемым, продолжающимся и за фигурой. Восприятие «фигура-фон» по отношению к черно-белым пятнам, при-

меры которых даются обычно в курсах психологии, крайне изменчиво, неустойчиво. Введение хроматических цветов часто делает восприятие «фигура-фон» более устойчивым. Коричневое пятно рядом с голубым почти всегда выглядит плотным предметом (фигурой)²⁶.

В. В. Кандинский выявляет принцип необходимости для художественного произведения: гармония красок может основываться только на целесообразности затрагивания человеческой души. В связи с этим он рассматривает взаимоотношения формы и краски и приводит к наблюдению воздействия формы на краску. Форма подчеркивает значение цвета или притупляет его. Так резкая краска в остроугольной форме усиливается в своих свойствах (желтый цвет в треугольнике). Цвета, склонные к углублению, нагнетают свое воздействие в округлых формах (синий цвет в круге). Количество красок и форм бесконечно, следовательно, возможно неограниченное количество их комбинаций и воздействий. Так, в портрете Л. В. Сычковой «Портрет в черном» (1904) особенно ощутим принцип контраста «фигуры» и «фона». Но в большинстве работ Ф. В. Сычкова фон так же активен и предметен, как и костюм, и лицо.

Восприятие цвета нельзя отделить от восприятия пространственного положения пятна. Краски предметов мы видим лежащими на разном удалении. Н. Н. Волков рассматривает выступающие и отступающие цвета и в связи с этим выделяет следующие пары: коричневый рядом с голубым кажется выступающим вперед, голубой — лежащим дальше; в паре белый и светло-серый выступает белый, отходит назад светло-серый; светло-оранжевый кажется дальше киноварно-красного и т. д. Проблему отступающих и выступающих цветов заметил еще И. Гете²⁷.

Зрители, рассматривающие живописное произведение, еще не проникнув глубже в его суть, оценивают предложенное художником с точки зрения красоты цвета. Очевидно, подобная оценка связана с восприятием содержательных качеств произведения.

Если красота цвета — необязательное условие выразительного колорита картины, то изобразительность цвета — его обязательное условие. Какая-то доля изобразительности содержится в любом пятне цвета, положенном на плоскость. Пятно цвета, создающее силуэт предмета, еще сложнее,

богаче изобразительными качествами и определеннее, чем пятно свободного цвета²⁸. Так, цвет на полотнах Ф. В. Сычкова по сравнению с натурной постановкой наполнился новыми изобразительными качествами, стал говорить о материальной природе изображаемых предметов и характере изображаемой среды. Он стал многоговорящим цветом.

Красота цветовых сочетаний и изобразительная сила цвета присущи сочной цветовой гамме работ Ф. В. Сычкова. Они существуют в искусстве ради выражения чувств и идей человека, донесения их до зрителя. В связи с этим даже пятно свободного цвета всегда несет в себе значительный запас изобразительных качеств, выразительность, как внутреннюю необходимую основу колорита²⁹. Поэтому яркая эмоциональность цвета — отличительная черта лучших произведений мастера.

Благодаря колористическому решению живописные полотна Ф. В. Сычкова пронизаны ощущением радостного восприятия жизни. Наиболее часто художник использует в цветовой палитре красный цвет, создающий праздничное настроение. «Свое творчество я посвятил изображению простого народа. Героями моих картин являются, главным образом, жители села Кочелаева Мордовской республики. Я люблю изображать простых людей не только в труде, но и показывать их жизнерадостность, веселье, игры. Я думаю, что в этом неиссякаемом оптимизме простого русского человека сказывается его великая созидательная сила, твердая вера в счастливое будущее...»³⁰.

Мажорное настроение полотен отражено и в пейзаже. В основном это виды родного Кочелаева и его окрестностей, изображенные то в яркий, зимний солнечный день, то в пасмурное осенне-весеннее межсезонье, то в зрелое урожайное лето. «При этом в общем колористическом звучании каждого полотна нет раздражающей глаз пестроты. Все краски сливаются в единый звучный цветовой аккорд», — отмечает М. И. Сурина³¹. С. М. Даниэль точно подмечает особенности взаимоотношения цветов в сочиняемом художником колорите, их сходство и различие, согласие и несогласие: «Полная аналогия цветов означала бы отсутствие колорита как такового. Колористический принцип связан с контрастом, природа которого, по замечательному определению Леонардо да Винчи, „заключается в том, что он являет предметы

тем более совершенными по своему цвету, чем более они несхожи»³². В своих полотнах Ф. В. Сычков создает неповторимую авторскую колористическую систему, основанную на принципе организации цветовых контрастов.

В одном из писем Ф. В. Сычков писал: «...Жизнь художника в полном смысле есть самая интересная из всех занятий...»³³. Современнику можно проследить ее в многоцветных полотнах живописца, выражающих душевные переживания героев и самого мастера. Их колорит вызывает активный эмоциональный отклик зрительского восприятия. Сюжет любой картины нельзя отделить от цвета, тогда как колорит есть своеобразная фиксация мира на языке цвета на двухмерной плоскости холста. Лишь выражая чувства, мысли, представления, рассмотренные свойства цвета становятся элементами живописного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кандинский В.В. О духовном в искусстве. М.: Изд-во «Архимед», 1992. С. 14.

² Федот Васильевич Сычков: альбом / сост.: Л.А. Букина, М.И. Сурина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. С. 6.

³ Там же. С. 11.

⁴ См.: Устин В.В. Композиция в дизайне. Методические основы композиционно-художественного формообразования в дизайнерском творчестве. М.: АСТ: Астрель, 2007. С. 40.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Там же. С. 48.

⁸ См.: Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб.: Речь, 2003. 672 с.

⁹ Кандинский В.В. О духовном в искусстве. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 41—42.

¹¹ Там же. С. 43.

¹² Там же. С. 44.

¹³ Устин В.В. Композиция в дизайне ... С. 49—50.

¹⁴ Там же. С. 50.

¹⁵ Цит. по: Панксенов Г.И. Живопись. Форма, цвет, изображение. М.: Издат. центр «Академия», 2008. С. 101.

¹⁶ Серов Н.В. Цвет культуры. С. 45.

¹⁷ Там же. С. 208.

¹⁸ Шленглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Эксмо, 2006. С. 464.

¹⁹ Там же. С. 502.

²⁰ Там же. С. 502—503.

²¹ Там же. С. 503—504, 510—511, 513.

²² См.: Волков Н.Н. Цвет в живописи. М.: Искусство, 1965. 214 с.

²³ Там же. С. 62—63.

²⁴ Там же. С. 63.

²⁵ Там же. С. 79.

²⁶ Там же. С. 81.

²⁷ Там же. С. 82.

²⁸ Там же. С. 87.

²⁹ Там же. С. 87, 88.

³⁰ Федот Васильевич Сычков ... С. 36.

³¹ Там же. С. 11.

³² Даниэль С.М. Искусство видеть: о творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. Л.: Искусство, 1990. С. 116.

³³ Федот Васильевич Сычков ... С. 51.

Поступила 15.09.10.

А. Н. РУСЬКИН

ЗАВОДСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ВЫКСА В РОССИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: город, город-завод, заводовладельцы, заводское поселение, культурный ландшафт, периферия, социокультурное пространство

Key words: city, factory city, factory owners, factory settlements, cultural landscape, periphery, socio-cultural space

В современных отечественных гуманитарных исследованиях отчетливо выражено стремление рассматривать регион не только в качестве единицы географического пространства, но и как особое социально-пространственное образование, имеющее политические, производственно-экономические и культурные особенности. Такие подходы тем более оправданны, когда речь заходит об истории региона, его генезисе. К одному из методологических подходов, дающих возможность комплексного рассмотрения социокультурных особенностей территории региона, можно отнести концепцию культурного ландшафта. Несмотря на отсутствие однозначной трактовки понятия «культурный ландшафт» в современной науке, в наиболее общих чертах под ним можно понимать комплекс материальных и духовных форм культуры, сформировавшихся в процессе развития территории¹.

Несомненно, культурный ландшафт города и прочих населенных пунктов может и должен быть подвергнут исследованию. Однако здесь возникает проблема терминологии. Например, В. Л. Каганский отмечает, что «понятие „город“, которым сейчас пользуются — это понятие ненаучное, это понятие статуса поселения, установленное органами государственной власти. У него нет научного обоснования»².

РУСЬКИН Алексей Николаевич, аспирант кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского государственного университета.

Еще более усложняет эту проблему рассмотрение процесса градообразования в исторической ретроспективе. Так, ряд крупных промышленных поселений России долгое время не имел статуса города. В исторической литературе подобные хозяйственные единицы фигурируют под названиями «заводской поселок», «завод», «горный город», «город-завод». Последние два термина чаще используются историками архитектуры, и в частности Н. С. Алферовым, Р. М. Лотаревой³. С одной стороны, практически по всем социально-экономическим показателям такой тип поселений представлял собой вполне развитый город, с другой — будучи частью владений конкретных лиц, «завод» не имел права называться городом и по сути своей был близок к крепостному селу.

Обосновывая правомерность отнесения заводов к городам, отметим, что речь в данном случае идет не об административном статусе, а о существенных характеристиках поселения: численности населения, промышленном потенциале, месте в общегосударственной структуре производства. В. П. Семенов-Тянь-Шанский по таким критериям, как людность, доля населения, не занятого в сельском хозяйстве, бойкость торгово-промышленного оборота, относил подобные поселения к так называемым «истинным городам», хотя и не имеющим такого статуса на государственно-административном уровне⁴. По мнению Р. М. Лотаревой, всего за 150 лет (конец XVII — середина XIX в.) в России было введено в эксплуатацию около 500 городов-заводов⁵, одним из которых была Выкса (сейчас это районный центр Нижегородской области).

Как правило, поселки возникали одновременно с сооружением производственных зданий или вслед за ним. Расположение заводских селений определялось особенностями размещения производства⁶. Возведение того или иного заводского комплекса должно было сопровождаться строительством не только производственных зданий, но и домов для рабочих, управленческого персонала и конторских служителей в комплексе с приусадебными наделами, включая дом для заводовладельца и постройки, обеспечивающие жизнедеятельность поселения. Так, арендовав в 1764 г. у новокрещеной мордвы леса и землю близ рек Выксун и Велетьма, предприниматели Баташовы после получения указа Екатерины II от 26 августа 1765 г., разрешающего строительство заводов, приступили к сооружению желе-

зодельных предприятий на Выксуне. Уже 12 декабря 1766 г. начали действовать две мощные каменные домны, а к 1770 г. были достроены все четыре завода, несколько рудников, жилые дома, деревянная церковь и заводская контора⁷.

21 августа 1766 г. приказчик М. Родионов, работавший на постройке выксунских заводов, в своем отчете писал: «...Минувшего 1765 года, сентября в 12 день, реченной Выксунский завод строением начат. И сего 66 года по 1 число плотинное и земляное, и деревянное строение почти в окончание приходят. При котором построено два вешняка со спусками к ним с ларями, кои уже и в окончание приведены. Да в окончание приведено для приезда хозяевам и житья приказчикам по 10 покоям дом и к нему другие домовые строения. Яко то конюшня, сараи и при том заводские контора с прочими надобности. Да построено же... для житья мастеровым и работным людям, переведенным Муромского уезду из села Решного, и для работ с других их Баташовых заводов строится 30 домов...»⁸.

Складывающийся металлургический центр нуждался в рабочих разных специальностей для основного производства и подсобных работ. Поэтому параллельно возведению промышленных объектов шел процесс комплектования их мастеровыми, осложнявшийся недостатком дешевой вольнонаемной силы. Ситуацию усугубил указ 1762 г. о запрете покупки промышленниками крепостных крестьян. Чтобы обойти указ, Баташовы стали скупать заводы вместе с приписанными к ним крестьянами. Так, в 1770 г. они приобрели два горных завода, производство на которых было остановлено, и добились разрешения перевести мастеровых навсегда на действующие заводы⁹. Таким образом, уже на стадии формирования заводского поселения прослеживается четкая целенаправленная политика. «Заводские поселения (в отличие от большинства сельских) создавались не стихийно, а по замыслу заводчиков или заводской администрации. Под контролем и даже при прямом их участии происходило формирование населения заводских поселений»¹⁰.

В первой трети XIX в., судя по Специальному плану Выксунского чугуноплавильного завода¹¹, поселение характеризовалось достаточно развитой инфраструктурой, начиная от больницы, аптеки и богадельни и заканчивая

театром, пивоварней и другими заведениями. Каждое воскресенье на Рождественской площади Выксы собирались базары. По данным за 1856—1860 гг., здесь продавались одежда, обувь, сукна, кулинарные, кондитерские изделия, бакалейные и галантерейные товары и т. п. Помимо этого, тут работали закусочные, чайные, балаганы, лавки, кабаки¹². Большинство домов мастеровых были крыты тесом, дранью, а некоторые — железом. Не редки были двухэтажные дома. Различия в укладе жизни выксунцев и крестьян касались и одежды. Мужчины наряду с лаптями носили сапоги, женщины — чаще шерстяные юбки, а не сарафаны. Особенности социально-экономического положения рабочих изменили даже тип их семьи, которая, в отличие от крестьянской, была преимущественно двухпоколенной¹³.

Нельзя не заметить, что повседневная жизнь заводских категорий населения существенно отличалась от крестьянской. Более того, завод изменял жизненный уклад и у крестьян, занятых при нем сезонными работами. Так, комиссия, ревизовавшая заводы в 1852 г., отмечала, что «исполнение положенных работ требовалось от крестьян большей частью в такое время, когда для посева или жатвы им необходимо работать на собственных полях. От этого неудобства крестьяне почти никогда не убирали семенного хлеба»¹⁴. Как следствие, земля для части крестьян становилась обузой. Были случаи, когда целые села оставляли хлебопашество и круглый год трудились на заводах наравне с постоянными рабочими, а впоследствии нередко становились мастерами.

Решение проблемы определения места Выксы в социокультурном пространстве России осложняется тем, что этот тип поселения в значительной мере был обособлен от окружающего пространства. Город-завод типичен как нововведение Петровской эпохи. Его становление шло революционным, а не эволюционным путем, диктовалось не внутренними закономерностями окружающего пространства, а представлениями кого-то третьего, будь то государство или заводчики.

Ликвидация технической, прежде всего военной, отсталости страны в условиях Северной войны с ее постоянно растущими потребностями в ресурсах стала главной движущей силой модернизации России. Отлично сознавая

значение горного промысла для государства, Петр I принял ряд инициатив, определивших будущее промышленности на столетие вперед. Так, высочайшим указом от 10 декабря 1719 г., получившим название Берг-привилегии, был учрежден берг-коллегиум «для ведения в оном дел о рудах и минералах». Представителям всех сословий, кто «какого бы чина и достоинства ни был», разрешалось «во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, искать, плавить, варить и чистить всякие металлы». Таким образом, промышленная деятельность провозглашалась делом первостепенного государственного значения¹⁵. Другим судьбоносным документом стал указ от 18 января 1721 г., которым на «купецких людей» было распространено право покупать к фабрикам и заводам населенные деревни «под такой кондицией, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно»¹⁶.

Сыграв значительную роль на первоначальном этапе в виде «форсирования» индустриализации, к тому же поддерживаемой крупными государственными заказами, данные правительственные инициативы стали толчком к созданию сотен очаговых поселений, практически не связанных с местным культурным ландшафтом.

Пожалуй, наиболее точно особенности этого типа культурного ландшафта описывает В. Л. Каганский. Он рассматривает социокультурное пространство страны не в распространенной дихотомической модели «центр-периферия», а в четырех базисных категориях: центр, провинция, периферия, граница. В данной системе, в отличие от провинции (относительно самодостаточной связной средней зоны без крайностей), периферия — это «зависимая окраина, ресурсная база. Пространство периферии присвоено, а не освоено, задано внешне. Территория бессвязна и фрагментарна — рой отдельных изолированных физически (дистанционно) очагов. Они могут составлять любую геометрическую (физически) часть территории; очаговость — функциональный признак. Очаги связаны только с внешними центрами»¹⁷.

Основатели Выксы, ориентируясь на дешевую энергетическую базу (обширные лесные массивы и возможность строительства системы относительно небольших плотин на реке Выксун) и наличие залежей болотных руд, благодаря правительственной поддержке смогли за весьма короткое

время создать одно из мощнейших предприятий европейской части России. Однако ориентирование на Центр, а не на тяготеющую территориально Провинцию сыграло в дальнейшем не последнюю роль в системном кризисе петровской экономической модели вообще и выксунского заводского хозяйства в частности.

Выкса изначально создавалась в тесной взаимосвязи с центром. Именно благоприятная конъюнктура, связанная с крупными государственными заказами на военные цели, позволила заводладельцам активно расширять производственную базу на начальном этапе. Тесная связь с центром активно проявлялась и в социокультурном пространстве города. До начала XX в. в Выксу активно приглашались иногородние и иностранные специалисты. Более того, ощущая нехватку местных рабочих рук, заводладельцы скупали и привозили мастеровых и работных людей из других городов¹⁸. Ядром баташовской усадьбы был великолепный трехэтажный дворец с примыкавшим к нему европейским парком. Заводладельцы устраивали многочисленные приемы, на которые приглашалось высшее столичное общество. Посещали город и иностранцы. Здесь в начале XIX в. давались балеты и итальянская опера, каких не существовало еще в те времена в Москве.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что синтез черт городской и сельской культур, присущий заводскому поселению, порождает некое противоречие в определении и исследовании этого типа поселений именно как города. Данные противоречия объяснимы не столько сильными чертами деревни, сколько периферийностью и, следовательно, отсутствием самодостаточности в социокультурном развитии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Федоров Р.Ю. Регион как социокультурное пространство: освоение, коммуникации, ценности // Северный регион: наука, образование, культура. № 2. Сургут, 2007. С. 133.

² Неизвестная Россия. Лекция Владимира Каганского. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2007/05/04/kaganskiy.html> (дата обращения: 02.12.2010).

³ См.: Алферов Н.С. Зодчие старого Урала, первая половина XIX века. Свердловск, 1960. С. 16, 147; Лотарева Р.М. Города-заводы России. XVIII — первая половина XIX века. Екатеринбург, 1993. С. 3, 5—6.

⁴ См.: Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: моногр. сб. / ред.-сост. Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш. М.: ОГИ, 2001. С. 24—25, 493.

⁵ См.: Лотарева Р.М. Города-заводы России ... С. 13.

⁶ См.: Арсентьев Н.М., Дубодел А.М. Архитектурно-производственный облик промышленных центров первой половины XIX века (по планам и чертежам Замосковского горного округа) // Саранск: история и образ города-провинциала: материалы III Воронинских науч. чтений. Саранск, 2005. С. 188—202.

⁷ См.: Их же. Во славу России... Трудовая мотивация и образ ответственного предпринимателя конца XVIII — первой половины XIX в. М.: Наука, 2002. С. 153.

⁸ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1254. Л. 293.

⁹ ЦГИАМ. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 100. Л. 1—6.

¹⁰ Неклюдов Е.Г. Типы заводских поселений на Урале (на примере Нижнетагильского округа Демидовых XVIII — первой половины XIX в.) // Третьи Татищевские чтения: тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 2002. С. 215.

¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 63. Д. 168.

¹² См.: Арсентьев Н.М. Замосковский горный округ: заводладельцы и рабочие. Саранск, 2005. С. 121.

¹³ Там же. С. 122.

¹⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 681.

¹⁵ См.: ПСЗ-1 (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое, под ред. М.М. Сперанского, 1830 г.). Т. 5. № 3464.

¹⁶ Там же. № 3711.

¹⁷ Каганский В.Л. Центр — провинция — периферия — граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 107.

¹⁸ См.: Арсентьев Н.М., Дубодел А.М. Во славу России ... С. 155.

Поступила 30.11.10.

Л. П. КНЯЗЬКОВА

РАСТЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ МОРДВЫ

Ключевые слова: растения, мордва, народная медицина, болезни, полезные свойства

Key words: plants, Mordva, traditional medicine, diseases, useful properties

Начало традиционной медицинской культуры уходит корнями в глубокую древность. Еще первобытные люди поддерживали свое жизнеобеспечение в определенных природных условиях в случае тех или иных телесных недугов или ранений для уменьшения страданий и для излечения использовали средства растительного происхождения¹. Поэтому исторически возникновение традиционной медицины связано со становлением самого человечества, с многовековым опытом и набором проверенных лекарственных растений. Окружающая флора была и лабораторией, и лечебным центром, где немаловажную роль играли навыки профилактики и лечения заболеваний. Поэтому познание целебных свойств растений давало возможность использовать их в качестве лечения и профилактики заболеваний не только у взрослых, но и детей. С самого момента рождения ребенка с помощью растений старались уберечь от всевозможных болезней, так как существовала вера в способность растений излечивать и предотвращать болезни, возвращать и поддерживать здоровье. Считалось, что растения обладают целительной, магической силой, способной помочь ребенку.

С незапамятных времен в мордовской народной медицине были известны лекарственные свойства трав и растений: багульник болотный, береза белая, бузина черная, валерьяна, василек синий, змеевик, горичвет весенний, девясил высокий, дуб обыкновенный, дягиль, зверобой продырявленный,

КНЯЗЬКОВА Любовь Петровна, соискатель отдела археологии и этнографии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск).

душица, ива белая, крапива, мать-и-мачеха, сосна обыкновенная, березовые почки и др.²

Многие травы использовались для лечения и профилактики заболеваний с магическими обрядами и без них. Например, когда в каком-нибудь доме появлялся новорожденный, вокруг него обводили березовой метлой в течение шести дней³. Распространенным профилактическим и лечебным средством у мордвы было «выпаривание» болезни в бане с помощью березового веника, которое имело вид магического обряда. «Воду приносили из трех источников, веник готовили из трех берез (для девочки) и дубов (для мальчика). Прежде чем начать лечение, знахарка готовила воду для пара. Для этого в емкость с водой опускали принесенные камни, предварительно их накалив и прочитав над ними молитву. Затем она поднимала на полати ребенка и парила его, а мать подавала пару. Всю эту процедуру продолжали три раза, меняя веники»⁴.

Широко использовались ванны, настоянные на травах. От появления опрелостей ребенка купали в отваре ромашки аптечной и зверобоя, а для успокоения — в отваре пустырника. Для этого из сушеных трав в течение 15—20 мин. готовили отвар для купания, в котором тщательно мыли ребенка⁵. Мордва при кашле использовала пар отваренной в котле картошки, над которым дышал заболевший⁶.

В прошлом население болело гораздо чаще. Среди эпидемических заболеваний особенно был распространен туберкулез. Для его профилактики и лечения чугуны наполняли доверху сосновыми почками, собранными в апреле — мае, заливали их сильно подслащенной водой. Все это кипятили на огне не менее 4—5 ч, ставили в горячую печь для настаивания, затем процеживали и оставляли на сутки. Полученную желеобразную массу принимали с горячим чаем⁷. Многие растения использовались в предохранительной магии против сглаза. При появлении на свет новорожденного, мордва посыпала подоконники золой, крестила окна, а новорожденного обходила с березовой метлой и говорила: «Святое дерево, белая береза, охраня (имярек) от дурного человека (колдуна), от зла, ночью во время сна, днем во время бодрствования, во время поднимания его, опускания его, кормления его грудью, кормления его пищей, поения его. Так охраняют в течение шестидесяти дней»⁸. Против водобоязни детей использовался лядвинец рогатый⁹.

Распространенной болезнью у детей являлись фурункулы. «Трава, имеющая способность предотвращать чирьи, растет в Саранском уезде. Называется она вороний глаз. Ее можно найти в лесу, наверху у нее черная ягода, которая бывает только одна. Если проглотить одну ягоду без прожевывания, то чирьев не будет весь год, если две — не будет их два года и т. д.»¹⁰.

В традиционной медицине мордва применяла с профилактической целью многие витаминозные растения (землянику, бруснику, ежевику, клюкву, малину и т. д.). Детям их давали в свежем и высушенном виде и в качестве соков. Считалось, что растения обладают целительной, магической силой, способной помочь взрослому и ребенку¹¹.

Бурачник лекарственный мордва с. Сабанова Никольского района специально выращивает на приусадебном участке и применяет для улучшения обмена веществ. С этой целью столовую ложку заваривают стаканом кипятка, настаивают под теплым колпаком, после остывания процеживают и пьют по полстакана за полчаса до еды¹². Для профилактики и лечения бронхиальной астмы используют разные рецепты. Например, высушивают 40 листьев мать-и-мачехи и настаивают их в течение ночи в 0,5 л водки. Каждый вечер эти листья кладут больному на грудь (количество листьев зависит от поверхности, которую нужно покрыть) до тех пор, пока не закончатся все листья. В первый вечер кладут 1 лист на грудь больного, во второй — на спину, между лопатками, и чередуют расположение листьев до полного их использования¹³. Заливают двумя литрами кипятка горсть высушенных цветов мать-и-мачехи и настаивают их до температуры тела, а затем обливают этим настоем и натирают смесью из меда и водки¹⁴. Заваривают кипящей водой 40 головок лука-севка и держат до тех пор, пока они не размокнут, а после помещают их в 0,5 л оливкового или подсолнечного масла и разминают. Полученное пюре принимают до еды по 1 ст. л. утром и вечером. Этот способ пригоден для взрослых и детей¹⁵.

Для укрепления иммунитета от простудных заболеваний мордва взрослым детям дает чеснок. Мордва из с. Пуркаева Дубенского района в качестве общеукрепляющего средства употребляет отвар корней аира. Измельченное корневище растения заливают водой, кипятят в течение 30 мин., затем

охлаждают и пьют по 1 ст. л. три раза в день за 15 мин. до еды¹⁶.

Таким образом, в повседневной традиционной медицинской культуре мордвы растения широко применялись и применяются для профилактики детских и взрослых заболеваний и их лечения. При этом используются разные их части (цветки, стебли, корни). Растения до сих пор служат в жизни и быту не только питанием, предметами домашнего быта, орудиями труда, но и являются основой традиционной медицины мордвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Никонова Л.И., Кандрина И.А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск: Ковылк. тип., 2005. С. 30.

² См.: Назаркин Н.Я. Народонаселение и охрана здоровья в Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. С. 139.

³ См.: Шахматов А.А. Этнографический сборник. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1910. С. 157.

⁴ Никонова Л.И., Кандрина И.А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. С. 101.

⁵ Полевой материал автора (далее — ПМА): Гулягина Дарья Семеновна, 1927 г. р., с. Пуркаево Дубенского района.

⁶ ПМА: Мальйкина Надежда Евдокимовна, 1927 г. р., с. Ардатово Дубенского района.

⁷ ПМА: Кямкина Елизавета Алексеевна, 1927 г. р., с. Поводимово Дубенского района.

⁸ Герд К. Человек и его рождение у восточных финнов. Хельсинки, 1993. С. 56.

⁹ ПМА: Дворецкова Нина Дмитриевна, 1926 г. р., с. Пуркаево Дубенского района.

¹⁰ ПМА: Козлова Наталья Павловна, 1918 г. р., с. Морга Дубенского района.

¹¹ ПМА: Кашайкина Нина Петровна, 1956 г. р., с. Морд-Юнки Торбеевского района.

¹² Никонова Л.И., Кандрина И.А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. С. 86.

¹³ ПМА: Еремкина Мария Васильевна, 1953 г. р., с. Морд-Юнки Торбеевского района.

¹⁴ ПМА: Кашайкина Анна Петровна, 1967 г. р., с. Морд-Юнки Торбеевского района.

¹⁵ ПМА: Катаева Мария Евдокимовна, 1932 г. р., с. Ардатово Дубенского района.

¹⁶ ПМА: Туягин Сергей Иванович, 1935 г. р., с. Пуркаево Дубенского района.

АННОТАЦИИ

Л. С. Васильева, Б. О. Гомбоев. «Регион» в контексте географического и культурологического анализа.

В статье дан анализ происхождения, этимологии, генезиса и содержания понятия «регион», представлена его географическая и культурологическая специфика интерпретации и применения, выделены его основные аспекты по отношению к различным исследованиям.

О. В. Бахлова. Региональные политические элиты в системе коммуникаций федеративного государства.

В статье рассматриваются структура и содержание системы вертикальных и горизонтальных коммуникаций в федерации с участием региональных политических элит. Особое внимание уделяется специфике политического статуса региональных элит в федеративном государстве, определяются основные каналы и модели вертикальных и горизонтальных межэлитных коммуникаций.

Н. С. Шкурко. Интерпретация социальной памяти регионального общества в политических мифах Якутии.

На примере Республики Саха (Якутия) показан процесс создания системы этнокультурных и этнополитических мифов в регионе, отмечена роль научной и творческой интеллигенции в современном мифотворчестве.

Е. Л. Аношкина. Диспропорции развития моноцентричного г. Пермь.

В статье рассматриваются различные аспекты пространственного развития г. Перми, описаны диспропорции пространственного развития центра и периферии пермской агломерации, обусловленные нерегулируемым характером пространственной реструктуризации. Сделан вывод о том, что в условиях истощения человеческого и трудового потенциала региональное и городское планирование должно сопровождаться междисциплинарными исследованиями, включая социальные и экономические особенности развития центра и периферии агломерации.

О. Н. Владимирова. Инструменты финансирования инновационной деятельности в контексте «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года».

В статье рассматриваются возможности применения различных форм финансирования инновационной деятельности, предусматриваемых в «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года». Анализ использования и развития отдельных форм финансирования инвестиционных проектов обосновывает потенциал их применения для проектов, имеющих инновационную направленность.

Е. Н. Мальченков. Проблемы и перспективы развития инвестиционной деятельности: региональный аспект.

В статье анализируются проблемы и перспективы развития инвестиционного процесса в российской экономике. На примере Республики Мор-

довия показано негативное влияние глобального экономического кризиса на привлечение инвестиций в различные сферы экономики.

А. В. Акишева. Оценка финансовых потребностей реального сектора экономики региона в банковских услугах.

В статье произведена оценка финансовых потребностей реального сектора экономики Республики Мордовия в банковских услугах на основе использования метода экономико-математического моделирования с соответственным построением экономико-математической модели расчета емкости финансовых потребностей. Сформулированы основные выводы по оценке влияния банковского капитала на развитие реального сектора экономики республики.

М. С. Мионов. Инвестиционный маркетинг Волгоградской области.

В статье рассматривается проблема привлечения инвесторов на территорию Волгоградской области, особое внимание уделяется роли иностранного капитала в развитии промышленности. Представлен перечень видов деятельности предприятий, наиболее привлекательных для вложения инвестиций.

Э. Р. Дулая. Финансовый потенциал местных бюджетов как фактор развития социальной инфраструктуры села.

Статья посвящена вопросам формирования финансовых ресурсов местных бюджетов, которые, согласно действующему законодательству, несут ответственность за финансовое обеспечение объектов социальной инфраструктуры. На примере Республики Мордовия дана характеристика доходной базы муниципальных образований региона.

Л. И. Ерохина, А. С. Назаров. Процесс формирования региональных программ развития предприятий сервиса.

Анализируется процесс формирования региональных программ развития предприятий сервиса, выделены этапы и составляющие разработки таких программ. Обоснована необходимость внедрения автоматизированной системы мониторинга реализации программ развития предприятий сервиса.

Г. Н. Терякова. Кредитная кооперация в системе институтов финансового обеспечения хозяйствующих субъектов сферы малого бизнеса.

В статье проанализированы функции и роль кооперативов в сфере финансовой поддержки малого бизнеса, особое внимание уделено структурам поддержки кредитования малого бизнеса, основанным на деятельности гарантийных и кооперативных механизмах.

Н. В. Зубкова. Формирование оперативно-производственных планов на предприятиях автомобильной промышленности.

Представлены основные элементы подготовки производства готовой продукции, показан процесс формирования плана производства с учетом особенностей предприятий автомобильной промышленности. Оперативно-производственное планирование рассмотрено в качестве многоуровневой и

структурируемой на разные блоки и стадии плановой работы, имеющей свои особенности на каждом уровне. Представлены экономико-математические модели процесса формирования плана производства.

Н. Н. Мелькина, Д. А. Щипанов. Особенности формирования и функционирования деловых сетей производителей мороженого Приволжского федерального округа.

Рассмотрены новые организационные формы бизнеса — маркетинговые деловые сети, приводятся различные дефиниции этого понятия, анализируются проблемы формирования и перспективы развития сетевых организаций на примере производителей мороженого Приволжского федерального округа.

Об утверждении Методики оценки результативности деятельности научных организаций, подведомственных Министерству образования и науки Российской Федерации, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения.

А. А. Балябина. Роль малых инновационных предприятий при вузах в обеспечении энергосбережения в ЖКХ.

Обоснована важность обеспечения энергосбережения в ЖКХ на основе разработки и внедрения инновационных технологий и оборудования. Предложена организационная региональная структура реализации инновационных проектов по энергосбережению в ЖКХ, основанная на сотрудничестве с малыми инновационными предприятиями, создаваемыми при вузах.

И. А. Васильев. Состояние, проблемы и перспективы модернизации школьного образования в российских регионах.

Статья посвящена итогам мониторингового социологического исследования в 17 регионах РФ. Анализируются результаты анкетного опроса представителей педагогической и родительской общественности о проблемах и тенденциях развития общего среднего образования, представлены сравнительные оценки респондентов эффективности выполнения общеобразовательными учреждениями своих основных функций, обобщены предложения и пожелания респондентов, направленные на оптимизацию развития образования.

А. К. Моисеев. Межконфессиональные отношения в регионе: состояние, перспективы развития и пути решения проблем.

Статья посвящена рассмотрению соотношения традиционных и нетрадиционных религиозных организаций в Республике Мордовия, осуществлен анализ нетрадиционных религиозных организаций, действующих в республике. Особое внимание уделено необходимости эффективного взаимодействия властных структур с нетрадиционными конфессиями.

Т. В. Авдонькина. Мотивы создания семьи и прогнозирование супружеских отношений.

В статье рассматриваются тенденции и особенности развития семьи в современном российском обществе, анализируется готовность к браку у современных молодоженов, исследуются мотивы создания семьи, выбор брачного партнера и система ценностей молодоженов, помогающие спрогнозировать устойчивость супружеских отношений в будущем.

В. В. Волков. Положение студентов региона, не имеющих регистрации по месту учебы, как проблема бездомности.

Статья углубляет представления о юридической (скрытой, латентной) форме бездомности как актуальной проблеме в современной России. Представлены результаты исследования положения студентов, у которых нет регистрации по месту длительного пребывания, как представителей этой формы бездомности.

Д. М. Борисов. Сетевые ресурсы иностранной трудовой миграции в регионе.

В статье на примере Республики Мордовия рассмотрены механизмы и способы, обеспечивающие включение иностранных трудовых мигрантов в местное сообщество. Эмпирической базой исследования стали данные, полученные в ходе интервью, проведенного с иностранными трудовыми мигрантами, представителями национальных диаспор республики.

О. Н. Тюлякова. Медиапредпочтения студенческой молодежи региона.

В статье показано влияние института СМИ на медиапредпочтения студенческой молодежи Республики Мордовия. Дан анализ трансформации медиазапросов молодежной аудитории, информационного фона региона, регионального медиапространства и медийной напряженности регионального социума. Особое внимание уделено психологическому и социальному влиянию СМИ на молодежь. Выявлены положительные и отрицательные компоненты составляющих российского и регионального медиарынка.

К. Н. Коршунова. Становление и развитие социальной защиты детства: некоторые региональные аспекты.

Освещаются проблемы социальной защиты детства от истоков ее возникновения до современного этапа, дана трактовка основных понятий в области социальной защиты детства по мере их возникновения. Предложены некоторые направления реформирования современной системы социальной защиты детства в РФ.

Н. А. Шерикбаева. Виртуальная среда как ресурс идентичности для лиц с ограниченными возможностями.

В статье на основе данных социологического исследования осуществлена попытка рассмотрения возможности применения сетевых и виртуальных технологий в реабилитации лиц с ограниченными возможностями.

А. Г. Степанов. Этнические аспекты мировоззрения в системе социального познания.

В структуре социального познания определены место и роль этнических аспектов мировоззрения.

Л. Ф. Богданова. Роль политико-идеологических факторов в генезисе этнического сознания.

В статье анализируется роль политико-идеологического фактора в становлении сознания этноса. Показывается, что процесс формирования сознания этноса, как правило, шел не «снизу», а «сверху», определяясь деятельностью политиков, этнических элит и гуманитарной интеллигенции.

О. А. Богатова, Е. И. Долгаева. Этнокультурная политика в регионе: интеграция институциональных факторов формирования межэтнических отношений.

В статье анализируются основные институциональные механизмы и формы государственной этнокультурной (национальной) политики Республики Мордовия в культурной, образовательной, информационной областях межрегионального и международного сотрудничества.

О. В. Осипова. Региональная информационная политика как инструмент политической коммуникации.

Статья посвящена исследованию отражения в общественном мнении процесса реализации информационной политики органов государственной власти Республики Саха (Якутия). Информационная политика интерпретируется как процесс перманентного информационного воздействия на общество со стороны государства, проводником которого являются СМИ. Отношение населения к информационной политике рассматривается на основе прямых оценок населения.

К. В. Дементьева. Стимулирование внимания общественности к региональной прессе.

В статье рассматриваются принципы подготовки и подачи информации в ряде газет Республики Мордовия. Выделяются приоритетность темы, неординарность фактов, новизна и высокий статус источника информации.

Г. М. Агеева. Воспоминания интеллигенции мордовского края как репрезентация провинциального менталитета.

Статья посвящена анализу воспоминаний деятелей науки и культуры Мордовии как возможной фактологической базы исследований провинциального сознания, интеллигентского менталитета. Раскрыты особенности провинциальной культуры, показана значимость факторов ментального характера в определении ее своеобразия. Особое внимание уделено воспоминаниям библиотечных работников республики.

Е. В. Лысова, Ф. В. Сычков: язык цвета (выразительные возможности и специфика восприятия).

На примере колористической гаммы полотен Ф. В. Сычкова рассматриваются особенности языка цвета как вектора выразительности в живописи, прослеживается ряд уровней цвета в зрительском восприятии смысла произведения искусства: физический, образно-ассоциативный, символический, эмоциональный.

А. Н. Руськин. Заводское поселение Выкса в российском социокультурном пространстве.

Статья посвящена проблеме определения места заводских поселений в социокультурном пространстве России. На примере Выксы обосновывается особое положение горнозаводских поселений в прилегающем культурном ландшафте.

Л. П. Князькова. Растения в традиционной медицинской культуре мордвы.

В статье анализируется роль растений в традиционной медицине мордвы, которые используются для профилактики и лечения болезней у детей и взрослых.

ANNOTATIONS
L. S. Vasilyeva, B. O. Gomboev. «Region» in the Context of Geographical and Cultorological Analysis.

The analysis of the origin, etymology, genesis and contents of the notion «region» is given in the article; its geographical and cultorological specificity of interpretation and application is presented. Main aspects in relation to different researches are emphasized.

O. V. Bakhlova. Regional Political Elites in the System of Communications of the Federative State.

The structure and the contents of the system of vertical and horizontal communications in the federation with the participation of regional political elites are considered in the article. Special attention is paid to the specificity of political status of regional elites in the federative state. Main channels and models for vertical and horizontal inter-elite communications are determined.

N. S. Shkurko. Interpretation of Social Memory of the Community in Political Myths of Yakutia.

Through the example of the Republic of Sakna (Yakutia) the process of the formation of the system of ethno-cultural and ethno-political myths in the region is shown, the role of scientific and creative intelligentsia in the modern myth creation is shown.

E. L. Anoshkina. Disproportions in the Development of Monocentric City of Perm.

Different aspects of the spatial development of Perm are considered in the article. Disproportions in the spatial development of the centre and the periphery of the Perm agglomeration conditioned by the non-regulated character of spatial restructuring are described. The conclusion that in the conditions of the exhaustion of human and labour potential regional and city planning must be accompanied by inter-disciplinary researches including social and economic peculiarities in the development of the centre and the periphery of the agglomeration is made.

O. N. Vladimirova. Instruments for Innovative Activity Financing in the Context of «Strategy for Social and Economic Development of Siberia till 2020».

Possibilities for application of different forms of innovative activity financing determined in the Strategy for Social and Economic Development of Siberia till 2020 are considered in the article. The analysis of application and development of different forms of investment projects financing substantiates the potential for their application for the projects having innovative focus.

E. N. Malchenkov. Problems and Perspectives for Development of Investment Activity: Regional Aspect.

Problems and perspectives for the development of investment process in the Russian economy are analysed in the article. Through the example of the Republic of Mordovia negative influence of the global economic crisis upon investments attraction to different spheres of economy is demonstrated.

A. V. Akisheva. Evaluation of Financial Needs of Real Sector of Economy in the Sphere of Banking Services.

Evaluation of financial needs of the real sector of the Republic of Mordovia economy in the banking services on the basis of the application of the method of economic and mathematic modelling with the respective creation of the economic and mathematic model for calculation of financial needs capacity is made in the article. Main conclusions on the evaluation of the banking capital influence on the development of the real sector of the republican economy are formulated.

M. S. Mironov. Investment Marketing of the Volgograd Region.

The problems of attraction of investors to the territory of the Volgograd Region are considered in the article. Special attention is paid to the role of foreign capital in the development of industry. The list of activity types of enterprises mostly attractive for investment is presented.

E. R. Tsulaya. Financial Potential of Local Budgets as Factor for Development of Social Infra-Structure of the Rural Area.

The article is devoted to the issues of the formation of local budgets financial resources formation which according to the legislation in action are responsible for financial provision of social infra-structure facilities. Through the example of the Republic of Mordovia characteristics of the revenue base of municipal entities of the region are given.

L. I. Erokhina, A. S. Nazarov. Process of Formation of Regional Programmes for Service Enterprises Development.

The process of the formation of regional programmes for service enterprises development is analysed. Stages and components for the development of such programmes are deduced. The necessity for application of automated systems for monitoring of programmes for service enterprises development implementation is substantiated.

G. N. Teryakova. Credit Co-Operation in the System of Institutions for Economic Agents of Small Business Sphere Financial Provision.

The functions and the role of co-operatives in the sphere of small business financial support are analysed in the article. Special attention is paid to the entities for support of small business crediting based upon the activity of guarantee and co-operative mechanisms.

N. V. Zubkova. Formation of Executive Production Plans at Automobile Industry Enterprises.

Main elements of ready-made products output are presented. The process of formation of production plan with the account of peculiarities of automobile industry enterprises is demonstrated. Executive production planning is treated as the multi-level and structuralised by different blocks and stages planned work possessing its own peculiarities characteristic for each level. Economic and mathematical models of the process of production plan formation are presented.

N. N. Melkina, D. A. Shchipanov. Peculiarities in Formation and Functioning of Business Networks of Ice-Cream Producers in the Volga Federal District.

New organisational forms of business — marketing business networks — are considered, various definitions of this notion are quoted, problems in the formation and perspectives for the development of network organisations after the example of ice-cream producers of the Volga Federal District are analysed.

On Adoption of Methods for Evaluation of Efficiency of Activities of Scientific Organisations Subordinate to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Carrying Out Scientific and Research, Design and Development and Technological Activities of Commercial Value.

A. A. Balyabina. Role of Small Innovative Enterprises under Universities in Energy-Saving Provision in Housing and Communal Utilities.

The importance of energy-saving provision in housing and public utilities on the basis of the development and implementation of innovative technologies and equipment is substantiated. Regional organisational structure for implementation of innovative energy-saving projects in housing and communal utilities based on the co-operation with small innovative enterprises established under universities is offered.

I. A. Vasilyev. Present-Day State, Problems and Perspectives for School Education Modernisation in Russian Regions.

The article is devoted to the results of monitoring of social research carried out in 17 regions of the Russian Federation. The results of the inquiry of pedagogic and parental representatives on the problems and tendencies in the development of compulsory education are analysed, comparative estimations of the efficiency of the way compulsory education institutions perform their functions made by respondents aimed at the optimisation of education development are presented.

A. K. Moiseev. Inter-Confessional Relations in the Region: Present-Day State, Perspectives for the Development and Ways for Problems Solution.

The article is devoted to the analysis of the correlation between the traditional and non-traditional religious organisations in the Republic of Mor-

dovia. The analysis of non-traditional religious organisations acting in the republic is carried out. Special attention is paid to the necessity of efficient interaction of state power bodies with non-traditional confessions.

T. V. Avdonkina. Motives for Marriage and Marital Relations Forecasting.

Tendencies and peculiarities in the development of the family in the modern Russian society are treated in the article. Readiness for the marriage among the modern just married are analysed, motives for marriage, the choice of the partner and valuables system of the just married helping to forecast sustainability of marital relations are under research.

V. V. Volkov. Status of Regional Students Having No Registration by Training Places as Problem of Homelessness.

The article deepens presentations on the judicial (concealed, latent) form of homelessness as actual problem in the modern Russia. The results of the research of students having no registration by the place of long-length residence as representatives of this form of homelessness are demonstrated.

D. M. Borisov. Network Resources of Foreign Labour Migration in the Region.

Through the example of the Republic of Mordovia mechanisms and ways providing the inclusion of foreign labour migrants into the local community are considered in the article. Data received in the framework of the interview with foreign labour migrants representing national diasporas of the republic became the empirical base for the research.

O. N. Tyulyakova. Media-Preferences of Students Youth of the Region.

The influence of the mass media institution on the media-preferences of students youth of the Republic of Mordovia is shown in the article. The analysis of transformations in the media requirements of the youth audience, informative background of the region, regional media-space and media tension of the regional society is made. Special attention is paid to the psychological and social influence of the mass media on the youth. Positive and negative components of the Russian and regional media markets are deduced.

K. N. Korshunova. Formation and Development of Social Protection of the Childhood: Some Regional Aspects.

Problems in the social protection of the childhood from the origin up to the present-day stage are highlighted, interpretation of the basic notions in the sphere of social protection of children as they originated is given. Some trends for the reforming of modern system for social protection of children in the Russian Federation are offered.

N. A. Sherikbaeva. Virtual Environment as Resource of Identity for People with Limited Abilities.

On the basis of data of the sociological research an attempt to consider opportunities for network and virtual technologies application in the course of rehabilitation of people with limited abilities is made in the article.

A. G. Stepanov. Ethnic Aspects of Ideology in Social Cognition System.

The place and the role of ethnic aspects of ideology in the structure of social cognition are determined.

L. F. Bogdanova. Role of Political and Ideological Factor in Ethnic Perception Genesis.

The role of political and ideological factor in the formation of the ethnos perception is analysed in the article. It is underlined that the process of ethnos perception formation as a rule came not from «the bottom» but from «the top» and was determined by the activity of politicians, ethnic elites and humanitarian intelligence.

O. A. Bogatova, E. I. Dolgaeva. Ethno-Cultural Policy in the Region: Integration of Institutional Factors for Formation of Inter-Ethnic Relations.

Main institutional mechanisms and forms of state ethno-cultural (national) policy of the Republic of Mordovia in the cultural, educational, informative spheres of interregional and international relations are analysed in the article.

O. V. Osipova. Regional Informative Policy as Instrument for Political Communication: Sociological Dimension.

The article is devoted to the research of the reflection of informative policy of state power bodies of the Republic of Sakha (Yakutia) on the public opinion. Informative policy is interpreted as process of permanent informative influence on the society from the part of the state with mass media being its guide. The relation of the population towards informative policy is considered on the basis of direct evaluations of the population.

K. V. Demytyeva. Stimulation of Public Attention to Regional Press.

Principles for preparation and presentation of information in the number of news-papers of the Republic of Mordovia are considered in the article. Priority ranking of the theme, personal touch of facts, novelty and high status of information source are underlined.

G. M. Ageeva. Memories of Mordovia Krai Intelligence as Representation of Provincial Mentality.

The article is devoted to the analysis of figures of science and culture of Mordovia as a possible evidential base for the researches of the provincial consciousness and intelligent mentality. Peculiarities in the provincial culture are uncovered; the significance of the factors of mental character

in the determination of its singularity is shown. Special attention is paid to the memories of the library people of the republic.

E. V. Lysova, F. V. Sychkov: Language of Colour (Expressive Abilities and Perception Specificity).

Through the example of the colouristic scale of the canvases by F. V. Sychkov peculiarities of the colour language as vector of expressiveness in painting are considered. A number of colour levels in spectators' perception of the meaning of pieces of art as physical, image and associative, symbolic and emotional levels are traced.

A. N. Ruskin. Factory Settlement of Vyksa in the Russian Socio-Cultural Space.

The article is devoted to the problem of determination of factory settlements in the socio-cultural space of Russia. Through the example of Vyksa a special status of metallurgic settlements in the surrounding cultural landscape is substantiated.

L. P. Knyazkova. Plants in Traditional Medical Culture of Mordva.

The role of plants applied in prophylactics and treatment of children and adults diseases in the traditional medicine of Mordva is analysed in the article.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Л. В. Калачина, О. В. Пьянзина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций и ключевых слов *С. И. Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Подписано в печать 25.03.11. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 15,35. Уч.-изд. л. 14,32. Тираж 1 000 экз. I завод — 700 экз. Заказ № 388.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева».
Тел.: (834-2) 32-86-14; факс: (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru
Интернет-сайт журнала: <http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в Издательстве ГОУВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева». 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 24.